
Светлана Тимохина
Выбираю Небо
Христианские рассказы и стихотворения

Аннотация

Удивительные рассказы и не менее удивительные стихи. Они словно льются из наполненной любовью и восторгом души. А иногда горькие строчки рассказывают о тяжелом пути, которым идет чьё-то сердце. Идет, не замечая могущественной Божьей ладони, протянутой к нему. Идет, пытаясь своими жалкими силами преодолеть тяготы земного пути.

Одинокие, брошенные, отчаявшиеся - это они становятся героями рассказов Светланы Тимохиной. И счастливые, просветленные, обретшие небесную надежду - о них тоже строчки стихов

и рассказов нашей сестры.

Все рассказы Светланы Тимохиной написаны на реальной основе. А стихи... Они пишутся тогда, когда не может молчать сердце. Когда само Небо, великое и беспредельное, опускается на землю, чтобы ещё и ещё раз говорить с людьми. Говорить о Господе, о спасении, о неотвратимой вечности, о готовности войти в этот голубой и прекрасный мир. Который Сам Господь приготовил для любящих Его.

От автора

Все мои рассказы основаны на жизненных фактах.

Обратилась я к Господу в 1994 году. Благодарю бесконечно Бога за то, что открыл мне Себя через Иисуса Христа, и не менее благодарю Его за то, что Он всё

более открывает мне мою природную испорченность и несостоятельность. Начиная со времени своего уверования, я всегда опасалась превратиться в религиозного человека, аккуратно исполняющего определённые обряды и удовлетворённого самим собой. Самодовольство самое ужасное зло. Это начало конца для детей Божиих, поэтому вижу только один выход, который показал апостол Павел: «Уже не я живу, но живёт во мне Христос». К этому стремлюсь, этого стараюсь достичь, как достиг меня Христос.

Единственным ориентиром беру Слово Его. Духовность - это не теория, а практика. «Упражняйтесь в

благочестии» - это самое тяжёлое, потому что связано с полным отказом от себя.

А вообще, я очень счастлива. Потому что, хотя большой грешницей была в прошлом, но и меня Господь увидел и позвал. И принял, и простил всё, и не упрекнул ни за что. Хотя «грех мой всегда пред мною», и я не могу простить себе многие, многие вещи, но удивляюсь и радуюсь тому, что Господь всё простил и сделал новой. Быть новой тварью во Христе - счастье неизреченное. Хотя я много шишек набила и падала в следовании за Ним, благодарю Его, что не оставил, не переставал любить, помог встать, очиститься и

даже труд в церкви поручил.

Хочу сказать всем, кто ещё не знает Христа, не решается подойти к Нему со своей бедой: не сомневайтесь в Нём, потому что Он любит безусловной любовью. Если уж он меня простил и принял, то вас - тем более! Когда встречаюсь иногда на улице со своими прежними друзьями, очень хорошими, интеллигентными людьми, они, удивляясь, что я так изменилась, спрашивают:

— Неужели ты ни о чём не жалеешь?

Отвечаю:

— Жалею только об одном!..

— Вот видишь! - на миг торжествуют они.

— О том, что так поздно пришла к Господу, - прерываю их.

В заключение хочу привести несколько строк из одного своего стихотворения. Это - пережитое.

«Когда проснусь вдруг среди ночи,
То первая же мысль - о Нём,
Его Любовь во мне - огнём,
А надо мной - Господни очи...»

У вас есть это счастье?
Светлана Тимохина, Украина

Неожиданная гостья

Дверь маленькой «дежурки» резко распахнулась, и на пороге появилась Кассиопея Павловна Довлатова, директор крупного производственного объединения.

Дежурная Вера, до этого момента читавшая Библию, подняла голову и вопросительно посмотрела на высокопоставленную гостью.

Вера уже семь месяцев работала в проходной большого предприятия и не раз видела эту женщину, которая приезжала сюда иногда, очевидно, по служебным вопросам.

Когда Вера открывала ворота для въезда машины, в которой хорошо был виден гордый профиль Довлатовой, ни разу пассажиры этой иномарки даже не поворачивали головы в сторону Веры. Со дня своего поступления на работу, Вера молилась о всех своих сотрудниках, прося Господа о возможности рассказать каждому о Его любви.

С некоторыми работниками ей уже удалось поговорить о Боге, и она радовалась тому, что они взяли Слово Божье и христианские книги.

Но Довлатова занимала очень высокое служебное положение, даже Верин начальник, в подчинении которого были сотни людей, заискивал перед Кассиопеей Павловной.

Несколько дней назад, пропуская машину с Довлатовой, Вера размышляла сама в себе: «Таким людям о Господе и говорить не стоит... Не нужно им всё это, да, «трудно богатым войти в Царство Небесное!»

И вот сейчас Вера продолжала удивлённо и вопросительно смотреть на свою гостью, одетую в длинную, почти до пола дорогую шубу и держащую в руках букет цветов, обёрнутых в целлофан.

— Не бойтесь, я на минутку - громким начальническим голосом проговорила Довлатова. - Мне сейчас нужно скрыться от всех: хочу немедленно прочитать, что тут обо мне опять сочинили.

Свободной рукой она достала из сумочки газету и протянула Вере букет цветов:

— Подержите!..

После этого она развернула газету и углубилась в чтение, сопровождая его вздохами и покачиванием головы. Видимо, устав стоять на высоких каблуках, она опёрлась одной рукой о столик.

— Присядьте! - вежливо предложила Вера.

Кассиопея Павловна брезгливо

покосилась на грязноватые, с неопределённого цвета пятнами, обивку стульев и ответила:

— Спасибо, я уже ухожу.

Затем она опять погрузилась в чтение, изредка переворачивая страницы.

«Когда же она уйдёт?» - недовольно подумала Вера, которой хотелось вернуться к прерванному чтению

Библии, и тут только она поняла, что Довлатову привёл к ней, к Вере, Господь, чтобы она рассказала о Нём.

«Но что я могу сказать ей? - заволновалась Вера - ведь она совсем из другого мира... У неё всё есть, ей не нужен Бог!...»

Вера почувствовала, что рука, в которой она держала букет цветов, затекла; она осторожно переложила его в другую руку, целлофан зашуршал, Довлатова подняла склонённую над газетой голову, и обернувшись к Вере, возмущённо произнесла:

— Какая грязь! Как можно, считая себя интеллигентным человеком, - я говорю о редакторе, - поливать людей такой грязью! Как всё это низко!

Глядя на продолжавшую молчать Веру, гостья добавила:

— Неужели этот человек не боится Бога?

Теперь Вера точно знала, что Господь хочет и будет

говорить к этой женщине, и она сказала:

— Я не знаю, о чём написано в газете и что так взволновало Вас... Сегодня я читала в Библии о жертвоприношениях: согрешивший должен был принести жертву за свой грех. Я радовалась тому, что Христос стал жертвой за грех, что Он пострадал и за мои грехи, поэтому я свободна... свободна судить, если надо, себя, но не других.

Кассиопея Павловна с изумлением слушала Веру и вдруг тихо сказала:

— Но я всегда стараюсь делать только доброе.

— «Доброго, которого хочу,

не делаю, а злое, которого не хочу, делаю», - спокойно процитировала Вера.

Её собеседница спросила:

— Откуда вы это знаете?

Вера пояснила:

— Это слова из Библии, послание к Римлянам, глава 7.

Гостья посмотрела на раскрытую Библию и со вздохом сказала:

— Давно хочу начать серьёзно читать Библию, но сейчас так много работы! Вот через год пойду на пенсию, и уж тогда... А вообще-то часто время уходит впустую, и можно было бы от чего-то отказаться ради Бога.

Вера с удивлением и с радостью выслушала её последние слова и

предложила:

— Хотите, я подарю вам Новый Завет небольшого формата, который вы сможете всегда носить с собой? Правда, здесь мелкий шрифт, но я видела, что вы без очков читали газету.

Собеседница улыбнулась:

— Слава Богу, зрение у меня сохранилось, хотя в целом здоровье сильно пошатнулось.

Она вдруг замолчала, как бы не решаясь продолжить, и затем медленно произнесла, отвернувшись к окну:

— Я пережила большое горе: похоронила 17-летнего сына. Осталась только дочь.

В дежурке наступила тишина,

затем Вера негромко сказала:

— Я очень сочувствую Вам, но только Господь может утешить Вас и многое открыть Вам, если Вы обратитесь к Нему.

Кассиопея Павловна вздохнула и протянула руку за букетом:

— Мне нужно идти поздравлять с днём рождения одного большого человека. Спасибо, что подержали...

Она скользнула взглядом по грязноватым стенам дежурки и вдруг, проглотив какой-то ком в горле, с трудом произнесла:

— Простите меня...

— За что? - удивилась Вера.

— За то, что я плохо говорила об этом редакторе.

Наверное, я не имею права его осуждать, ведь и я не всегда поступаю правильно. Я сделала грех, да? Почему- то меня сейчас сильно совесть осуждает. А может быть, я ещё в чём-то виновата перед Богом?

Лампочка в дежурке вдруг замигала и погасла. В наступившей полутьме уже не видно было дорогой одежды Давлатовой, а только её взволнованное лицо и белый букет, который она так бережно прижимала к себе, как будто кто-то, очень дорогой ей, только что поздравил её с радостным событием в её жизни.

— Возьмите, - Вера протянула ей Новый Завет, - здесь

ответы на все вопросы.

— Спасибо, - гостья взяла книжку, спрятала в сумочку и вдруг спросила:

— А это бесплатно? Я могу заплатить!

Вера дружелюбно посмотрела на неё и с любовью ответила:

Нет, Кассиопея Павловна, платить Вам не нужно, потому что за всё уже заплачено. Просто поблагодарите Господа за Его подарок!

* * *

Постарайтесь сегодня увидеть Христа! Постарайтесь сегодня услышать Иисуса!

Кто измучен, потерян, кто очень

устал,

Кто избавиться хочет от тяжкого груза.

Постарайтесь сегодня увидеть Его На Голгофском Кресте за грех мира Распятым...

За спасенье не нужно платить ничего,

Лишь признайте себя перед Ним виноватым.

Постарайтесь услышать, что Он говорит, Драгоценному Слову старайтесь поверить. Пусть Божественный свет вас сейчас озарит, Пусть Господь вам откроет небесные двери.

Он сегодня ещё открывает Себя,

И рождённых от Бога на небе сажает!

Он сегодня ещё не суровый Судья,
Он пока ещё в Царство Своё приглашает.
Час решенья для всех приглашённых настал, Всем желающим - Сына Отец открывает. Постарайтесь поверить в Иисуса Христа, Приходящих к Нему Он сегодня спасает!

* * *

Что страшило Тебя, Иисус?
Ты молился до пота и крови!
Я понять эту тайну стремлюсь...
Есть ответ в драгоценном Слове!..
Нет, Тебя не пугала ни смерть,
Ни насмешки толпы, ни мученье:

Озлоблённых людей круговерть
Ты готов был снести со смиреньем.
Но страшило Тебя лишь одно:
Что Отец от Тебя отвернётся,
Что закроется в небо окно,
Что общенье любви вдруг прервётся...
На кресте Ты к Отцу возопил:
«Для чего Ты Меня здесь оставил?»
Чашу эту до дна Ты испил
И от смерти за грех нас избавил.
Это вопль - он в сердце моём!
Крест Голгофы сроднил нас с Тобою.
Через Крест путь ведёт в вечный дом,
Чрез страданья - к блаженству

покоя.

Все бегут, как в ускоренных кадрах кино -

Я когда-то кино увлекалась в неверье,

Но сейчас мне на это смотреть не смешно:

Бег от Бога несёт для бегущих потери!

Бег от Бога закончится пропастью в ад,

Но об этом сегодня не думают люди

И бегут, одеваясь, как на маскарад,

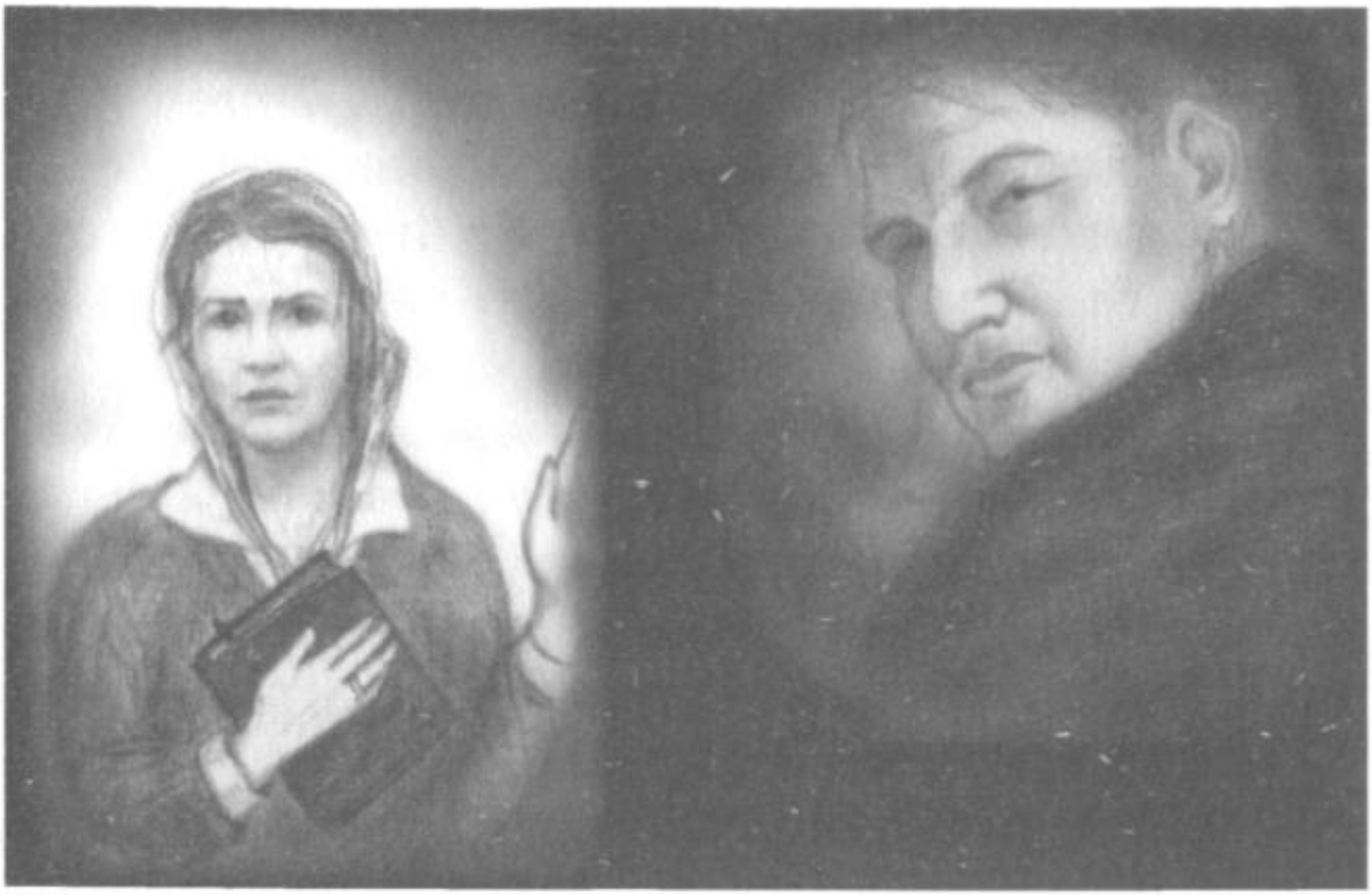
Заявляя при этом: «Нас совесть не судит!»

И торопится каждый значительным стать,

Чтоб других превзойти хоть в какой-нибудь сфере,
И от жизни побольше старается взять,
И смеётся над теми, кто в Божией вере.
Все бегут, к телефонам лицо опустив
На ходу деловые задачи решая,
А над ними высокое небо грустит,
Покаянья бегущих людей ожидая.
Ожидая того, кто к Христу припадёт,
В сокрушении сердце пред Ним раздирая,
Из пронзённых ладоней спасенье возьмёт

И отправится в путь в направлении к раю!

Перед тем, как убить...

Было около десяти часов вечера, когда Ольга уложила всех пятерых детей спать. Она сходила на кухню, чтобы убедиться в том, что и там полный порядок: газ выключен,

краны закрыты. После этого она ещё раз заглянула в детскую: набегавшись за день, все дети спали. Тогда она прошла в комнату и, устроившись поудобнее на диване, с удовольствием вытянула уставшие ноги и прикрыла глаза. На память пришли слова Господа, сказанные Его ученикам: «Идите в пустынное место и немного отдохните». Немного... Действительно, её время теперь принадлежит Господу, поэтому, решила она, - нечего потворствовать себе...

Она встала с дивана, коротко помолилась и взяла Библию: «Полчаса почитаю, а потом - за работу», - решила Оля. В ванной её

ждала большая стирка, в кухне - готовка на завтра. Она открыла Библию на том месте, где была закладка после утреннего чтения, и вдумчиво прочитала следующие слова: «Не бойтесь убивающих тело, душу же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу, и тело погубить в геенне».

Ольга несколько раз повторила этот стих и несколько последующих, чтобы лучше запомнить их, и во время работы по дому размышлять над прочитанным.

«Как хорошо, что завтра должен вернуться Борис», - с радостью вспомнила она. Муж Оли был служителем в церкви и иногда уезжал из дома. Когда Борис бывал

дома, они часто вместе размышляли над Словом Божьим, нередко муж разъяснял ей трудные места из Писания. Вот и сейчас ей хотелось спросить его, почему Бог допускает убийства верующих, ведь у них «и волосы на голове все сочтены»? И ещё, как можно не бояться «убивающих тело»?

Ольга вздохнула, закрыла Библию и собралась приступать к домашним делам. Она помолилась, благодаря Бога за Его Слово, и прося у Него благословения на предстоящий труд. Когда она закончила молитву, то услышала вдруг какие-то странные звуки, доносящиеся из кухни.

«Я ведь всё выключила», -

озабоченно подумала Оля, торопливо направляясь в кухню. На пороге она замерла и сразу же внутренне взмолилась: «Господи, помоги!» То, что она увидела, просто потрясло её.

Неизвестно откуда взявшийся мужчина лет сорока, то есть примерно её возраста, стоял возле открытого холодильника и жадно поглощал кусок колбасы. Услышав шаги Оли, он нехотя повернул голову в её сторону и лениво протянул:

— Здравствуйте, тётя, я сейчас всё объясню, только вот доем, сильно проголодался, вы уж потерпите...

Широко раскрыв рот с

серебристыми металлическими коронками на зубах, он громко расхохотался.

Оля, наконец, спросила тихим голосом:

— Что вы здесь делаете?

Мужчина рассмеялся ещё громче:

— Разве я не сказал? Для начала - заправляюсь... Скудновато живёте: ни икры, ни консервов, да и выпить нечего... Ладно, обойдёмся колбаской... А ты не переживай, дойдёт и до тебя очередь...

Он опять зашёлся смехом, а Оля внутренне напряглась и повернула голову назад, опасаясь за детей.

— А ну, не двигайся, - грозно крикнул мужчина, добавив грязное

слово, - а то не успеешь помолиться, отправлю на тот свет. В руке его блеснуло лезвие ножа.

Оля поняла, что он видел её молящейся, когда забрался в дом. Она молчала, стоя неподвижно, и мужчина успокоился и повеселел:

— Вот так, стой как манекен, пока я почищу холодильник. Наклонившись, он достал кастрюлю, но, заглянув в неё, сморщился:

— Борщ... Давно не ел борщ, но греть неохота. А вот это пойдёт! - оживился он, доставая красиво разложенные на блюде куски жареной рыбы, которую Оля с любовью приготовила к приезду мужа.

Пока он с наслаждением ел,

неряшливо роняя на пол крошки и бросая кости, Оля внутренне горячо молилась, внимательно прислушиваясь к обстановке в детской комнате.

Мужчина, наконец, опорожнил блюдо, и, захлопнув холодильник, обтёр рот висевшим у плиты полотенцем:

— Молодец, баба, вкусно готовишь! Сейчас проверю другие твои способности, - он прищурил глаза и стал медленно приближаться к Оле, вытянув вперёд руки.

— «Касающийся вас, касается зеницы ока Его», - громко произнесла Оля.

Мужчина остановился и

растерянно посмотрел на неё:

— Что за чепуха?

— Это говорит Бог! Я дитя Божье, и поэтому, если вы хотите сделать мне что-то плохое, то вы касаетесь зеницы Божьего глаза, то есть делаете больно Самому Богу!

Мужчина продолжал стоять на одном месте: казалось, он раздумывает над услышанными словами:

— Ты хочешь сказать, что веришь в то, что Бог защитит тебя?

— Я верю в то, что мой Небесный Отец сейчас всё видит, всё знает и всё сделает к моему благу...

Он как-то неестественно засмеялся:

— Все вы, верующие, притворяетесь. Я давно это понял. Верите в одно, а живёте по-другому.

Заметив, что Оля собралась возразить, закричал:

— Только не надо мне проповеди читать, не в церкви! «Ко благу!» - гипнотизируешь себя, и меня хотела бы в свою секту?! К какому такому благу будет тебе то, что я тебя сегодня точно прикончу, точно! У меня задание такое, поняла? Или я - тебя, или же они - меня! Да что я тебе объясняю?! И тут вдруг Оля вспомнила то место из Библии, которое она читала совсем недавно: «И не бойтесь убивающих тело...» Так вот оно что: Господь всё знал и готовил её к этому

испытанию. Она ещё не знала, в чём будет это испытание, чем оно закончится, но в детской доверчивости к своему Небесному Отцу тихонько произнесла: «Благодарю Тебя...»

— Пожалуйста! - услышав эти слова, с насмешкой ответил мужчина, - впервые слышу, чтоб жертва благодарила!.. Ты, наверное, точно верующая! Слушай, скажи правду: неужели ты действительно не боишься? Только не ври, я сам врун, сразу почувствую...

В ответ Оля процитировала слова из Библии, которые она сегодня выучила:

— «У вас же и волосы на голове все сочтены; не бойтесь

же...»

Мужчина немного помолчал, а потом спросил:

— Неужели ты веришь в то, что Бог может помешать мне прикончить тебя?

Оля спокойно ответила:

— Да, я верю, что Господь всемогущ, но если Он и допустит... что-то, в общем, пусть всё будет, как Он хочет.

Мужчина взглянул на неё в упор:

— И ты веришь в жизнь после смерти?

Оля сказала:

— Конечно, верю! Но я и сейчас живу, а ты? Разве это жизнь у тебя?

Он сморщился и замахал руками:

— Только не надо мне проповедовать: обработке не поддаюсь! А тебе всё равно - конец, просто хочу ещё кое-что узнать для себя: жертва какая-то странная попалась: смерти не боится! Садись, инквизиция откладывается...

Мужчина закурил и стряхнул пепел в раковину:

— Мне всегда интересно: как другие живут. Я многих знал, которые в церковь ходили, а хуже меня были... О, даже в рифму получилось! А чего муж-то уезжает от такой симпатичной?

Оля поняла, что он знает о муже и о детях, в сердце возникла, было, тревога, но Господь тут же успокоил её: «Не бойся!», и она ответила:

— Он пресвитер церкви, часто уходит или уезжает, чтобы побеседовать с теми, кто нуждается в духовной помощи... В общем, Он служит Господу, а Бог всегда помогает мне в его отсутствие.

Мужчина внимательно выслушал её, а затем спросил:

— А зачем вам столько детей?

Она даже улыбнулась, потому что в этот момент Господь открыл ей, что ничего плохого с ней не произойдёт:

— Знаешь, я хочу тебе немного объяснить, что такое жизнь с Господом, но лучше, чем Он, не смогу сказать... Очень прошу тебя послушать небольшой отрывок из

Библии!..

Он беспокойно завертелся, но сказал:

— Ладно, читай, только коротко и ясно, меня ждут, нужно заканчивать...

Оля принесла Библию, быстро нашла нужное место:

— «Мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем».

Мужчина отвернулся к окну и вдруг спросил каким- то другим голосом:

— Слушай, а ты могла бы

помолиться за меня?

— Да, - ответила Оля, - а о чём именно?

Он повернулся к ней, и она увидела его растерянное лицо. По его взгляду Оля поняла, что он о чём-то напряжённо размышлял. Наконец, он нарушил молчание:

— Значит так, помолись, чтобы Бог помог мне не сделать того, что я должен был сделать. И ещё... чтобы Он помог мне сейчас выйти отсюда без страха.

Оля молча посмотрела на него с жалостью и сочувствием. Тогда он крикнул:

— Ну, что молчишь? Молись!

В этот момент с улицы раздался

резкий протяжный свист.

Мужчина поднял руки и крепко сжал голову:

— Да, есть твой Бог, точно есть! Если бы они дали мне этот знак на десять минут раньше, тебя уже не было бы в живых.

Она спросила:

— Что же изменилось?

Он опять закурил, руки его дрожали:

— Не знаю... Просто я чувствую, что не могу это сделать. Понимаешь, я проиграл в карты человеческую жизнь; ну, в общем, мне нужно было прикончить кого-нибудь. Поискал, узнал, что твой муж часто в отъезде. Я думал, что быстро всё сделаю... И зачем только

я в эти разговоры влез? А дружки мои... Они ведь за домом-то наблюдают, чтоб я не сбежал. Если долг не верну, своей жизнью расплачусь. Но теперь я даже рад, что меня прикончат!

— Почему? - тихонько спросила Оля.

— Потому! - он возбуждённо сверкнул глазами, - потому что я не хочу так жить, потому что ненавижу себя, потому что столько зла я сделал, что меня один раз убить - мало...

Заметив, что Оля хочет что-то сказать, резко перебил:

— Только не уговаривай к Богу идти. Так как ты, жить я не смогу... Слишком чёрный я.

Оля быстро сказала:

— Послушай... Да, кстати, а как тебя зовут?

Он усмехнулся:

— Кто как... Называй Лёшкой, если хочешь.

— Послушай, Лёша, ты действительно не сможешь жить с Богом.

Он горько усмехнулся:

— Вот, видишь!

Оля спокойно продолжила:

— Ты не сможешь, а Бог сможет, если ты захочешь... И скажешь Ему об этом.

Он встал и медленно направился к двери:

— Всё, не рви душу! Я пошёл. Передай мужу, что я ему

завидую, и чтоб он всё-таки так часто не оставлял тебя одну.

Оля тоже встала:

— Лёша, прошу тебя, не уходи так, ведь ты можешь погибнуть навечно, а не просто умереть! Скажи сейчас всё, что у тебя на сердце Богу, Он очень любит тебя.

— Я сказал, всё! А любить меня никто не может, даже Бог!

Он немного помолчал, а потом добавил:

— Но ты всё-таки молись за меня, я ведь не умею...

Вдруг Оля сказала решительно:

— Лёша, давай я сейчас же помолюсь за тебя, ведь ты уже признал себя грешником, а ты

только скажешь, если согласен, в конце моей молитвы: «Господи, аминь!»

Но он быстро шагнул к двери, грубо отодвинув стоящую рядом Олю в сторону, и вышел в темноту.

Закрыв лицо руками, опустившись на колени, Оля начала быстро молиться о нём: «Господи, спаси его, прости его, ведь он судит себя, ему очень тяжело, он не хочет так жить, помоги ему поверить в Твою любовь и прощение, помоги ему успеть обратиться к Тебе!»

После того, как она сказала: «аминь», раздался выстрел.

— Что это, Господи? - прошептала Оля, подойдя к окну и всматриваясь в темноту.

И тут она увидела двух мужчин, которые быстрым шагом направлялись в сторону её дома. Она торопливо пошла к входной двери, проверила: дверь была закрыта. Оля внутренне взмолилась, и в этот момент она услышала их голоса. Очевидно, они как раз проходили мимо её дома:

— Надо быстрей уходить подальше, - хрипло сказал один.

— Я знаю одно место, где можно спокойно отсидеться, - произнёс другой голос и добавил:

— Слушай, а что такое «аминь»? Чего это Лёха кричал: «Господи, аминь!»

— Не знаю. Тихо, тут дом рядом. Главное, мы его прикончили.

Бежим!

Голоса умолкли. Оля медленно опустилась на колени, всё напряжение этого трудного вечера, этой ночи, выходило из её сердца. Сжимая обеими руками своё разгорячённое лицо, она тихонько плакала пред Господом, изливая Ему свои переживания. В самом конце своей молитвы она с благоговением благодарила Господа за это нелёгкое испытание. А затем робко сказала:

— Господи, я так надеюсь, что Лёша с Тобой, ведь он сказал: «аминь» на мою молитву о нём! Господи, если можно, скажи мне, так ли это?

Глубокий мир и покой наполнили

сердце Оли, и она с радостным волнением сказала:

— Благодарю, Тебя, Господь!

Ночной разговор

Отработав вторую смену, которая заканчивалась в двенадцать часов ночи, Михаил, как обычно, возвращался домой пешком. Уже пятый год он работал на заводе токарем. Все знали его, как верующего: не пьёт, не курит, ни с кем не ссорится, в перерыве Библию читает. Одни к нему относились с уважением, другие насмехались - и за спиной и в лицо. Но были и те, кто тайком расспрашивали его о

пути спасения, охотно брали христианскую литературу.

Сегодня один из рабочих попросил у Михаила адрес Молитвенного дома и сказал, что хочет посетить собрание христиан. Несмотря на нелёгкий трудовой день, Михаил бодро шёл по опустевшим улицам города. Он знал, что и в этот поздний час жена ожидает его, и как только он откроет дверь, выйдет из комнаты в прихожую, приветливо улыбаясь ему. Как обычно, он негромко запел на ходу:

«О, как блажен, как счастлив я:
Христос - Спаситель мой!
Готово место для меня в стране

небес святой!

Славлю Агнца: за меня страдал на Голгофе Он -

Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, аминь!»

Редкие машины на трассе яркими фарами освещали тёмную улицу, по которой шёл Михаил. Вдруг одна из встречных машин резко затормозила прямо рядом с ним, и он услышал властный мужской голос:

— Миша, привет, как я рад тебя видеть!

Михаил прищурился, чтобы разглядеть говорившего, но ослепительный свет от шикарной иномарки падал прямо в глаза. Тут

открылась дверца машины и появился водитель, и Миша сразу узнал в нём своего бывшего соседа по лестничной площадке - Валентина, который несколько лет назад, внезапно разбогатев после удачного вклада денег в какое-то предприятие, продал квартиру и купил дом в престижном районе города. Пока они были соседями, Валентин одиноко проживал в двухкомнатной квартире. Расположившись сердцем к Михаилу, он нередко наведывался в его тесную однокомнатную квартиру, где его приветливо встречала семья верующих. Жена Татьяна радушно угощала тем, что имелось; четверо деток охотно пели для дяди Вали

христианские песни, рассказывали стихи об Иисусе Христе.

— Как вы все тут размещаетесь? - удивлялся сосед, угощая детей конфетами и фруктами и усаживая самых маленьких на колени, - вам хотя бы трёхкомнатную!

— Очередь на жильё на заводе остановилась, сейчас бесплатно жильё не дают, - объясняла Татьяна, - но мы, слава Господу, все помещаемся, а Господь Иисус вообще не имел жилья, когда жил на земле...

Валентин удивлялся их ответам, их довольству самым малым, удивлялся всему их образу жизни. Он охотно слушал Михаила, который

часто рассказывал ему об Иисусе Христе, объясняя Божий путь спасения, но на приглашения прийти в собрание отвечал уклончиво. О работе своей он никогда не рассказывал, часто уезжал куда-то на несколько дней, возвращался довольный, приносил детям сладости. Он открыто говорил о том, что его цель - разбогатеть и жить ни в чём не нуждаясь. Михаил удивлялся:

— У тебя же и так всё есть! Живёшь один в большой квартире, зарабатываешь много...

В ответ он тяжело вздыхал:

— Разве это много? Ты просто не знаешь, как живут люди!

И когда однажды вложенные

Валентином в какое-то предприятие деньги принесли ему огромную прибыль, он сразу продал квартиру, купил дом и открыл торговую фирму. Об этом он сам рассказал Михаилу, а после этого сразу же переехал в свой новый дом. Со своими бывшими соседями он больше не встречался, погружённый в новую, полную забот, жизнь богатого человека.

И вот сейчас Валентин стоял перед Михаилом, одетый в дорогой модный костюм, благоухающий духами, прислонившись к своей новенькой блестящей иномарке, и со снисходительной улыбкой смотрел на одетого в рабочий комбинезон Михаила.

Они пожали друг другу руки, и Михаил ответил на приветственные слова своего бывшего соседа:

— Я очень рад тебя видеть, Валентин! Расскажи, как ты живёшь?

Валентин поднял обе руки вверх:

— О, не спрашивай: всё, о чём я мечтал, сбылось. Как в сказке! Миша, сейчас я богат так, что могу, наверное, весь городок наш купить! Но давай лучше о тебе: ты- то как? Как Татьяна, дети? Погоди, вспомню: Санька,

Петя, Миша, как и ты, и самая маленькая - Анечка... Правильно?

Михаил улыбнулся:

— Правильно, только самая маленькая теперь - Олечка.

— Что, правда? Ну,

молодцы, поздравляю! Слушай, Миша, давай заедем куда-нибудь, что мы как сироты - на улице разговариваем? Ах, да, ты по таким местам не ходишь, прости, забыл! Ну, давай я тебя хоть домой подвезу, и поговорим по дороге... А хочешь - ко мне?..

Но Михаил вежливо отказался:

— Спасибо, Валентин, но я после смены - домой спешу, к жене, к деткам. И подвозить тоже не стоит, я почти дошёл.

Валентин озадаченно огляделся:

— Точно, наш район, а я и не узнал. А вы так и живёте в однокомнатной?

— Так и живём, слава Богу.

Лицо Валентина вдруг приняло

решительное выражение:

— Слушай внимательно! Завтра же, - тут он посмотрел на часы и поправился, - точнее, сегодня же вы переедете в другую, более просторную квартиру!

Он довольно улыбался, ожидая ответа Михаила, и тот спокойно сказал:

— Благодарю, Валентин, я понимаю твои добрые чувства, но я принимаю подарки только от Бога.

Валентин замахал руками:

— А это от Бога и есть! Кто бы тебе ещё квартиру подарил?!

Михаил внимательно посмотрел на него и ответил:

— Бог к нечистому не прикасается.

Валентин вспыхнул и поднял было руку как для удара, но тут же опустил её и медленно проговорил:

— Может быть, ты и прав... Может быть, поэтому у меня и сон пропал...

Он вдруг почти закричал:

— Миша, я спать не могу! Совсем не могу, понимаешь?!

Михаил сочувственно кивнул головой, и Валентин вдруг рассердился:

— Что ты киваешь? Ты знаешь, что такое не спать? Совсем не спать?

Михаил молчал, и Валентин спросил его:

— А ты-то сам как спишь? Ведь у тебя забот полно: ребятишки,

жена, да ещё работа ночная.

— Я все заботы на Господа возлагаю, - ответил Михаил, - Он мой Отец Небесный! А сплю я крепко, слава Богу.

Валентин как-то обмяк и проговорил:

— Да, тебе легче... А я, понимаешь, замучился! Ничего не помогает: лучшие лекарства, лучшие врачи, лучшие курорты - ничего! Ты знаешь, куда я ехал сейчас? На ночную прогулку, так сказать: каждый вечер сажусь за руль и на большой скорости делаю несколько кругов вокруг городка.

— Зачем? - удивился Михаил.

— Затем, чтоб заснуть хоть

на час! Возвращаюсь домой под утро - сразу в постель. А в шесть мне уже подниматься нужно: бизнес свой контролировать, а то разворуют за два дня.

Михаил с сочувствием посмотрел на Валентина:

— Так и живёшь?

— Так и живу, - с вызовом ответил он, - а что делать? По-другому я уже не смогу! Я хотел быть очень богатым и стал им! Правда, я не думал, что богатство - это бремя, да ещё и сон пропал... Слушай, Миша, посоветуй что-то Божественное, а?

Михаил ответил не сразу:

— А ты хотел бы оставить такую жизнь и начать жить с Богом?

— Возможно... - замялся Валентин, - а как начать?

Михаил внимательно посмотрел на него:

— «Иди, продай всё, что имеешь, раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах». И тогда сможешь жить с Богом...

Валентин возмутился:

— Как это, - всё раздай! Нищие разбогатеют, а я стану нищим - какой в этом смысл?!

Михаил спокойно ответил:

— А ты не ищи смысла, ищи Бога, то есть сделай так, как Он тебе говорит, и тогда увидишь, что будет.

Валентин поёжился, то ли от ночной прохлады, то ли от слов Михаила, и тихо сказал:

— Ладно, Миша, я поехал, а то скоро рассветать будет, а я ещё ни одного круга не сделал.

Они опять пожали друг другу руки, но уже не так крепко. Ладонь Валентина была холодной и вялой. Он махнул рукой из машины:

— Будь здоров, Миша! Счастливый ты! Передавай привет жене!

Машина сорвалась с места и через несколько мгновений исчезла в ночи.

...Михаил тихонько открыл дверь квартиры своим ключом, но Татьяна сразу появилась в прихожей.

— Почему не спишь? - поприветствовав жену, спросил Михаил.

— Тебя ожидала, - улыбаясь, ответила Таня, и поспешила на кухню греть чай.

Михаил заглянул в комнату: дети спокойно спали на своих двухэтажных кроватках. Он умылся и прошёл в кухню. Увидев его, Татьяна взялась за чайник, но муж остановил её:

— Подожди, давай сначала помолимся об одной несчастной душе.

Татьяна быстро повернулась к нему:

— Ты опять разговаривал с бомжем?

Михаил печально улыбнулся:

— Нет, беседа была не с бомжем!

Он рассказал о встрече с Валентином. Жена заплакала.

— Ты что? - спросил Михаил, дотронувшись до её руки.

Она вытирала слёзы:

— Валентина жалко, - пропадёт!

Отодвинув табуретки в сторону, они преклонили колени в своей тесной шестиметровой кухоньке и горячо помолились за несчастного богача, который сейчас носился вокруг города на одной из своих дорогостоящих машин, чтоб обрести покой своей душе хотя бы на час.

После чая жена осталась на кухне, чтобы помыть посуду, а Михаил тихонько прошёл в комнату и лёг в постель.

Ему хотелось ещё немного поразмыслить о ночной встрече, но едва голова его коснулась подушки, он сразу же погрузился в глубокий и спокойный сон.

«Возлюбленному Своему Господь даёт сон»!

Я не говорю Ему: нет!

Тем людям, которых враг душ человеческих крепко держит через алкогольную или наркотическую зависимость, особенно трудно прийти к Богу.

Окружающие их неверующие относятся к ним свысока, с пренебрежением, поэтому они озлобляются, замыкаются в себе и

нередко не хотят даже слушать о Боге, опасаясь подвоха. Нужно много горячих молитв с постами и особый подход к таким душам, которые дороги Господу так же, как и другие.

У меня есть несколько знакомых, находящихся в алкогольной зависимости, о которых я молюсь уже несколько лет.

Хочу рассказать об одной из них, которую зовут Люба. Я называю её настоящее имя, чтобы читатели тоже могли молиться об этой женщине.

Родилась Люба в атеистической семье образованных, интеллигентных людей, но после преждевременной смерти

родителей, выйдя замуж и родив сына, как-то незаметно привязалась к «зелёному змию». Обменяла свою хорошую квартиру на худшую с доплатой, но эти деньги быстро «ушли». Муж оставил её и уехал в другой город.

Сын, повзрослев, тоже избрал широкий путь: выпивки, сомнительные друзья, стремление разбогатеть любым способом. В результате, за какое-то серьёзное преступление он попал в места лишения свободы, где находится и поныне.

По профессии Люба - художник, её работы с удовольствием покупали, да и сейчас ей иногда заказывают портреты святых и

картины на библейскую тематику.

Однажды знакомая Любы, посещавшая баптистскую общину, пригласила её пойти с ней на собрание.

Так Люба начала посещать церковь, через какое- то время вышла вперёд с покаянием, а затем приняла водное крещение.

Я не знаю, и не могу рассуждать о том, было ли это у неё от сердца, произошло ли тогда рождение свыше, это знает только Господь, но только Люба после этого продолжала выпивать и вела прежний образ жизни, изредка посещая собрания. Вскоре её отлучили, и она полностью вернулась к старому.

Случайный заработок после продажи картины или выполнения какой-нибудь другой работы она быстро пропивала и снова искала работу.

Оставшись одна, она научилась делать практически любую работу: могла побелить стены, застеклить двери, поклеить плитку на пол и на стены, хорошо подстричь и мужчин и женщин, вкусно приготовить еду, устранить неисправность различных приборов и множество других вещей. Она могла дать хороший практический совет из любой сферы жизни, однако деньги в руках у Любы не задерживались, пагубная привязанность к алкоголю быстро поглощала всё заработанное.

Обладая большими способностями, она часто оставалась голодной, потому что не на что было купить еду.

Когда я познакомилась с ней и немного узнала о её жизни, я пригласила её на собрание христиан. Но она редко приходила: может быть, стесняясь своего бедного одеяния, а может быть по другим причинам.

После того, как мы больше сблизились, она стала заходить ко мне домой для общения. Мы вместе обедали, Люба много рассказывала о себе, я заметила, что она пытается осмыслить свою жизнь, что-то уяснить для себя. По её рассуждениям было видно, что она

Господа ещё не знает, видимо, её покаяние было формальным.

Сейчас она с удовольствием слушала о Господе, брала читать христианские книги, но однажды резко спросила меня: «А что Он хочет от меня?» Я сначала даже растерялась и внутренне возмутилась от этих слов, но потом ответила, что Бог хочет ей дать Свою любовь.

В то время в моей квартире проходили христианские собрания, которые проводили братья из нашей общины. Я приглашала соседей, знакомых, так как не все решаются прийти сразу в молитвенный дом. Люба в течение некоторого времени также посещала эти домашние

собрания. Она подружилась с моей сестрой и мамой, тоже верующими, особенно она полюбила мою маму. Мои родные, которые живут отдельно от меня, в другой части города, часто приглашали Любу к себе.

Заметив какие-то неисправности в моей маленькой квартире (я живу одна), Люба успешно устраняла их, даже побелила мою комнату.

Однажды она надолго исчезла. Я несколько раз заходила к ней, но её не было дома. Я оставила ей записку с просьбой зайти, перезвонить, но ответа не было.

Потом как-то встретила её на улице, выпившую, она сказала, что нанялась к кому-то на работу, нет

времени приходить, просила передать привет маме и сестре.

Мы, конечно, очень огорчились, что Люба вернулась к прежнему образу жизни, но продолжаем молиться о ней.

На днях я шла из молитвенного дома: в этот день у нас проводилось крещение, поэтому собрание было длительным. Приближаясь к своему дому, я встретила Любу. Она торопливо кивнула в знак приветствия и хотела пройти мимо. Но я остановилась и спросила у неё, почему она не приходит к нам. Она ответила, что всё время занята, много работы, но потом добавила, что заходила ко мне пару раз, но меня не было дома.

Её последние слова меня обрадовали: значит, не всё потеряно. Люба сказала, что заходила ко мне за хлебом, так как нечего было кушать. Я сказала, что действительно, редко бываю дома и попросила её впредь оставлять записку. Затем я спросила, не голодная ли она сейчас. Она тихо ответила, что сейчас постарается что- нибудь купить. У меня была готовая еда и я отдала её Любе. Денег я ей не дала, опасаясь, что она неправильно их потратит. Увидев еду, она очень обрадовалась, и начала было горячо благодарить меня, но я прервала её, сказав:

— Люба, тебя Иисус очень

сильно любит, даже задержал меня в молитвенном доме, чтобы я встретилась с тобой и передала тебе еду, которую мне дали там.

Она внимательно выслушала меня и, опустив голову, тихо произнесла:

— А я не сказала Ему: нет!

Мы попрощались и пошли в разные стороны. Обернувшись, я увидела, что она сразу начала есть.

После этой встречи я поняла, что Люба не отказывается принять Господа и, видимо, много размышляет о пути спасения, но через пристрастие к алкоголю и сигаретам враг крепко держит её в своих сетях.

Когда я закончила эти заметки, я

опять встретила Любу. Мы остановились, заговорили, и я сказала, что написала небольшой рассказ о ней и хочу отправить его в христианскую газету, чтобы читатели молились о ней, Любе.

Я спросила, не против ли она, чтобы я употребила её настоящее имя. Она ответила, что не возражает и что верит в силу истинной молитвы. Немного помолчав, она рассказала:

— Недавно я заработала немного денег и пришла на рынок, чтобы купить еду. Сейчас на каждом шагу продают спиртное на разлив. Не устояв перед искушением, я решила обойтись без еды и потратить деньги на спиртное. Но

потом я почему-то так и не сделала этого. Как будто какая-то сила остановила меня. Купив немного еды, я вернулась домой, подумав, что, наверное, ваши молитвы помогают мне!

Я возвращалась домой, благодаря Господа за то, что Он постоянно побуждает нас к ходатайственным молитвам за наших близких.

Я верю, что Он поможет и Любе сделать правильный выбор. Тем более, что за её бессмертную душу Христос теперь будет сражаться и по молитвам читателей «Забытого Алтаря».

А я влюблялась в имена...

Дни летели катастрофически быстро. Марине порой казалось, что земля как бы уходит из-под ног: в последнее время в ней поселилось и росло какое-то беспокойство, неуверенность в себе, мучил страх перед будущим... «Это оттого, что я родилась в неудачной семье: отец - пьяница, бедность, скандалы. Да ещё и знак зодиака у меня самый плохой - рыба! Ни рыба, ни мясо...» - Марина грустно усмехнулась, размышляя над своим неудавшимся детством и юностью. «Плохой старт», - прошептала она, кусая губы от обиды, но потом, вздохнув,

расправила плечи и решительно сказала сама себе: «Ничего, я всё равно пробьюсь!»

Ещё в школе учителя заметили незаурядные способности девочки, которая преуспевала по всем предметам, особенно по гуманитарным. И университет она окончила без усилия с отличием. С работой, правда, не очень получалось: таких журналистов с дипломами, как она, было много. В престижных редакциях и издательствах места были прочно заняты, пробиться с публикациями было тяжело, и хотя она уже кое-где печаталась, всё это было как-то неустойчиво, ненадёжно, и, как ей казалось, бесперспективно.

«Конечно, без знакомств трудновато, сейчас ведь всё по «блату», но ничего, я пробьюсь, я обязательно пробьюсь!» - подбадривала себя Марина.

Ещё несколько лет назад, когда она только начала писать стихи и почувствовала вкус творчества, она решила: «Буду писателем и притом известным. У меня получится!» В отличие от многих своих сверстниц, Марина не отвлекалась на знакомства с юношами и не тратила времени на различные развлечения. Нет, она не была «синим чулком», напротив, многие молодые люди искали её внимания, стараясь ближе познакомиться с ней, и это было ей очень приятно, но в то же время она

опасалась того, что семейная жизнь или подобие её, отвлекут её от главной цели в её жизни: прославиться в писательском творчестве.

Марина любила и знала наизусть множество стихов, старательно изучала биографии своих любимых писателей и поэтов: их жизнь казалась ей яркой, праздничной, вполне удавшейся. Ей хотелось подражать им, добиться такой же славы.

Однажды один известный в городе, почтенного возраста писатель заинтересовался ею, прочитав её стихи в каком-то скромном издании. Найдя её и познакомившись с нею, писатель

предложил ей помощь в творчестве и — почти одновременно - руку и сердце. Но Марина отказала ему, опасаясь, что превратится в домохозяйку капризного пожилого человека, и перестала поддерживать с ним взаимоотношения.

Шло время, а известность так и не приходила. С огромным трудом Марине удавалось изредка пристроить один-два стиха в самые незначительные издания, но они оставались незамеченными. Об издании авторской книжки нечего было и мечтать. Работа тоже была не ахти - корреспондент в заводской многотиражке: статьи об ударниках коммунистического труда, о

качестве пластмассы, о преимуществах конвейерной системы; после этого вдохновение, необходимое для написания стихов, куда-то улетучивалось.

Марина понимала, что катится вниз, удаляясь от своей мечты всё дальше и дальше. Дома обстановка оставалась ужасной: пьяный отец, измученная скандалами больная мать, постоянные крики, ссоры... Нередко она сразу после работы ехала в университетскую библиотеку и допоздна проводила время в читальном зале, возвращаясь домой, когда все уже спали.

Однажды Марина прочитала в газете о наборе студентов в

Московский литературный институт: её сердце радостно забилось - вот и выход из серой однообразной жизни, вот путь к успеху, к славе!

Недолго думая, она уволилась с работы, выписалась по месту проживания и, собрав скромные пожитки, отправилась в столицу.

Приехав в Москву, Марина остановилась у своих дальних родственников, которые выражали открытое недовольство её неожиданным приездом. Во время её многодневной подготовки к экзаменам, они не раз заявляли ей, чтобы она подыскала себе другое жильё. Марина старалась не обращать внимания на их упрёки, так как денег для найма жилья у неё

не было. Ночью она спала всего по три-четыре часа, так как усиленно готовилась к экзаменам, изо всех сил стараясь «победить» свою судьбу. Плохое питание и чрезмерное умственное напряжение подорвали её здоровье. Как-то, возвращаясь из библиотеки, она хотела перейти через дорогу, по которой на большой скорости шли машины, но, обессиленная упала, попав под колёса такси.

Не успела даже документы подать в институт, и вместо ВУЗа, попала в «склифасовку», как называют больницу имени Склифасовского.

Почти год пролежала Марина в этом заведении: серьёзные

переломы костей потребовали длительного лечения. Прогнозы врачей были самые мрачные: вряд ли больная сможет передвигаться самостоятельно. Но к их удивлению, она всё-таки поднялась и начала ходить, сначала с помощью костылей, а потом и без них. Только ни о каком литературном институте Марине и думать уже не хотелось: в ней что-то словно сломалось внутри.

После выписки из больницы она, прихрамывая, вернулась домой, в свой родной город, где ещё несколько месяцев долечивала свои переломы.

Вскоре Марина устроилась на работу в редакцию газеты

техническим работником: к творчеству её больше не тянуло. Стихи писать ей не хотелось: как будто и не было этого дара. Она вдруг всерьёз испугалась: что же теперь делать?! Ведь теперь у неё не было даже цели в жизни, не за что было ухватиться. Она попыталась написать хотя бы рядовую статью для газеты, стараясь «выжать» из себя какие-то мысли, но внутри у неё всё как-будто омертвело. «Всё, конец, - решила она, - ничего нет, и не будет».

Она долго и безутешно плакала в пустом полутёмном курительном помещении главной городской библиотеки, где она раньше

проводила насыщенные творчеством вечера. Через полчаса читальный зал закрывается. Марина тяжело вздохнула: пора возвращаться домой, в тягостную атмосферу постоянных ссор и криков, а утром - добираться с пересадками в редакцию, где её ожидал однообразный утомительный труд корректора. «Всё! Не могу! Ничего не хочу!» - сказала Марина вслух, погасив сигарету. Впервые появилась мысль о том, чтобы уйти из жизни. Раньше, когда она читала о самоубийствах, то всегда изумлялась: как могут люди дойти до такого состояния? А сейчас ей хотелось это сделать над собой. Она закрыла глаза и

представила себя стоящей на стуле и просовывающей голову в петлю.

Марина поёжилась и подумала: «Нет, нет. Это очень страшно, я не смогу... А может быть... газ? О нет, это очень долго и мучительно, я не выдержу, да и нет гарантии, что всё получится. Спрыгнуть вниз с высокого этажа? А вдруг я останусь живой? Живой калекой на всю жизнь?! Нет, всё это не то, не то...

Она открыла глаза и, посмотрев на часы, ахнула: до закрытия библиотеки оставалось всего пять минут. Быстро припудрив покрасневшее от слёз лицо, она вышла из курительной комнаты и, сдав книги недовольной работнице, вышла на тёмную улицу.

Ночью Марине стало очень плохо: мучил сильный кашель, болело сердце. Состояние было таким тяжёлым, что она невесело подумала: «Ну вот, и не надо выбирать, как умереть!» Но умирать ей почему-то не хотелось.

И вдруг сердце её охватил страх. Страх перед смертью, перед переходом в вечность. Когда она перед этим размышляла о самоубийстве, ей хотелось только поскорее уйти из жизни, чтобы утихла эта ноющая душевная боль. Теперь же она думала о самой смерти. Где она окажется, если сейчас умрёт? Что её ожидает за этой таинственной чертой, отделяющей время от вечности?

Марине стало по-настоящему страшно, захотелось крикнуть, как в детстве: «Мама, мама!» и быстро спрятаться за материнскую спину, крепко ухватившись за тёплую мамину руку. Но сейчас и крикнуть некому: мама в больнице, а напротив, в углу, как всегда, храпит пьяный отец.

«Боже, я не хочу умирать! Помоги мне! Ведь Ты помог мне тогда, в Москве, хотя я даже не просила Тебя об этом. Я знаю, что мне помог Ты, потому что врачи ничего не могли сделать. Господи, для чего я живу? Для чего-то же я появилась на этот свет? Как всё бессмысленно! Ой, почему мне так плохо: всё болит, наверное, я всё-

таки умираю, какой глупый конец... Господи, я знаю, что я сама во всём виновата: я гонялась за миражами! Боже, мне кажется, что Ты меня слушаешь... Хотя, вряд ли... Господи, а Ты есть? Тогда помоги мне бросить курить, кашель замучил! Но если Ты и есть, Ты не будешь больше помогать мне, я знаю - потому что Ты добрый, а я злая! Говорят, что Ты всех любишь, а я никого не люблю, по-моему, даже и себя... Ты не будешь помогать злым, поэтому я сейчас умру от этой боли... Всю жизнь я думаю только о себе, мне ни до кого нет дела... Я мечтала стать знаменитостью, но чуть не дошла до самоубийства! Мама, мамочка уже

месяц в больнице, а я ни разу не была у неё! Господи, почему у меня такое жестокое сердце?! О, если бы Ты мог мне дать другое сердце... другую жизнь... Как жаль, что это уже невозможно!»

Боль начала утихать. Измученная Марина крепко уснула, а когда открыла глаза, увидела в окошко ясное голубое небо. Отца в комнате уже не было. Она взглянула на часы: десять часов утра. Ужас! Проспала! Она выскочила из постели и сразу же с облегчением вспомнила, что сегодня суббота, выходной день, на работу ей не надо. Присев на край дивана, Марина начала одеваться и вдруг её как будто обожгло воспоминание о

ночных переживаниях. Она неподвижно сидела, стараясь понять, что произошло в её жизни. Ночная болезнь, страх смерти, ужас перед неизвестностью, связанный с переходом в вечность... Где всё это?! Она прислушалась к себе: сердце стучит ровно, в горле чуть першит, но кашля нет, а главное - её наполнял какой-то неведомый ей до этого глубокий внутренний мир, покой.

Марина осторожно встала, опасаясь, что эта счастливая тишина сейчас исчезнет, растворится в суете обычного дня. Она сварила кофе, достала из пачки сигарету и вдруг, впервые за много лет, почувствовала сильное

отвращение к этому занятию. Раньше, случалось, что во время простуды у неё временно пропадало желание курить, а после выздоровления оно проявлялось с новой силой. Но сейчас она была здорова, однако даже вид сигарет был неприятен ей. Она смяла всю пачку в руке, выбросила в мусорку и тщательно вымыла руки. На сердце была твёрдая уверенность, что она уже не будет курить никогда. От сильного волнения она не могла есть, поэтому, оставив всё на столе, она оделась и вышла на улицу. День был не по-зимнему тёплый и солнечный. «Что со мной случилось?» - не понимала Марина. Хотелось петь. Хотелось жить. И

только сейчас она вспомнила свой ночной монолог, обращённый к Богу.

«Господи, вот оно что! Оказывается, Ты есть! - как быстро Ты ответил мне: Ты избавил меня от привычки курить! И мне уже не хочется умирать, напротив, я очень хочу жить, но я не хочу жить так, как я жила прежде. Неужели Ты и в этом поможешь мне?»

— Приглашаем и вас! - вежливо обратился к Марине высокий светловолосый юноша и протянул ей какой-то листок.

Она взяла его, поблагодарив, и раскрыв, прочитала какие-то удивительные для неё слова: «Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их». На

обратной стороне было приглашение на собрание христиан. Адрес был хорошо известен Марине: это было небольшое здание недалеко от её дома. Часто проходя мимо этого дома, она замечала скромно одетых людей, которые входили и выходили из этого здания.

«Возможно, это какая-то религиозная секта», - встревоженно подумала она, - «не вздумай туда пойти!» - услышала она внутри себя чей-то повелительный голос.

Марина быстро скомкала листок и выбросила его в корзину для мусора. Она торопливо прошла часть улицы, и вдруг в памяти её отчётливо всплыли слова, которые

она прочитала сегодня: «Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их».

«Я выбросила в мусорку Божии слова, - обдало её жаром изнутри, - ведь это были слова из Библии!» Ей хотелось плакать от отчаянья: «Господи, сможешь ли Ты простить меня?»

Она почти бежала домой, быстро нашла Новый Завет, который иногда читала мама. Но как найти эти слова, которые не выходили у неё из головы? Марина в растерянности открыла книгу и прочитала: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель и многие идут ими, потому что тесны врата и узок

путь ведущие в жизнь, и немногие находят их».

Изумлённая, Марина подняла глаза к небу и сказала: «Всё, Господи, я сдаюсь, Ты победил, я хочу служить Тебе, я хочу войти в эти тесные врата, не оставляй меня никогда, потому что без Тебя мне не нужно ничего!»

Вдруг взгляд её упал на висевший на стене портрет известной поэтессы, которая закончила свою жизнь самоубийством. Марина с удивлением рассматривала её гордый профиль, не понимая, как она могла восхищаться этой несчастной женщиной. «Как жаль, что она не захотела встретиться с

Тобой», - едва слышно прошептала она, снимая портрет со стены. Ей хотелось скорее попасть на собрание христиан и никакие чужие голоса уже не могли помешать ей слушать и говорить с Тем, Кто вошёл в её сердце.

Всю ночь Марина читала Слово Божье, радуясь и восхищаясь каждым словом. Иногда она прерывала чтение и изливала своё сердце перед Господом, изумляясь тому, что Он внимательно слушает её и говорит с ней через Библию.

И тут вдруг Марина почувствовала сильный толчок в своём новом сердце, её охватило волнение... Догадываясь, что случилось, она быстро достала

ручку, бумагу и большими буквами написала одно слово: «Отец».

Затем, почти не отрывая ручки от листа бумаги, она написала первое в своей новой жизни стихотворение, посвящённое Богу

Под утро Марина уснула со счастливой улыбкой на лице, но проснулась вовремя. В половине десятого она уже стояла у входа в указанное здание, и тут увидела юношу, который вчера раздавал листки с приглашением. Он приветливо улыбнулся ей:

— Проходите, пожалуйста!

Она вошла. Увидела небольшой, ещё незаполненный зал и надпись на стене: «Христос говорит: Я - путь, Истина и Жизнь».

Марина прикрыла глаза и неслышно сказала: «Господи, если Ты - путь, тогда я на правильном пути, потому что Ты со мной».

Зал быстро заполнился и собрание началось. Марина боялась пропустить хоть одно слово: всё казалось ей важным и значительным. Она не замечала времени. Вдруг проповедник объявил, что собрание заканчивается, и призвал приглашённых примириться с Богом. Марина сначала растерялась и, мысленно обратившись к Богу, сказала: «Господи, ведь я уже примирилась с Тобою, как быть?» И сразу же поняла: «Нужно рассказать об этом, ведь они, эти люди, ещё

ничего не знают!»

Она вышла вперёд и с волнением сказала:

— Я хочу поблагодарить Господа за то, что Он теперь - мой Отец...

После молитвы Марина сказала:

— А сейчас я прочитаю стихотворение ... своё первое стихотворение, которое называется «Отец».

Отец, Ты знал меня всегда,
А я жила во тьме...
Все эти долгие года
Ты помнил обо мне!

А я влюблялась в имена
Людей, которых нет...

Я с ними? Или я одна
На корабле тех лет?

Как тягостна любовь к себе...
Как много лет пустых
Не открывала дверь Тебе,
Хоть Ты просил: «Впусти!»

Ты терпеливо ожидал,
От бед меня хранил,
Ты всё уже прекрасно знал,
Но Ты не торопил.

Ты знал, что созревает плод
Осознанных потерь,
Ты знал тот день, и час, и год,
Когда открою дверь...

Ты знал об этом наперёд:

Сквозь темноту и ночь
Ты видел, что уже идёт
К Тебе больная дочь!..

Две вечности

На свадьбе гости с восхищением разглядывали высокого красивого жениха, а подруги невесты с завистью думали: как это Ленке удалось отхватить такого мужа!

Правда, Леонид почти на 20 лет был старше Лены, но в это трудно было поверить, рядом с молодой женой и он помолодел. Его лицо, как будто выточенное из слоновой кости, с правильными чертами и формами, приятно звучащий мягкий голос, стройность в фигуре - всё это

привлекало к нему внимание присутствующих женщин.

Но Леонид ни на кого из гостей не смотрел: его взгляд был прикован только к Лене. Он часто говорил ей что-то на ухо, и она, улыбаясь, кивала головой.

У Леонида это был второй брак, и многие удивлялись, что его первая жена Лариса с пятнадцатилетней дочерью Катей тоже присутствовали на свадьбе. Они с радостью поздравили молодоженов, а теперь сидели за праздничным столом, оживлённо беседуя с другими гостями.

Ещё перед свадьбой Леонид своим приглашённым на торжество сотрудникам сообщил, что там будут

его первая жена с дочерью. В ответ на их недоумевающие вопросы, он снисходительно улыбнулся:

— Интеллигентные люди должны легко сходиться и расходиться, поддерживая друг с другом дружеские отношения. Зачем ссориться?

...После свадьбы начались будни семейной жизни, и Лена с разочарованием узнала, что характер её мужа - эгоистичный, вспыльчивый и ревнивый.

Постепенно её жизнь превратилась в настоящую пытку. Леонид ревновал её ко всем окружающим: по вечерам устраивал ей допросы о её взаимоотношениях с сослуживцами и знакомыми. Кроме

того, до болезненности любящий чистоту и уют в квартире, он поднимал скандал, заметив даже маленький островок пыли.

Зарабатывали они неплохо: Лена работала медсестрой в больнице, а Леонид был большим начальником, уже несколько лет возглавлял крупное научно-исследовательское объединение. Они легко могли бы оплачивать труд домработницы, но Леонид капризно заявил, что не потерпит постороннего человека в своём доме.

После пяти лет мучительной для Лены супружеской жизни, она стала серьёзно подумывать о разводе. Детей у них не было, и оба очень переживали из-за этого, но никакое

лечение не помогало. Почувствовав себя совершенно несчастной в браке, Лена твёрдо решилась на развод, но всё время откладывала разговор об этом, опасаясь последствий из-за вспыльчивого характера мужа.

Но тут, вдруг, в их городе началась межнациональная война. На улицах появились танки, возникла угроза для жизни людей определённой национальности, в том числе и для Леонида. Сотни беженцев спешно покидали город.

Леонид чудом избежал расправы над собой прямо в своём рабочем кабинете, после чего ему с трудом удалось тайно покинуть город вместе с небольшой группой

беженцев. Наспех попрощавшись с Леной, он пообещал сообщить о себе при первой же возможности.

Позвонил он только через две недели. Оказалось, что он добрался до города, в который недавно переехала его первая семья: жена Лариса с дочкой Катей. На первых порах он остановился у них, и теперь он настойчиво требовал немедленного переезда Лены. Он сказал, чтобы она попробовала продать их квартиру, а если не получится, всё оставила и ехала к нему, так как денег у него достаточно, потому что он успел взять все свои сбережения.

Лена долго раздумывать не стала, так как события в городе

обострились: днём и ночью на улицах раздавались выстрелы.

К её большой радости, удалось быстро продать их удобную, в хорошем районе города квартиру, и уже через несколько дней она увидела своего мужа, взволнованно-счастливого, с букетом цветов в руках, встретившего её на вокзале небольшого городка, в котором должна была проходить их дальнейшая жизнь.

Поначалу они сняли комнату, но вскоре приобрели трёхкомнатную квартиру в центральной части города. Как раз к этому времени контейнером прибыли мебель, книги и другие ценные вещи, которые Лена предусмотрительно отправила

перед своим отъездом из родного города.

Леонид придирчиво осмотрел полученные вещи, которыми он очень дорожил. Он происходил из древнего дворянского рода, часто рассказывал об этом гостям и тщательно хранил все документы и вещи, подтверждающие его принадлежность к высокопоставленным предкам.

Довольный тем, что всё дошло в полной сохранности, и что Лена правильно всё упаковала и смогла вовремя отправить, Леонид пригласил её в этот вечер в ресторан, где они весело провели время. Счастливые, они возвращались домой, медленно

прогуливаясь по ночным улицам города. Казалось, что только сейчас начинается их настоящая семейная жизнь. «А может быть, здесь у нас и дети родятся», - мечтательно подумала Лена, идя под руку с мужем, который с любовью смотрел на неё.

— Какой уютный городок! - сказал Леонид, - как хорошо, что Лариса перебралась сюда с Катей, да и нам помогла!

— Да, правду говорят, что ни делается - всё к лучшему! - поддержала Лена.

Они радостно засмеялись, весело посмотрев друг на друга.

С утра они начали дружно расставлять мебель, книги и другие

прибывшие вещи. На сердце у обоих было празднично, легко. Леонид постоянно шутил, а если у Лены что-нибудь не получалось, он не раздражался, как совсем ещё недавно, а, снисходительно улыбаясь, помогал ей исправить неполадки.

— А я, глупая. Ещё разводиться хотела! - вдруг вспомнила Лена о своих прежних планах, - как хорошо, что я не успела сказать ему об этом! Да, таких чудесных отношений у нас даже после свадьбы не было!

Напевая, она расставляла книги по полкам, с удовлетворением думая о том, что даже после покупки квартиры у них осталась изрядная

сумма денег, на которую они, не заботясь, могут прожить долгое время.

— А там и работа подходящая, может быть, подвернётся, - продолжала размышлять Лена, улыбнувшись подошедшему к ней с книгами Леониду, и с удовольствием разглядывая богато обставленную просторную квартиру. Теперь она вспомнила удивление на лидах Ларисы и Кати, которые, узнав о том, что Лена с Лёней приобрели трёхкомнатную квартиру, спросили с недоумением:

— Зачем вам такая большая?

— А мы гостей будем

принимать, и вас в том числе, - любезно объяснила Лена, а Леонид, довольный её ответом, кивнул головой.

«Его как подменили!» - счастливо подумала Лена, и тут вдруг острая, резкая боль пронзила всю её внутренность.

Ещё до переезда Лену иногда беспокоила ноющая тупая боль в животе, но к врачу она тогда не обратилась. Будучи сама по образованию медиком, она поставила себе диагноз: неправильное питание на работе. Поскольку у неё не было законного обеденного перерыва, она питалась на работе всухомятку, и потому решила, что появившаяся боль

связана именно с этим. Она попринимала какие-то таблетки и старалась теперь и на работе употреблять горячую пищу. Боли то прекращались, то снова появлялись, но потом всё прошло, и к врачу она тогда так и не пошла.

Леонид, услышав, что Лена громко вскрикнула, мгновенно подбежал и поддержал её, иначе, возможно, она упала бы со стула, на котором стояла, расставляя книги.

— Что с тобой, родная?! - лицо его побледнело.

— Не знаю!.. невыносимая боль... там... внутри, - еле слышно произнесла Лена, которую Леонид уже заботливо уложил на диван.

В этот раз пришлось обратиться

к врачам «скорой помощи». Но прибывший врач не смог установить диагноз, и поскольку боль не утихала, Лену отвезли в больницу.

По дороге в больницу Леонид, держа руку Лены в своей руке, тихонько утешал её:

— Потерпи, милая, сейчас тебе помогут, всё пройдёт...

Около получаса он нервно прохаживался у кабинета дежурного специалиста больницы, и, наконец, дверь открылась. Пожилой седовласый врач, снимая с лица марлевую повязку, устало спросил:

— Это вы приехали с больной?

Судорожно сглотнув, Леонид

молча кивнул.

— Кем вы приходитесь ей? - опять задал вопрос врач.

— Я её муж! - почему-то вызывающе ответил Леонид.

— Я сразу хочу предупредить вас, - мягко начал своё обращение врач и вдруг замолчал, пристально посмотрев на Леонида, у которого от этих первых слов врача сильно застучало сердце.

— Я хотел бы заранее предупредить вас, - продолжал врач, как бы оттягивая время, - чтобы вы не говорили своей жене о моём предположительном диагнозе, хотя я уверен, что дальнейшие исследования подтвердят его.

Он опять замолчал на несколько секунд и, наконец, произнёс:

— У вашей жены, по-видимому, непроходимость кишечника в острой форме.

— А разве это не излечивается? - с трудом спросил Леонид.

В ответ врач тяжело вздохнул:

— Нужна срочная операция, а там... что Бог даст! Но гарантии - никакой...

Только сейчас Леонид осознал, что жизнь Лены под угрозой.

— Как же так?! Почему?! - сдавленно спросил он.

Врач пожал плечами и, опустив голову, быстро ушёл.

После операции Леониду

осторожно сообщили, что у Лены обнаружен рак в такой стадии, что надежды на выздоровление нет.

Когда он зашёл в реанимационную палату и увидел похудевшее заострившееся лицо Лены, он чуть не разрыдался.

— Сейчас она спросит о своей болезни, как быть?.. - мысленно забеспокоился Леонид.

Но Лена вдруг сказала слабым голосом:

— Лёня, я всё знаю, не мучайся, медсестра случайно проговорилась...

Она заплакала, кусая губы:

— За что, за что мне это?!

Теперь уже и Леонид не сдерживал слёз:

— Родная, возможно, врачи ошиблись, я найду самого лучшего специалиста, у нас есть достаточно денег, чтобы вылечить тебя!

Лена печально посмотрела на него и сказала голосом, от которого ему стало холодно и страшно:

— Нет, дорогой, ничего не надо. Диагноз поставлен правильный, я умираю, и никто мне помочь не сможет.

Когда Леонид вернулся домой и вошёл в нарядную, свежую после тщательного ремонта квартиру, он замер на пороге «гостевой», как они её назвали, комнаты, мрачно разглядывая дорогие старинные подсвечники; необыкновенного качества и расцветки ковры на полу;

оригинальные картины известных художников, со вкусом развешанные на стенах; новенький, последней модели телевизор; огромный, на всю стену, книжный шкаф с аккуратно расставленными томами энциклопедий, словарей и других ценных книг.

Он вспомнил, как закончив всю расстановку мебели в квартире, они с Леной, обнявшись, долго стояли, любуясь результатами своего труда. А сейчас ему хотелось уничтожить всё это, начать крушить шкафы, бить зеркала и рвать дорогие книги...

Леонид схватил стоящую рядом с ним дорогую вазу и швырнул её в книжный шкаф. Раздался звук

разбитого стекла, множество осколков упали на мягкий ковёр. Он подошёл к дивану, упал на него лицом вниз, тело его затряслось в рыданиях.

На следующий день Леонид сидел в кабинете главврача больницы, который, внимательно ознакомившись с результатами обследований Лены, молча застучал пальцами по столу, а затем произнёс:

— Хотя вы и настаиваете, повторно оперировать больную мы не будем, нет никакой надежды на выздоровление, - понизив голос он добавил, - я хорошо понимаю ваши чувства, но если ваша жена умрёт во время второй операции, отвечать

за это будем мы!

Леонид вышел из кабинета и, не заходя к Лене, отправился домой. После сегодняшнего разговора с врачом, у него неожиданно появилась неприязнь к Лене: почему она заболела, почему разрушила все его планы?!

Вспомнив, что она и прежде жаловалась на боли в животе, он едва ли не с ненавистью к ней подумал: «Неужели трудно было вовремя сходить к врачу, как можно быть такой легкомысленной?»

Охваченный эгоистическим чувством жалости к себе, потому что болезнь Лены нарушала его покой и упорядоченную жизнь, Леонид и не подумал о том, что вина лежит в

большей степени на нём: загружая Лену чрезмерной работой по дому, именно он не дал ей возможности вовремя обратиться к врачу.

...Уже около месяца Лена лежала в больнице: врачи старались облегчить её состояние, делали различные уколы, чтобы уменьшить боль. Несколько раз её навещала Лариса, а вот Леонид стал приходить редко.

— Почему ты не приходишь, ведь мне недолго осталось? - печально спросила она мужа, когда он, наконец, посетил её и, выложив на тумбочку кефир и соки, собрался уходить.

— Через неделю тебя выписывают домой, - вместо ответа

сказал он и, посидев минут пять, ушёл.

Хорошо знающая характер мужа, Лена поняла, что хотя он и переживает о ней и сожалеет о её болезни, но ещё более жалеет себя и раздражается оттого, что усложнилась его жизнь. Она знала, что он и сейчас любит её, но ещё больше он любит - и всегда любил - самого себя.

Лена вдруг почувствовала себя совершенно одинокой, никому не нужной. Подходило время обезболивающего укола, и резкая острая боль охватила всё её тело. Она застонала, и вцепилась в простыни... Внезапно её охватил страх: неужели она вот так и умрёт -

одинокая, никому не нужная, в чужом городе, оставленная даже тем, кто её по-своему любит?

Боль немного утихла. Лена с тоской подумала, что если бы она находилась сейчас в своём родном городе, то пришли хотя бы подруги, сослуживцы, потому что близких родственников у неё уже не было, а дальние жили где-то далеко.

— Нет, нет! Я не хочу вот так умереть! Боже, помоги мне! - заплакала Лена, с печалью глядя на закрытую неподвижную дверь своей одиночной палаты. Но тут дверь приоткрылась, и на пороге появились две женщины средних лет, одна из которых с волнением обратилась к ней:

— Лена, здравствуйте!

Лена растерянно смотрела на них: в одной из женщин она с трудом узнала знакомую Ларисы - Шуру, с которой встречалась всего пару раз, когда ещё жила в своём родном городе. Вторая женщина оказалась родной сестрой Шуры. Обе они тоже некоторое время назад переехали в этот город.

— Меня зовут Зина, - представилась сестра Шуры, пока её сестра раскладывала на тумбочке гостинцы, - я уже давно знаю о вас от Ларисы, и вот захотелось познакомиться...

Лена слушала её с изумлением: прийти к неизвестной тяжело больной женщине! Особенно её

удивило то, что женщины пришли именно в тот момент, когда ей, Лене, было невыносимо тяжело.

Шура заметила слёзы на её глазах и тихонько спросила:

— Вам больно?

Лена утвердительно кивнула головой:

— Ничего, я уже почти привыкла... А вы давно знакомы с Ларисой?

— Мы раньше работали вместе, когда жили в нашем родном городе, - охотно отозвалась Зина. Лариса мне часто о вас рассказывала, восхищалась вашим характером, внешностью. А я тогда удивлялась: первая жена, то есть бывшая жена, в дружеских

отношениях с новой молодой женой своего бывшего мужа!..

Лена слабо улыбнулась:

— Многие наши знакомые этому удивлялись. А почему мы с Ларисой должны враждовать? Ведь я у неё мужа не отбивала: они разошлись задолго до нашего знакомства с Леонидом.

Она вдруг замолчала и удивлённо посмотрела на сестёр:

— Вы, что, экстрасенсы? У меня боль совсем прошла! Так хорошо я себя давно не чувствовала! А до вашего прихода я не могла уже терпеть, звала медсестру. Да она, видимо опять к телевизору прилипла...

Шура сказала:

— Слава Богу, что боль прошла! Но мы не экстрасенсы, мы верующие христиане, поэтому молились, чтобы Господь помог вам...

— Спасибо вам, - от всего сердца поблагодарила Лена.

— Вы лучше поблагодарите Бога, - предложила Зина.

Лена торопливо сказала:

— Я тоже верующая. Я молитвы знаю. Я перед операцией несколько раз сказала «Отче наш» и «Живые помощи»!

Зина приветливо посмотрела на неё и спросила:

— Лена, а вам читать сейчас не трудно? Мы вам Библию принесли, вы, наверное, её ещё не

читали?

— Почему не читала? - слегка обиделась Лена, - я несколько раз читала, но там многое непонятно. Я даже в церковь иногда заходила, хотя считаю, что можно быть верующим и не посещая церковь, потому что те, что ходят в церковь поступают хуже неверующих...

Зина протянула Лене Библию и сказала:

— Читайте и просите Бога, чтобы Он помог вам понять Его Слово.

Лена взяла Библию и, поблагодарив, спросила:

— А как это просить Бога? Разве человек может разговаривать

с Богом? Как может Бог, Который на небе, услышать меня, простую грешницу?

Сёстры с радостью слушали Лену, а затем Шура сказала:

— Иисус Христос - друг грешников, Он всегда отвечает тем, кто нуждается в Нём.

Зина рассказала Лене историю из Евангелия о том, как в храм пришли помолиться двое людей: самодовольный гордый фарисей и осознающий своё ничтожество и греховность мытарь.

— Господь умер за грехи всего мира, но Он оправдывает только тех, кто осуждает себя за грехи и обращается к Богу.

Когда сёстры ушли, Лена

откинулась на подушку и от всего сердца взволнованно повторила только что услышанные ею слова из Библии:

— Господи, будь милостив ко мне, грешнице!

Когда Лену выписали из больницы и отвезли домой, Зина продолжала навещать её. Шура жила далеко от Лениного дома, но тоже иногда приходила к Лене.

Каждый раз, во время посещения, Зина читала Лене Библию, а затем они вместе рассуждали над прочитанным, - к большому неудовольствию Леонида, который был убеждённым атеистом, и не желал ничего слушать о Боге.

Однако, посещениям верующих

он не препятствовал, желая доставить радость умирающей жене. С каждым днём он становился всё более нервным, а Лена - всё более спокойной и счастливой.

Леонида изумляла очевидная перемена в жене: он видел, что она совсем не боится смерти, безропотно переносит сильную боль, с нежным чувством и пониманием относится к проявлениям его тяжёлого характера.

Он любил её всё сильнее, но, не имея силы побороть свой нрав, часто вслух упрекал её за болезнь, плакал при ней, и однажды даже накричал на неё.

Во всех этих случаях Лена лишь

кротко смотрела на него: глаза её лучились любовью и искренним состраданием к нему.

Однажды она сказала:

— Лёня, я прошу тебя: обязательно женись после моей смерти, ты не сможешь жить один.

Он закричал:

— Не говори глупостей, мне никто не нужен, кроме тебя! Ты не должна умереть!

Лена тихо сказала:

— Успокойся, дорогой, скоро Господь заберёт меня к Себе, я это знаю. Я очень прошу тебя, постарайся полюбить Иисуса Христа. Без Него всё бессмысленно...

Он резко перебил её:

— Пожалуйста, никогда мне не говори о Боге, я не желаю об этом слышать!..

Лена неожиданно твёрдым голосом сказала:

— Если ты не примиришься с Богом, мы никогда с тобой больше не увидимся: в вечности мы будем находиться в разных местах...

Леонид в недоумении смотрел на неё:

— Что ты имеешь в виду?!

— То, что я спасена и поэтому всю вечность буду с моим Господом, - спокойно объяснила Лена - а ты... если ты будешь всё время противиться Богу, попадёшь в место вечных мучений... и мы никогда больше не увидимся с

тобой!

В дверь позвонили: пришла Зина. Леонид хотел сначала сразу же выгнать её и впредь запретить ей приходить в их дом, но потом сдержался и, впустив её в квартиру, тут же ушёл на кухню. Однако, услышанные слова о вечности, глубоко запали в его сердце. Неужели действительно они с Леной будут в вечности в разных местах?

Леонид вдруг понял, что он перестал быть убеждённым атеистом. Во всяком случае, сейчас он верил в то, что вечность существует, и Бог точно есть, потому что только Бог мог так изменить Лену.

Теперь он верил, что Бог есть, но

этот Бог вызывал у него глубокую неприязнь оттого, что допустил такую страшную болезнь Лены, а его, Леонида, приготовил к мучительному одиночеству.

Обладая незаурядными умственными способностями, много лет возглавляя научно-исследовательское объединение, Леонид старался своим умом понять действия таинственного для него Бога. Мысленно он задавал Ему много возмущённых вопросов: почему им с Леной пришлось уехать из родного города, менять привычную атмосферу, а ему, Леониду, оставлять престижную и хорошо оплачиваемую работу? Почему у них нет детей? Почему

Лена так тяжело заболела?

На все эти вопросы Леонид не получал ответа. «Молчишь?!» - дерзко продолжал он мысленное обращение к Богу, и в очередной раз принимал решение никогда не открывать Библию. «Если Ты молчишь, допуская такие беды в моей жизни, то я не желаю читать Твою Книгу!» - как бы объяснял Леонид своё поведение.

После покаяния Лены к ней, кроме Зины, приходили и другие верующие - братья и сёстры, так с любовью называла их Лена. Несколько раз приходил служитель церкви, мужчина лет сорока, и Леонид всякий раз со жгучей ревностью в сердце дожидался,

пока он выйдет из комнаты, где лежала Лена. Хотя она объясняла ему, что такие беседы нужны верующим, чтобы очищаться перед Богом, но он всегда недоброжелательно встречал приходившего в дом служителя, на его приветственные слова отвечал мрачным молчанием, а при его уходе подозрительно посматривал на него.

Правда, Леонида удивляло, что в ответ на его вызывающее поведение, служитель всегда отвечал искренним дружелюбием. Он чувствовал, что верующий был всем сердцем расположен к нему и как будто не замечал его раздражительных взглядов и слов.

— Всё-таки они какие-то необычные, все эти новые Ленины друзья, - задумывался иногда Леонид.

Однажды Лене стало очень плохо, она стала задыхаться и непрерывно стонала. Прибывший по вызову врач «скорой помощи» отозвал Леонида в сторону:

— Ваша жена умирает... Крепитесь, потому что смерть её будет мучительной: болезнь поразила уже и лёгкие...

Оставив ампулы с обезболивающими лекарствами, «скорая» уехала, а Леонид растерянно заметался по квартире:

— Что делать, что делать?! Ну почему я такой несчастный?!

Он подошёл к жене: глаза её были закрыты, она тяжело и часто дышала.

— Не помогает твой Бог! - со злостью сказал Леонид, а Лена вдруг задышала спокойно и ровно. Глаза её были по-прежнему закрыты, казалось, она безмятежно спит.

Каким-то образом Леонид понял, что Бог ответил на его дерзкий вызов и дал Лене облегчение.

— Всё-таки Он есть, Он живой, Он всё слышит!.. - заметались мысли в его голове.

Леонид вдруг почувствовал себя ничтожным и жалким в присутствии великого Бога, но уже в следующую минуту возмущённо подумал: «Если

Он есть, почему Он забирает у меня Лену?»

Он тихонько позвал жену, но она не отвечала, и только слабое дыхание говорило о том, что она ещё жива.

— Надо звонить Зине, - сообразил он вдруг, обрадовавшись, что не останется один в такое тяжёлое время.

Через пятнадцать минут пришла Зина с ещё одной верующей, которая в последнее время часто навещала Лену.

— Она ничего не отвечает, - раздражённо заявил Леонид, едва сёстры появились на пороге квартиры.

Затем он рассказал о том, что

врач предрёк Лене мучительную смерть. Вместе с Леонидом сёстры вошли в комнату, где лежала Лена, и склонились над больной.

— Она всё слышит, - спокойно сказала Зина, - просто сейчас ей трудно говорить.

Сёстры сели рядом с кроватью Лены. Затем Зина достала из сумки Библию и, открыв её, прочитала:

— Псалом тридцать третий... «Благословлю Господа во всякое время; хвала Ему непрестанно в устах моих...»

Леонид торопливо вышел в соседнюю комнату и сел, мрачно размышляя о той тяжёлой минуте, которая ожидала его.

— «Избавит Господь душу

рабов Своих, и никто из уповающих на Него не погибнет...» услышал он последние слова псалма, и вдруг робкая надежда затеплилась у него в груди: «не погибнет» - сейчас прочитала Зина! Ведь Леночка так искренне уверовала в Бога, неужели Бог допустит, чтобы она умерла?! Неужели Он заберёт самого любимого для него человека?!

Сёстры вышли из комнаты Лены, и подошли к Леониду.

— Что такое? Почему... - нервно заговорил он, - почему вы оставили Лену одну?

— Лена уже у Господа, - спокойно сообщила Зина, - кстати, врачи ошиблись, она совершенно не мучилась.

Простонав, Леонид кинулся в комнату жены. На лице Лены застыла едва заметная улыбка. Казалось, она просто спит.

— Почему она улыбается? - едва слышно спросил Леонид.

— Возможно, она увидела то, что обрадовало её, - сказала верующая, которая пришла вместе с Зиной, - теперь она будет радоваться всю вечность...

— Но вы же сейчас читали о том, что верующие в Бога не погибнут! - Леонид всё ещё не мог оторвать своего взгляда от улыбающегося Лениного лица.

— Лена не погибла, она перешла из смерти в жизнь, - объяснила Зина.

После похорон верующие ещё несколько раз заходили к Леониду, приглашая его прийти на собрание христиан. Но он всё больше замыкался в себе и от разговоров о Боге по-прежнему уклонялся. Он уже точно знал, что Бог есть, и даже несколько раз ощущал Его незримое присутствие. Леонид чувствовал, что Бог хочет сказать ему что-то очень важное, но он всякий раз как бы закрывал свой внутренний слух и ожесточался, не желая простить Богу смерти Лены.

Однажды он вспомнил слова Лены: «Если ты так и не примешь Христа, мы больше никогда не увидимся!» Эти слова вызвали в нём сейчас сильное раздражение против

Бога, неприязнь к Нему.

— Почему Ты мне ставишь условия?! Почему Ты от меня всё время что-то требуешь?! - закричал Леонид, подняв лицо к потолку.

Вдруг он услышал в своём сердце ответ Бога:

— Я ничего не требую. Я люблю тебя.

— Не нужна мне твоя любовь! Оставь меня в покое! - опять закричал Леонид, не особенно удивившись тому, что Бог говорит с ним.

Когда опять пришли верующие навестить его, он не впустил их, сказав, что очень занят: пишет автобиографическую книгу по заказу одного издательства.

Он действительно написал такую книгу, это помогло ему отвлечься от мыслей о Лене. Книгу потом опубликовали, он получил неплохой гонорар.

Постепенно Леонид привык к одиночеству, он ни с кем не общался, много читал, в основном научную литературу. Все христианские книги жены он отдал соседке.

Однажды Зина встретила Ларису, первую жену Леонида.

— Леонид умер, - печально сообщила та, - неожиданно у него обнаружили рак в тяжёлой форме.

— Почему ты ничего не сообщила мне? - взволнованно спросила Зина.

Лариса молчала. Затем, так и не ответив на вопрос Зины, добавила:

— Он очень боялся смерти и до последнего мгновения сильно мучился от боли...

Язык любви

«Любовь милосердствует»

1Кор. 13:4

«...блаженнее давать, нежели принимать»

Деян. 20:35

Своей матери Руслан совсем не помнил: она умерла от тяжелой болезни, когда ему было всего годик. Старшему брату Руслана,

Валерию, тогда исполнилось шесть лет. Воспитания мальчики не получили, можно сказать, никакого.

После смерти матери они остались с отцом-пьяницей, из-за которого мать, наверное, и заболела. Дома отец почти не бывал, а если и появлялся - ругался, бил старшего сына и забирал из квартиры оставшиеся вещи для того, чтобы продать их и купить спиртное. Бабушки и дедушки Руслана и Валерия все умерли, другие родственники их родителей жили далеко и вестей о себе не подавали. Хорошо еще, что сердобольная соседка -пенсионерка тетка Матрена, жалела детей и помогала им, чем могла. Она-то и

выходила годовалого Руслана, который без ее помощи, наверняка, не выжил бы: уж очень слабеньким он родился.

Отказывая себе во всем, Матрена ухаживала за детьми, покупала им на свою небольшую пенсию еду и одежду.

По натуре братья были полной противоположностью друг другу. Валерий - живой, быстрый, горячий как огонь, изобретательный на зло, с самого подросткового возраста примкнул к плохой компании, начал курить, выпивать, воровать. Уже в 15 лет он был осужден за участие в групповом грабеже магазина.

Руслан - тихий, задумчивый, любящий читать и размышлять в

уединении; на частые насмешки старшего брата и ругань отца отвечающий кротким молчанием. В отличие от Валерия он переносил тяготы сиротской жизни с терпением и покорностью. Закончив школу, а затем - ремесленное училище, Руслан пошел по призыву в армию. В это время Валерка отбывал уже свой второй срок. Оставшись один, полностью спившийся отец за бесценок продал квартиру и потратив за короткое время полученные деньги, стал бомжем, а затем и вовсе исчез в неизвестном направлении: сыновья так больше никогда его и не увидели.

Во время службы в армии Руслан начал читать Новый Завет,

который ему дал верующий солдат, и в Слове Божьем он нашел то, по чему так томилось его сердце: любовь Небесного Отца ко всем грешным людям, явленную в Своем Сыне. Читая о жизни Иисуса Христа на земле, Руслан тайком умиленно плакал, созерцая красоту Его личности и поступков.

После службы в армии, юноша начал посещать Молитвенный дом евангельских христиан, адрес которого ему дал верующий солдат.

Валерка к тому времени вышел из тюрьмы. Оба брата оказались без жилья, но вскоре их приютили в одном из служебных помещений Молитвенного дома.

Валерий продолжал вести

прежний образ жизни, исчезая на неделю и больше и в результате опять оказался в местах лишения свободы. А Руслан, обратившись к Богу, принял крещение по вере и обрел большую семью братьев и сестер во Христе.

Его сердце, за долгие годы уставшее от одиночества и человеческого равнодушия, сейчас воспрянуло, впитывая нежную Божью любовь.

Но юноше теперь очень хотелось и другой любви - женской. Выросший без тепла материнской ласки, Руслан всем существом ожидал его от той, которая согласилась бы стать его женой. Он знал, что кроме него, об этой нужде

молятся многие члены церкви, прося Господа послать красивому богобоязненному парню соответствующую спутницу жизни.

Однажды, возвращаясь с работы на автобусе, Руслан, собираясь выходить на своей остановке, спросил стоящую впереди него девушку: «Вы будете сейчас выходить?»

Но она только беспомощно смотрела на него, ничего не отвечая. Решив, что девушка не расслышала, он повторил свой вопрос. Тогда она, смущенно улыбнувшись, показала, что не может говорить и не слышит.

Глядя в ее большие выразительные глаза, Руслан,

растерявшись, начал кое-как объяснять руками, что хочет пробраться к выходу. Ее лицо вспыхнуло радостью, и она объяснила ему жестами, что тоже собирается сейчас выходить.

Внутренний Божий голос побуждал его пригласить девушку на христианское собрание. «Но ведь она ничего не слышит! Что же она будет там делать?» - недоуменно размышлял Руслан, выходя из автобуса вслед за глухонемой. На улице она вдруг остановилась и вопросительно посмотрела на него.

Тогда Руслан, не колеблясь больше, достал листок бумаги, написал на нем приглашение в молитвенный дом и адрес. Протянул

записку девушке. Быстро прочитав, она радостно кивнула ему: мол, приду!

Они помахали друг другу руками и разошлись, и вдруг Руслан понял: это и есть его нареченная, его будущая жена! Но в сердце его вспыхнуло несогласие с Божьей волей и он внутренне взмолился, стараясь уговорить Бога изменить свое решение.

«Господи, Ты знаешь мою жизнь, знаешь, как я устал без любви и тепла... А эта девушка не может даже говорить и слышать! Я так мечтал о нежном голосе моей возлюбленной, о словах любви, которые она скажет мне, о том, что она станет мне и матерью, и

сестрой, и женой! Кроме того, Господи, ведь она такая невидная, совсем простая! А я... я намного лучше!.. К тому же она - неверующая!»

Руслан вдруг почувствовал, как Бог удаляется от него, ничего не отвечая.

Вернувшись домой, он сразу же преклонил колени и со слезами попросил: «Господи, не оставляй меня! Скажи мне что-нибудь!»

Перед ним возникло лицо глухонемой девушки: в ее огромных печальных глазах светилась искорка удивленного ожидания и благодарность за внимание к ней. «Кто приведет ее ко Мне, если ты откажешься?» - услышал Руслан

тихий голос Божий. И тогда юноша все понял. По старой привычке он настраивался на то, чтобы брать, то есть приобретать с выгодой для себя и забыл о том, что «блаженнее давать, нежели принимать». «Прости, Господь! - едва слышно прошептал он, - я сделаю так, как хочешь Ты. Ведь Ты подарил мне

Свою огромную Любовь для того, чтобы я делился ею с другими! Прости, что я не сразу понял эту истину...»

В эту минуту глубокое чувство сострадания к глухонемой девушке наполнило сердце Руслана, а твердое желание покориться Богу принесло ему мир и покой.

Дальше все происходило как в

прекрасном сне.

Лина, так звали глухонемую, стала регулярно посещать христианские собрания. Руслан, как мог, объяснял ей проповеди, а она учила его нелегкому языку сурдоперевода.

При обильных Божьих благословениях Руслан через короткое время почти овладел языком жестов и неплохо понимал Лину.

Она с удовольствием читала Новый Завет, а братья и сестры прилежно молились о ней. Вскоре она искренне покаялась перед Богом, а затем приобщилась к церкви через святое водное крещение.

За это время Руслан всем сердцем привязался к глухонемой девушке и молил Бога приблизить день их помолвки. Ему казалось странным, что он когда-то воспротивился Божьему выбору: сейчас Лина казалась ему самой прекрасной, а ее природные недостатки вызывали в нем еще большую любовь к ней.

Наконец, наступил тот день, когда Руслан предложил Лине стать его женой. На этот раз она обошлась без жестов. Ее большие сияющие глаза сразу же ответили ему с любовью: «Да!» У Руслана было только одно желание: еще больше любить и помогать этой дорогой для него душе. Ему

хотелось отдать ей всего себя, увидеть однажды, что в ее прекрасных глазах уже нет ни капельки грусти.

Если бы это было возможно, он с удовольствием отдал ей свой слух и способность говорить. «Но ведь Господь сказал: «И будут двое - одна плоть»... Значит, она сможет скоро пользоваться моим слухом!» - размышлял он.

Родители Лины полюбили Руслана как своего родного сына. Будучи состоятельными людьми, они подарили молодым квартиру.

На свадьбу в числе гостей были приглашены и глухонемые друзья Лины, которые после этого стали посещать христианские собрания.

Через год в новой семье родилась здоровая девочка.

Валерий, брат Руслана, глядя на их жизнь, начал проявлять интерес к христианскому учению, читать Библию. Молодожены стали усиленно молиться за него и своих родителей, а также вместе трудиться среди глухонемых, посещая их общежития, клубы, предприятия.

Однажды, во время такой встречи молодой глухонемой спросил у Руслана, как он общался со своей будущей женой, еще не владея языком жестов.

С улыбкой посмотрев на Лину, Руслан ответил:

— Есть язык, который

доступен всем людям: глухим, слепым и говорящим, верующим и неверующим. Этот язык способен понять и мудрец и совсем неграмотный, умный и глупый. Я говорю сейчас о языке Божьей любви. На этом языке я и говорил со своей будущей женой, и она хорошо понимала меня, а я - ее. Бог может говорить с человеком, а человек с Богом благодаря жертве Иисуса Христа. Он и есть истинная Любовь!

Этот язык, язык Своей любви, Бог готов дать сегодня и всем вам! А сейчас моя жена и сестра во Христе жестами расскажет вам стих, который называется «Язык любви».

Язык Христа - язык Любви

Не человечьей - Божьей!
Сын на кресте любовь явил
Ко грешникам ничтожным.

Язык Любви есть сам Христос
В любви непостижимой...
Пошел на крест за нас Святой,
Чтоб мы в Нем вечно жили!

Разгонит тьму небесный свет
Божественного Слова,
И пусть сейчас услышат все
Язык любви Христовой!

В последний миг

Однажды Лизе позвонила из Израиля ее подруга Неля, которая переехала туда на постоянное место

жительства почти десять лет назад. Она взволнованно попросила Лизу помочь ее друзьям:

— Понимаешь, это прекрасные люди, но сын их сбился с пути! Начал употреблять наркотики... Я посоветовала им поехать на время в ваш украинский город, сказала, что ты стала верующей, поможешь!

— Помочь может только Бог, и если это в Его планах, пусть приезжают, - согласилась Лиза.

Друзья Нели, Веня и Соня, действительно оказались приятными людьми. Сначала они отправили к Лизе своего 20-летнего сына Олега, а через некоторое время приехали сами.

Лиза помогла им найти временное жилье, познакомила со своими друзьями. Соня стала посещать с Лизой христианские собрания, но Веня с Олегом наотрез отказались от такого, как они выразились, времяпрепровождения.

Лиза старалась объяснить Вене, что помочь попавшему в беду Олегу может только Бог, а для этого и сами родители должны принять Иисуса Христа, стать истинными верующими, тогда Господь, возможно, спасет и сына.

Но отец Олега больше надеялся на медицинскую помощь. Он очень расстроился, когда несмотря на все их старания, в больнице отказались принять на лечение иностранца.

Лиза со своими верующими друзьями усиленно молилась за эту семью, и Олег все это время не употреблял наркотики, хотя и с Богом сближаться не желал. Еще до приезда сюда родителей он успел потратить неизвестно на что большую сумму денег, а после этого еще и влез в долги. Он имел способность быстро и легко знакомиться с обеспеченными людьми, почему-то вызывая у них симпатию и доверие к себе.

Вначале Лиза радовалась тому, что хотя бы Соня посещает христианские собрания, но потом узнала, что она делает это только с одной целью: найти тех верующих, которые смогут, как она

предполагала, по- особенному помолиться о ее сыне, чтобы он оставил свою вредную привычку.

Лиза объясняла им, что Бог может сделать гораздо больше: освободить их всех от вины за грех и от власти зла, но в ответ они только вежливо улыбались.

Правда, постепенно, наблюдая за Лизой и ее друзьями, бывая у них в гостях, видя их скромную, богобоязненную жизнь, они начали задумываться о своем отношении к Богу. Соня даже начала читать Новый Завет, с Олегом у Лизы получилось несколько серьезных бесед на библейские темы, а вот Веня оказался самым неподдающимся.

— Я - бывший офицер милиции бывшего Советского Союза, - добродушно объяснял он Лизе, - причем оперативник! Убийства и всякие другие опасные злодеяния были по моей части. В самых серьезных случаях первым делом вызывали на место происшествия меня!

Сделав небольшую паузу, чтобы сказанные им слова произвели нужное впечатление на слушательниц он с удовольствием продолжал, - я привык иметь дело с фактами, с уликами - прямыми или хотя бы косвенными. Всякое словесное утверждение нуждается в доказательстве! Вот вы рассказывали про неверие Фомы, а

мне понравились его слова: «Пока не увижу, не поверю!»

Соня, боясь, что Лиза обидится, торопливо вставила:

— Лизочка, не слушайте его, мы верим, верим в Бога, только бы Он помог Олегу оставить эту гадость!

Веня шутливо хлопнул ее по руке:

— Молчи, жена! Лиза, я правду говорю: если бы Бог хоть немного проявил Себя, я бы поверил! Точно говорю - поверил бы!

Но когда Лиза пыталась объяснить ему, что Господь постоянно проявляет Себя, только нужно хотеть видеть Его и слышать

Его, Веня только несогласно мотал головой.

...Увидев, что с медицинским лечением не получается, решили возвращаться домой в Израиль, тем более, что деньги заканчивались, да и Вене на работу надо было возвращаться.

Лиза и тут помогла: нашла знакомого, который ехал в Венгрию и согласился за небольшую плату взять попутчиков до будапештского аэропорта, откуда они должны были самолетом отправиться в Израиль. Семья тепло прощалась с Лизой, с другими верующими, которые пришли провожать их.

— Благодарим всех вас, друзья, за помощь и внимание к

нам, - растроганно сказал Веня, - а вы, Лиза, простите меня! Столько сил на меня потратили а я так и остался неверующим!

— Господь по любви Своей будет и дальше трудиться над вами и над всей вашей семьей, - приветливо ответила Лиза, - а мы с друзьями будем молиться о вас. Если хотите, мы и сейчас помолимся, попросим Господа благословить ваш путь.

— Хотим, хотим! - сердечно ответил за всех Веня, а Соня с удивлением смотрела на него.

Верующие коротко помолились, и гости, сев в красивый новый автомобиль, помахали из окна своим друзьям.

В Будапеште водитель высадил их в центре города, пообещав подъехать на это же место в семь часов вечера, чтобы отвезти их в аэропорт. День прошел прекрасно, они долго гуляли по старой части города, вкусно пообедали в маленькой пиццерии.

Точно в назначенное время появилась знакомая машина, и водитель, доставив их в аэропорт, распрощался с ними, получив обговоренную заранее плату. Перелет из Будапешта в Израиль тоже прошел благополучно. В самолете их накормили вкусным острым венгерским гуляшом. Мужчины пили пиво, Соня - апельсиновый сок. Родители втайне

радовались, наблюдая за Олегом, который во время пребывания на Украине стал спокойнее. «Может, образумится», - с надеждой думала Соня, глядя через иллюминатор на белоснежные искрящиеся под солнцем облака.

В аэропорту им. Бен Гуриона жизнь кипела, было тепло. Пробираясь среди многолюдья, с трудом нашли миниавтобус на Хайфу. Он был уже почти заполнен, оставалось только три места. Когда они вошли и сели, автобус сразу поехал. Перед самой Хайфой прошел ливень. Стало очень душно, многие пассажиры, в том числе и Олег с Соней, спали. Веня посмотрел на наручные часы: три

часа ночи. «Или три часа утра? - улыбнулся он, - как правильней? Скоро можно будет вытянуться на мягком диване...»

Веня посмотрел в окно и вдруг увидел, как их миниавтобус на большой скорости приближается к контейнеровозу, стоящему на полосе.

Он ожидал, что сейчас водитель повернет влево и, объехав препятствие, вновь займет свою полосу. Но миниавтобус почему-то продолжал нестись вперед - прямо на стоящий впереди огромный контейнеровоз. Все пассажиры спали, а наблюдавший за происходящим Веня прямо оцепенел от нависшей над ними

опасности, не в силах произнести ни слова. До контейнеровоза оставалось, наверное, несколько метров, когда сидящий рядом с водителем мужчина, по виду верующий, вдруг тихо и спокойно произнес: «Нэхаг ма ата осе», то есть: «Водитель, что ты делаешь?».

Водитель встрепенулся и в последний перед грозящим столкновением момент, миниавтобус дернулся влево, выехав на встречную полосу, которая, к счастью, оказалась свободной от транспорта. Веня с ужасом увидел, как их автобус, вильнув в сторону, едва не зацепился правой стороной, где как раз сидела вся их семья, за

контейнеровоз, но объехав его, водитель повернул к своей полосе. От сильной тряски все пассажиры проснулись. Некоторые, разобравшись в чем дело, начали громко ругать водителя, который не поворачивая головы хрипло объяснял: «Я немного устал, задремал, простите...»

Но Веня, который всё видел, понял, что он крепко заснул за рулем. Столкновение было почти неизбежно, и скорее всего, оно повлекло бы за собой гибель всех пассажиров. Когда они вышли в Хайфе из автобуса,

Веня сказал Соне и Олегу: «Знаете, мои дорогие, а ведь это по молитве наших верующих друзей

Бог сохранил нашу жизнь!»

Они уже подходили к своему дому, когда Веня вдруг остановился и со слезами на глазах сказал: «Я бросил вызов Всемогущему Богу, но Он не стал мстить мне, а спас меня и мою семью! Если Он обходится так с дерзкими неверующими, то насколько же больше Он благословит нас, когда мы поверим в Него!» - плача и улыбаясь одновременно, Веня повернулся к жене и сыну. Не договариваясь, они крепко обняли друг друга и от всего сердца воскликнули: «Слава Господу!»

Приглашение в Израиль

Татьяна остановилась возле ворот с надписью «Израильское посольство». Сердце радостно забилось: неужели скоро она попадёт в страну, где родился и жил Христос, увидит города, в которых Он был, а также встретится со своей дорогой подругой Женей?

Раньше Таня с Женей жили в одном городе и дружили друг с другом около тридцати лет. У обеих не сложилась семейная жизнь, и они проводили вместе много времени: посещали театр, ходили в гости и помогали друг другу во всём, как родные сёстры.

Когда Женя со своей матерью переехали в Израиль, или, как говорила Женина мать, вернулись на родину своих предков, подруги тяжело переживали разлуку. Первое время после отъезда Женя звонила почти каждый день, подробно рассказывая о всех событиях, а также писала Тане письма, в которых жаловалась, что не может привыкнуть к новой жизни, а выхода нет: оставить маму нельзя, да и вернуться уже некуда.

Вскоре в жизни Тани произошло важное событие: посещая христианские собрания, она покаялась и обратилась к Богу, после чего жизнь её совершенно изменилась. Об этом она

взволнованно рассказывала в письмах своей израильской подруге, а в ответ получала насмешливые критические поучения и строгие призывы «опомниться» и «образумиться». Старательно молясь перед написанием очередного письма, Таня объясняла Жене серьёзность произошедшей с ней перемены, просила подругу начать читать Библию, приводила места из Священного Писания, призывающие к покаянию.

Но Женя вдруг совсем перестала писать и звонить. Таня сильно беспокоилась, не зная что и думать, просила у Господа прощения за свои, возможно, неправильные действия или слова. Она несколько

раз пыталась дозвониться в Израиль, но всякий раз в трубке слышались только длинные тревожные гудки.

Прошло почти три месяца и однажды, около часа ночи, Танин телефон зазвонил короткими резкими гудками.

— Междугородка, - сквозь сон подумала Татьяна, соскочила с постели и, подняв трубку, услышала низкий, чуть хрипловатый, такой дорогой для неё, голос Жени:

— Здравствуй, Божья дочь!

— Женя, Женечка, что случилось?! Почему ты не пишешь, не звонишь, почему твой телефон молчит?

В трубке воцарилось молчание.

— Женя, где ты? - с тревогой повысила голос Татьяна.

— Да здесь я, здесь - вздохнула Женя и вдруг горько всхлипнула, с трудом произнося каждое слово:

— Таня, мамы нет! Мамочка умерла: рак, и ничего не могла сделать хвалёная израильская медицина!

— Женя, родная моя.

— Я осталась совсем одна! Тут всё чужое, непонятное, мне очень тяжело. Таня, я хочу, чтоб ты приехала ко мне, хотя бы на время, я всё оформлю для поездки, всё оплачу, только не отказывайся, прошу тебя!.. Правда, мне пришлось снять квартирку похуже, без

телефона, маминой пенсии уже нет, на работу устроиться я так и не могу, живу на небольшое пособие, но тебя прокормлю. Ты приедешь ко мне?

— Женечка, дорогая моя!..

— Ты приедешь ко мне?

— Женя, я очень люблю тебя и хочу помочь тебе, но есть Тот, Которого я люблю больше всех. Я буду просить Его, чтобы Он разрешил мне приехать к тебе.

Вскоре после телефонного разговора Таня получила от Жени заказное письмо - большой конверт, в котором оказались все необходимые документы для поездки в Израиль, а через несколько дней поступил денежный

перевод - для дорожных расходов. Оставалось только получить визу - простая формальность, как объяснила ей знакомая, служащая в агентстве по туризму. «Считай, Татьяна, что ты уже в Израиле», - объявила она, просмотрев Танины документы для выезда.

Сердце Тани радостно забилось. В глубине души она давно уже мечтала об этой поездке, о встрече с Женей. Кроме того, она знала, что за несколько месяцев работы в Израиле можно заработать неплохую сумму денег: это решило бы её материальные трудности и освободило бы на некоторое время от малооплачиваемой работы здесь, высвободилось бы время для

служения Господу. Таня мечтательно прикрыла глаза...

Ещё до получения выездных документов она усиленно молилась, стараясь уразуметь волю Божью.

Несмотря на сильное желание поехать в Израиль, Таня твёрдо решила не преступать Божьего указания. Поэтому, когда пришли нужные документы и деньги, она облегчённо вздохнула, восприняв это, как Божий ответ, то есть Его согласие на поездку. Таня жила в небольшом городке, и для получения визы ей нужно было съездить в расположенный недалеко город, где размещалось Израильское посольство.

И вот сейчас, оставив вещи в

гостинице, с небольшой сумочкой, в которой аккуратно были сложены все выездные документы, она стояла перед зданием посольства.

Милиционер у входа вежливо поинтересовался причиной её визита и, выслушав ответ, показал рукой в конец коридора:

— Пройдите сначала к юристу для консультации.

— Зачем к юристу? - растерянно спросила Таня, - все мои документы в порядке...

— Пройдите к юристу, - повторил милиционер, слегка повысив голос.

Таня кивнула и послушно зашагала в конец коридора. Над кабинетом юриста посольства

светилось табло с надписью: «Извините, вам нужно подождать вызова».

На установленном рядом с кабинетом стенде была помещена информация о времени отправления в Израиль самолётов, теплоходов и автобусов. Таня присела на кресло и, прикрыв глаза, представила себя сидящей в салоне комфортабельного лайнера.

Из кабинета юриста вышел улыбающийся мужчина, и в эту минуту световое табло замигало, и на нём появилась новая надпись «Пожалуйста, входите».

Таня нерешительно приоткрыла дверь и увидела сидящую за столом женщину в очках, которая, увидев

входящую Таню, приветливо поздоровалась с ней и, предложив присесть, спросила:

— Вы на ПМЖ?

— Что? - не поняла Таня.

— ПМЖ - это постоянное место жительства.

— Нет, нет! - улыбнулась Таня - я только в гости еду, к подруге.

— Хорошо, давайте ваши документы.

Просмотрев всё, что прислала Тане Женя, юрист нахмурилась:

— Это всё? А где копия свидетельства о рождении вашей подруги, где сведения о её доходах?

Таня взволнованно ответила:

— Перед приездом сюда

мои документы проверили в агентстве по туризму и сказали, что у меня всё в порядке.

Женщина в очках вздохнула, и положила перед Таней какую-то папку с документами и открыв её, протянула ей лист бумаги с отпечатанным текстом.

— Что это? - в недоумении посмотрела на неё Таня.

— Новые правила въезда по гостевой - ответила юрист.

Таня с тревогой спросила:

— А когда они были приняты, эти новые правила?

Собеседница с удивлением посмотрела на её

встревоженное лицо и спокойно ответила:

— Всего неделю назад, поэтому ваша подруга не знала об этом.

Таня опустила голову, ей хотелось расплакаться, как маленькой девочке, которой мама не купила мороженное.

Но юрист вдруг сказала громким голосом:

— А почему вы так расстроились? Разве я сказала, что вы не сможете поехать?

Таня подняла голову и с надеждой взглянула на неё.

Женщина продолжала:

— Ваша подруга может передать эти сведения по факсу - и она с улыбкой вручила Тане листочек бумаги с номером факса,

объяснив, куда нужно пройти.

Таня с радостью привстала, собираясь идти в указанном направлении, но вдруг замерла, улыбка исчезла с её лица: «Сведения о зарплате... - побежали мысли, - но ведь Женя нигде не работает... Как быть?»

Вслух она произнесла:

— Извините, ничего не получится.

— Почему? - удивилась юрист.

— Потому что подруга моя не работает и, следовательно, не сможет передать сведения о зарплате.

Женщина облегчённо засмеялась:

— Нет проблем! Вы что, не знаете, как это делается? Объясните ей ситуацию, и пусть она передаст вам по факсу, что она работает и что её ежемесячный заработок составляет столько-то. Уверяю вас, проверять мы не будем, это всего лишь формальность.

Таня, наконец, всё поняла: Господь не хочет, чтобы она ехала в Израиль. Он даже сделал так, что ввели новые правила въезда. Таня вдруг почувствовала сильную усталость. Неужели она так и не увидится с Женечкой, которая с таким нетерпением ждёт её?

В оба уха Тани кто-то вкрадчиво повторил: «это всего лишь формальность». Действительно,

почему она решила, что Бог против поездки?!

Юрист доброжелательно посмотрела на неё и мягко сказала:

— Все ваши документы в порядке, вашей подруге нужно передать нам только несколько слов по факсу, и вы можете выезжать в Израиль!

«И буду ему Богом - вдруг возникли в памяти Тани слова из прочитанной утром в гостинице 21-ой главы книги Откровения. Она старалась вспомнить весь тот стих, но не могла. Ей вдруг захотелось немедленно узнать, кому Бог обещает быть Богом.

Юрист посмотрела на напряжённое лицо Тани и добавила:

— Не переживайте, всё будет хорошо!

— Извините - произнесла Таня, а затем, торопливо раскрыв сумочку, достала небольшого формата Библию и раскрыв на нужной странице, прочитала вслух: «Побеждающий наследует всё. И буду ему Богом».

Юрист с удивлением смотрела на неё.

Таня встала и со спокойной улыбкой и твёрдо повторила:

— «Побеждающий наследует всё!» Вы слышите, это говорит Бог Израилев.

Таня положила на стол листочек с номером факса:

— Благодарю вас, но

поездка не состоится. И я очень рада, что не уехала в Израиль без моего Господа.

Женщина поправила свои очки, она с изумлением слушала Таню, которая, сияя от радости, добавила:

— Вы так старались помочь мне... Пусть вас благословит Бог Авраама, Исаака и Иакова! Я желаю вам полюбить Иисуса Христа. А за меня вы не переживайте: я верю, что обязательно буду в Иерусалиме. В Новом Небесном Иерусалиме!

По плоти Ты был еврей,
По духу - Спаситель мира,
Но мир презирает крест -
Со смехом проходит мимо.

Народ Твой отверг Тебя -
Не приняли и распяли!
Того, Кто есть Бог, Кто свят,
Они тогда не узнали.

Но Ты не отверг его –
Вина Израиля покрыта!
Ты Свой соберешь народ
Под нежные Божьи крылья.

Грядет для Израиля миг:
Иисус есть Господь! Он - с нами!
Поймет потрясенный мир -
Евреи Христом хранимы!

Новое имя

Валя возвращалась домой после суточного дежурства.

Во всем теле ощущалась неприятная тяжесть, глаза слипались: ночью было несколько машин, а ей, дежурной большого предприятия связи, нужно было в течение суток тщательно следить за

порядком на территории, а также пропускать через ворота служебный транспорт. Валя с трудом крутила педали старенького велосипеда и увидев издалека свой длинный, как корабль, четырехэтажный дом, с облегчением вздохнула, предвкушая долгожданный, сладостный для измученного тела отдых.

Ей было уже за 50, но свою семью так и не обрела. Раньше жила с родителями, затем в общежитии, а около десяти лет назад получила отдельную однокомнатную квартиру и очень дорожила своим уединением. Она никогда не скучала и не страдала от одиночества, но глубокое удовлетворение и истинную радость

получила только в Боге. Когда три года назад Валя начала серьезно читать Библию, Бог открыл ей Свою великую любовь ко всем грешникам, в том числе и к ней, Вале. Всей душой она полюбила Господа Иисуса Христа, и живая вера потоком влилась в ее сердце. Теперь, несмотря на многие трудности одинокой жизни, Валя была счастлива, все более наполняясь познанием той прекрасной жизни, которую Бог приготовил для всех, приходящих к Нему.

Подъехав к своему дому, она увидела возле ядовито-зеленых мусорных бачков женщину примерно одного с ней возраста, которая,

расположившись прямо на земле с жадностью что-то ела, одновременно уткнувшись лицом в толстую книгу. Вале и до этого нередко встречались бедно одетые люди, которые в мусорных ящиках искали что-либо стоящее. Она пробовала помогать им, чем могла, а также рассказывала о Господе, о пути спасения, однако их интересовали только еда, одежда и деньги.

Но женщина, которую Валя сейчас видела перед собой, не смотря на сильный, видимо, голод, имела потребность и в другой пище. Казалось, она никого не замечает и вполне довольна своей участью: не отрывая взгляда от раскрытой книги,

она продолжала сосредоточенно жевать.

«Спать, спать! - потребовало сильно утомленное трудом Валино тело, но в эту минуту она поняла, что спокойно спать уже не сможет: все ее мысли были сосредоточены на этой несчастной, на том, как помочь ей. С детства у Вали было слабое здоровье. Вспомнив об этом, она заколебалась, жалость к самой себе захлестнула было ее, мелькнула мысль: сейчас я сама едва передвигаюсь, что же мне - всех нищих спасать, а себя замучить совсем? Но тут же стало стыдно от этой мысли, и она взмолилась: «Господи, прости, это враг опять предлагает мне пожалеть себя, а не

других!»

После этого Валя решительно подошла к женщине и поздоровалась.

Та с неохотой подняла голову и с удивлением посмотрела на Валю.

— Простите, что помешала, но я хочу пригласить вас на обед... Я тут недалеко живу, — на одном дыхании произнесла Валя, сосредоточив взгляд на заплесневелом куске хлеба в руке женщины.

— А выпить будет? - наконец, ответила та и, рассмеявшись, обнажила почти беззубый рот.

— Нет, спиртного у меня нет, - твердо ответила Валя.

— Ну ладно, пошли... - вздохнула женщина, бережно закрыв книгу и аккуратно собрав недоеденные ломти черствого хлеба в целлофановый кулек. Поднявшись с земли, она отряхнула картон, на котором сидела, и сложив всё в большую тряпичную котомку, привычно закинула ее на плечо и медленно зашагала рядом с Валей, которая катила свой велосипед. Когда они вошли в прихожую, Валя невольно поморщилась, почувствовав резкое зловоние, исходящее от одежды женщины и ее давно немытого тела.

— А ты не из богатеньких! - разочарованно определила новая Валина знакомая, оглядываясь по

сторонам. Она сняла с себя верхнюю одежду, потрепанную обувь и пройдя в небольшую чистую комнатку, с наслаждением вытянулась в мягком стареньком кресле.

Валя вошла вслед за ней, решив предложить гостье искупаться перед едой. Женщина вдруг резко поднялась с кресла и подойдя к книжному шкафу без спроса начала пересматривать разложенные на полках книги.

— Э-э-э! Да тут всё - про Бога - недовольно произнесла она, возвращая книги на их прежнее место, и развернувшись к Вале, резко спросила:

— Ты что, верующая?

— Да, - коротко подтвердила та.

— Понятно - брезгливо сморщилась гостья, - спасение себе, значит, с моей помощью зарабатываешь?

— Как это? - не поняла Валя.

— Ну, добрыми делами!

— Нет, Божье спасение человек заработать не может, - мягко объяснила Валя, - иначе Иисусу Христу не пришлось бы умирать за наши грехи, но теперь только ради Своего Сына Бог прощает всех верующих в Него.

— Не верю я ни во что! - заявила собеседница, - можешь меня не агитировать!

— А я и не агитирую, спокойно ответила Валя, - я лишь рассказала вам Божий план спасения... Кстати, как вас зовут?

— А как хочешь, так и зови! У меня уже - ни имени, ни жилья, ни жизни! Бомж я, понятно? - с вызовом, громко выкрикнула гостья. Но Валя не растерялась, а только попросила:

— Тогда, можно я вас буду звать Марией, без имени как-то тяжело общаться. Кстати, Марией звали мать Иисуса Христа, и еще была одна Мария, большая грешница, которая очень полюбила Господа. После встречи со Христом ее жизнь полностью изменилась. Эта Мария первой пришла ко гробу

Господа, чтобы помазать Его тело благовониями, но гроб оказался пустым, и обернувшись, она увидела воскресшего Христа!

— А-а! Христос воскрес! Знаю-знаю, все так говорят на Пасху, а потом напьются как свиньи и разные гадости делают! Вот ты - верующая, тогда скажи, почему люди ненавидят друг друга? - спросила гостья и посмотрела на Валю, ожидая ответа.

— Потому что только Любовь побеждает зло, а истинная Любовь - у Бога, за нею человеку нужно прийти к Нему.

— Таких, как я, Он вряд ли примет... Если бы раньше! А сейчас я так опустилась, что никому не

нужна... Ты- то вот, замечаю, всё нос морщишь от моих «ароматов», - грустно съязвила гостья. Валя густо покраснела и сказала:

— Простите меня! Я только ученица Христа, а вот Господь - Он всех любит и принимает. Кстати, вы можете сейчас искупаться, если хотите... Тело нетрудно отмыть, а вот наши грешные души только Кровь Христа очищает!

Гостья задумчиво выслушала и вдруг спохватилась:

— Ты что, опять меня агитируешь?! Я же сказала: зря стараешься! Давай-ка лучше веди в ванную, я уже года два не мылась горячей водой, сейчас и бань-то простых не осталось, все только

сауны для богачей.

Обрадованная Валя торопливо побежала в ванную, включила газовую колонку, приготовила полотенце и чистую одежду.

Примерно через полтора часа из ванной вышла преображенная гостья. Густые волнистые волосы были скромно собраны на затылке, вся она сияла чистотой и, казалось, что даже ее большие зеленоватые глаза посветлели и подобрели. Неловко пряча руки в карманы новенького махрового халата, она тихо сказала Вале, ожидавшей ее за накрытым в кухне столом:

— Спасибо тебе...

— Мария, накинь это на голову, в квартире прохладно, ты

можешь простудиться, - не заметив, что перешла на «ты», заботливо сказала Валя, протягивая ей тонкий шерстяной платок. Гостья опустила голову.

— Что с тобой? Тебе плохо? - встревожилась хозяйка.

— Как раз наоборот! - женщина подняла голову, - мне хорошо: так много времени ни одна душа не заботилась обо мне...

— Мария, сейчас я помолюсь и будем есть, пока не остыло! Ты, наверное, уже сильно проголодалась, - сказала Валя и, коротко поблагодарив Господа за еду, села за стол.

Минут двадцать ели молча, было заметно, что гостья немного

смущается, но затем она с аппетитом принялась за приготовленные блюда. Дважды Валя вставала, чтобы подложить на стол еду. Затем она разлила по чашкам чай, поставила печенье и варенье.

— Ох! - откинулась на спинку стула гостья, - ну и накормила же ты меня! Слушай, я наверное недельный запас твой уничтожила: ты уж меня прости, но кто знает, когда мне еще поесть придется? Так что потерпи!

Валя опять встала, чтобы подложить варенья и потом, взволнованно обратилась к гостье:

— Мария! Тебе не нужно больше переживать за еду и за

ночлег: я предлагаю тебе остаться жить здесь, у меня... совсем!

Гостья удивленно выслушала ее и вдруг расхохоталась:

— Значит, для полной гарантии хочешь меня подольше потерпеть?! Валя непонимающе посмотрела на нее:

— Для какой гарантии?

— Ну признайся: тебе в рай хочется, а туда ведь без добрых дел не попадешь! Вот ты и собираешь их побольше!

— Да с чего ты это взяла? - с огорчением спросила Валя.

— Не думай, я всё про вас знаю! - вдруг с ожесточением проговорила женщина. - Два года возле храма промышляла

милостыней, насмотрелась... Заходят в церковь - крестятся, молятся, друг с друга пылинки сдувают, а выйдут - звери! Убили бы друг друга!

Валя слушала, не прерывая и сердцем прося Бога открыть ее гостье путь спасения.

Когда же та закончила свой гневный монолог, Валя спокойно сказала:

— И все-таки, Мария, я очень прошу тебя остаться у меня: не потому что, как ты думаешь, я хочу с твоей помощью заработать спасение, его Господь дает всем приходящим к Нему даром. Просто я от всего сердца хочу помочь тебе, чем могу. Но заставлять тебя жить у

меня я не буду. Бог всем дает свободу выбора.

— Вот именно - свободу! - откликнулась собеседница, - я не собираюсь продавать ее за кусок хлеба и теплую кровать! Я вольная птица, куда хочу - туда иду! Нет, не согласна я жить здесь, но... вот поспать бы хоть раз за несколько лет на настоящей мягкой постели, а потом поесть бы еще раз хорошенько и - можно снова в путь-дороженьку! - она лихо взмахнула рукой и закурила «бычок», который во время беседы извлекла из недр своей огромной котомки.

— Хорошо! - согласилась Валя, стараясь не морщиться от густого едкого дыма, окутавшего всё

пространство ее маленькой кухни, - поступай, как считаешь нужным, Мария. Я уже постелила тебе на диване, можешь отдыхать.

— А где же ты будешь спать? Я тут всё осмотрела: у тебя только один диван - спальное место, - удивленно посмотрела на Валю гостья.

— Не беспокойся, есть еще раскладушка, - приветливо объяснила Валя, - ты располагайся, отдыхай, а я еще на кухне побуду: посуду помою, почитаю.

— И я еще почитать хочу в уютной обстановке, - отозвалась женщина, пригасив «бычок», - я очень читать люблю. И чтобы ты знала - у меня высшее образование!

Просто жизнь так повернулась... Но ничего рассказывать о себе я тебе не буду - даже не пытайся меня расспрашивать! Я хочу всё забыть, забыть! Всё-всё, понимаешь?! - она вдруг затряслась в рыданиях. Сердце Вали сжалось в комок от жалости и любви к этой женщине, которая, видимо, перенесла много горя.

— Только ничего не говори сейчас, произнесла сквозь слезы гостья, - я никому и ничему не верю! Всё - фальшь и мираж, каждый живет только для себя! А если и любит кого-то, то тоже - для себя!

Заметив, что Валя всё же собирается что-то сказать, она почти закричала:

— Не ве-рю!

Валя молча села на кухонный стул, ожидая, пока гостья немного успокоится. Через несколько минут женщина уже лежала в постели с раскрытой книгой в руках, а Валя в это время хлопотала на кухне, всем сердцем молясь о своей гостье.

Примерно час спустя она тихонько зашла в комнату, чтобы взять ножницы, и увидела, что Мария сидит в кресле и читает.

— Ты что? - удивилась Валя, - спать же хотела!

— Хотела да перехотела, - нехотя оторвалась от чтения гостья, - такую книгу лежа читать нельзя!

«Что она там, интересно,

читает? - задумалась Валя, но расспрашивать не стала и взяв ножницы, возвратилась на кухню. Закончив работу, помолилась: «Господи, помоги, чтобы Мария осталась здесь жить! Как мне хочется отогреть эту замерзшую душу, привести ее к Тебе, к Твоей любви!» О себе она уже совсем не думала, не взвешивала в уме, хватит ли денег на двоих, позволит ли слабое здоровье нести груз заботы об этой одинокой душе - всё это даже не приходило ей на сердце.

«Лишь бы Мария согласилась, лишь бы не ушла!» - беззвучно повторяла Валя, прислушиваясь к хриплому покашливанию своей

гостьи.

Через некоторое время женщина появилась на кухне с книгой в руках и взволнованно сказала:

— Слушай, здесь такое написано... Вот смотри: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас...» - прочитала она и попросила: - Ты можешь подарить мне эту книгу, которая называется, - взглянув на обложку, она прочитала: «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа»? Я ее теперь читать буду всё время... А остаться у тебя я не могу, не обижайся...

— Бери, конечно, ответила Валя, - читай и пусть Господь благословит тебя.

— Ладно, пойду лягу... Что-то я устала очень. Спасибо за книгу, - проговорила гостья, бережно пряча подарок в котомку.

Войдя через несколько минут в комнату, Валя увидела, что Мария крепко спит с блаженной улыбкой на устах, поджав ладони под щеку, как ребенок. Сердце Вали опять наполнилось нежной любовью к этой измученной душе и неожиданно для себя, наклонившись, она тихонько прикоснулась губами к ее горячей щеке.

...Утром Валя проснулась от громкого шума: за окном во дворе какая-то машина сигналила длинными затяжными гудками. Увидев пустой диван, Валя сразу

вскочила и выбежала в прихожую: серая большая котомка, в которой ее гостья хранила всё свое имущество, исчезла. Ругая себя за беспечность и долгий сон, Валя с тяжелым сердцем побрела на кухню и остановилась на пороге: Мария в выданном ей махровом халате сидела за столом, читая Новый Завет. Увидев Валю, она встала и строго спросила:

— Отвечай только правду: ты поцеловала меня, когда я спала или нет? Валя взволнованно кивнула и спросила:

— А откуда ты знаешь?

Мария вздохнула с облегчением и сказала:

— Я точно собралась уйти

ночью... Ночью, чтобы ты не уговаривала меня остаться. Когда я легла, то сразу же крепко заснула. Во сне, - а может быть наяву, я вдруг увидела, как ты подошла ко мне и очень нежно поцеловала в щеку, как когда-то в детстве делала моя мама. А потом... мне приснился Иисус Христос. Правда, я не видела Его лица, потому что оно сияло, как солнце! Он сказал мне, чтобы я осталась жить у тебя. Я хотела сказать Ему, как меня зовут, но почему-то не могла вспомнить своего имени. И тогда Он сказал, что у меня будет теперь новое имя. Я помню Его последние слова: «Не бойся, Мария, только веруй!»

— Вот почему у тебя была

такая счастливая улыбка! - поняла Валя и спросила:

— А куда делась твоя дорожная котомка?

— Когда я решила остаться у тебя, мне захотелось избавиться от всего старого, в том числе и от котомки. Проснувшись утром, я отнесла ее на мусорку. Но теперь я хочу избавиться не только от своих старых вещей, но и от всей моей прежней жизни... - тихо произнесла Мария, - Валя, это возможно?

— «Не бойся, только веруй!» - разве ты забыла эти слова, которые сказал тебе Господь?

Просияв всем лицом, Мария улыбнулась и попросила:

— А вот теперь начинай

меня агитировать!

Святая с турбазы

«Мы неизвестны, но нас узнают»

2 Кор. 6:9

День был нелегкий, суетливый и шумный. Полине, которая работала администратором на туристической базе, расположенной в одном из живописных уголков Украины, пришлось много потрудиться, давая разъяснения приезжим и заполняя многочисленные бланки на прибывших для отдыха гостей.

В начале весны, в межсезонье, гостиница турбазы почти пустовала, но сейчас, в преддверии лета, она

наполнилась оживленным звоном голосов. К вечеру Полина так обессилела, что даже говорить было трудно. Но работа есть работа!

Она внутренне помолилась: «Благодарю, Господи, что помог справиться с большой дневной нагрузкой.

Теперь мне предстоит ночное дежурство. Даруй сил во всякое время прославлять Тебя!»

К двенадцати часам ночи турбаза, наконец, затихла. Во многих окнах гостиничных комнат погас свет: уставшие гости легли спать. Полина просмотрела данные по прибытию: да, почти вся гостиница заполнена, свободными оставались только два номера.

Она взглянула на часы: пятнадцать минут первого; затем открыла Библию. Гостей ночью, вероятно, уже не будет, и может быть, удастся немного подремать...

Полина с удовольствием углубилась в чтение, но минут через двадцать услышала за окном шум подъехавшей к административному корпусу машины.

Дверь открылась, вошли несколько человек, видимо, семья: мужчина, женщина и двое подростков. Оказалось, едут «своим ходом» из Москвы на палаточный отдых по Украине. Увидев на дороге указатель турбазы, свернули, чтобы переночевать с удобствами.

Приветливо улыбаясь, Полина

протянула женщине ключ от номера.

— Располагайтесь, отдыхайте, а мужа вашего попрошу остаться, чтобы заполнить бланки регистрации.

Женщина и дети ушли, москвич начал делать необходимые записи, а Полина вернулась к чтению Библии.

Но дверь вдруг снова открылась: вошли двое мужчин и совсем молоденькая девушка. Мужчина, пониже ростом, поставил небольшую дорожную сумку в кресло и ожидающе посмотрел на своего высокого бородатого спутника. Тот, едва взглянув на него, коротко взмахнул кистью руки, как бы отогнав надоедливую муху.

Низенький сразу же исчез за входной дверью.

Взглянув в окно, Полина увидела беззвучно отъезжающую новенькую иномарку. «Вот почему я не услышала шум мотора!» - догадалась она.

Тем временем девушка села в кресло и, достав из сумочки зеркальце, стала поправлять прическу, а высокий бородатый мужчина подошел к администраторской стойке, за которой с рабочей стороны сидела Полина, а с внешней - москвич, заполнявший бланки прибытия.

Не переставая жевать жевательную резинку и щедро источая запах дорогих духов,

бородач протянул Полине паспорт и коротко бросил:

— Побыстрее!

Взяв паспорт, Полина протянула ему ключ:

— Ваша спутница может подняться в номер...

Не ответив ни слова, мужчина взял ключ и ловко перебросил его девушке, которая после этого сразу же пошла к лифту.

Получив бланки для заполнения, бородач, не глядя на Полину, протянул ей деньги и процедил сквозь зубы:

— Сбегай-ка пока за вином!

Привыкшая к разным посетителям, Полина спокойно ответила:

— За вином я не пойду, потому что я верующая, христианка. Кафе у нас работает круглосуточно, находится на первом этаже, это совсем рядом!

Его рука с денежной купюрой неподвижно повисла в воздухе. Он медленно поднял голову: во взгляде не было недовольства, а только недоуменное любопытство.

— Ты чего это?! - наконец хрипло произнес он и достав из кармана несколько бумажных купюр, добавил их к той купюре, которую положил на стойку.

— Ну что, верующая, может все-таки сбегаешь за вином? Мне ведь только одну бутыль, остальные деньги - твои!

Полина почувствовала, что он не отступит, но все- таки твердо повторила:

— За вином я не пойду!..

Москвич заерзал на стуле, стараясь побыстрее заполнить бланки с многочисленными графами.

— Это уже интересно! - бородач по-прежнему еще не злился, а как бы играл в понравившуюся ему игру, - разве я мало тебе заплатил? Хотя, может быть, может быть... С верующими я еще не встречался.

Он полез во внутренний карман пиджака и достав оттуда денежную купюру, бросил ее с высоты прямо на рабочий стол дежурного

администратора.

— Ну как?! Тысячу даю! Только чтоб на скорости сбегала! Ты, наверное, и в руках не держала столько.

Взяв деньги, Полина положила их на стойку и тихо повторила:

— За вином я не пойду!

Бородач, наконец, понял, что его деньги «не срабатывают». Сидящая перед ним хрупкая женщина со спокойным взглядом действительно не намерена выполнять его поручение! Такого в его жизни еще не было... От неожиданности он даже расхохотался и перестав жевать, с угрозой произнес:

— Да будь ты хоть трижды верующая, неужели ты решила, что

со мной такие номера проходят?

Нахмурившись, бородач неспеша полез в карман и вдруг вытащил пистолет. Лицо его приняло злое выражение. По всему было видно, что он настроен решительно.

— Я не привык, чтобы мне возражали, понятно? - крикнул бородач, проверяя, заряжен ли пистолет. При этом он случайно повернул его в сторону москвича, сидящего почти рядом с ним.

Побледнев, отец семейства тихонько отстранил от себя руку бородача, но тот, сосредоточенный на Полине, не обращал на москвича никакого внимания. Направив на верующую пистолет, он грозно сказал:

— Я не шучу, сейчас ты умрешь! Денег ты уже не получишь в любом случае! Но... если принесешь вино, я подарю тебе жизнь!

Полина закрыла Библию и прижав ее к себе, твердо сказала:

— Жизнь мне дал Бог, и только Он может забрать ее. Но я в мире с Ним и не боюсь смерти...

Бородач грязно выругался и, опустив пистолет, медленно пошел к лифту. Через несколько минут после этого, не проронив ни слова, ушел и бледный как стена, москвич, положив на стойку заполненные бланки прибытия.

Оставшись одна, Полина со слезами, от всего сердца, поблагодарила Господа за то, что

Он помог ей в этих отчаянных обстоятельствах не отступить от истины. Бланк прибытия бородач так и не заполнил, но его паспорт остался у Полины. Он не забрал и тысячную купюру, лежащую на стойке.

Пока она размышляла, как быть с его оформлением, обладатель пистолета с дорожной сумкой в руках вместе со своей подругой вдруг появились перед стойкой администратора.

— Паспорт! - рявкнул бородач, - нечего нам тут делать... среди святых!

— Возьмите! - Полина протянула ему документ и добавила:

— Заберите ваши деньги!

Бородач метнул на нее острый задумчивый взгляд, в котором было что-то похожее на уважение.

— Отдайте бедным, если хотите... И высчитайте за комнату: все-таки мы около часа у вас пробыли!

После этих слов он резко дернул свою спутницу за руку и подтолкнул ее к выходу. У порога он еще раз оглянулся на Полину и как-то по-доброму произнес:

— Свята-а-ая!

Когда они скрылись за дверью, Полина посмотрела в окно и увидела их медленно идущими в сторону леса.

Утром в администраторскую вбежал запыхавшийся директор

турбазы:

— Где Борода?

— Какая борода? - не поняла сразу Полина.

— Ночью сюда заселялся высокий бородатый мужчина с девушкой. Где они? - нетерпеливо повторил вопрос директор.

— А-а! Ушли в лес. - спокойно объяснила Полина.

— Как - в лес? Почему - в лес? За ними сейчас машина приехала! - расстроенно выяснял директор.

— Не волнуйтесь, - успокоила его Полина, - я думаю, они не заблудятся. И кстати, вы не знаете, кто этот человек?

О ночном приключении она

решила не рассказывать.

Директор опустился в кресло, тщательно вытер носовым платком вспотевшее от волнения лицо и торжественно произнес:

— Этот человек, Полина Андреевна, глава рэкета, одним словом, мафиози по кличке «Борода», мне сейчас его водитель такое рассказал!.. - директор опять вытер лицо платком, но продолжить не решился. Увидев лежащую на столе раскрытую Библию, он вспомнил, что Полина верующая и строго спросил:

— Надеюсь, вы вели себя по Божьим заповедям?

— В этом можете не сомневаться! - уверенно ответила

ему Полина.

Гражданин небес

Игорь Иванович, заведующий отделением онкологического диспансера, был в прекрасном настроении. Сегодня ему «стукнуло» 56, но выглядел он, по крайней мере, на 45.

Об этом ему сегодня с утра говорили улыбающиеся сотрудники,

заходившие один за другим в его кабинет для поздравлений.

Телефон на столе и «мобилка» в кармане пиджака почти непрерывно звонили - многочисленные друзья и знакомые спешили поздравить его с радостным событием.

Игорь Иванович сидел в удобном кресле, с удовольствием наблюдая за тем, как дежурная медсестра два успевает расставлять в кабинете букеты цветов. С сияющим от удовольствия лицом, он прикладывал ухо то к одной, то к другой телефонной трубке, наслаждаясь лестными отзывами в свой адрес и принимая приятные пожелания по поводу дня рождения.

Предвкушая вечернее торжество

в престижном ресторане, где был заказан праздничный ужин, Игорь Иванович блаженно прикрыл глаза: там будет и та, которая несколько месяцев назад завладела его сердцем. Хоть бы жена ничего не заметила! Игорь Иванович самодовольно усмехнулся: в течение почти тридцатилетней совместной жизни с супругой ему удавалось тщательно скрывать все свои посторонние приключения. Знакомые считали их образцовой семьёй, хотя они уже давно охладели друг ко другу и просто «держали марку» перед всеми.

Игорь Иванович даже не подозревал о том, что и жена изменяет ему в течение многих лет

их совместной жизни, но даже если бы он узнал об этом, этот факт скорее удивил бы его, чем огорчил: их любовь друг ко другу полностью иссякла, а дети, которые раньше их связывали, давно завели свои семьи и разъехались кто куда, почти забыв о родителях. Вот даже в день рождения отца никто из них пока не позвонил, а ведь сейчас уже два часа дня...

Но, вспомнив о предстоящем вечере и о той, от присутствия которой у него начинало колотиться сердце, Игорь Иванович опять повеселел.

«Нужно ещё посетить «химию», и - домой, домой, готовиться к торжественному вечеру!» - подумал

он, благодаря по телефону очередного поздравителя.

«Химией» в больнице называли отделение безнадёжно больных раком. В отдельном от главного корпуса небольшом одноэтажном здании было несколько палат, где тяжелобольных облучали для того, чтобы хоть немного приостановить мучительную болезнь. «Помогаем им умереть», - печально характеризовали это лечение врачи «химии».

Игорь Иванович озабоченно вздохнул: надо бы не забыть после празднования дня рождения позвонить местным властям и напомнить, что «химия» уже не вмещает всех больных. В

переполненных палатах лежали по 15-20 человек, вновь прибывших устраивали на койках в коридорах, некоторые так и умирали, не дождавшись перехода в палату.

Из-за тяжёлых и вредных условий мало оплачиваемой работы, обеспечить отделение необходимым обслуживающим персоналом было невозможно.

Закрыв кабинет, Игорь Иванович нехотя отправился к зданию «химии». Сейчас начнётся: жалобы больных, плач, умоляющие просьбы родственников о дополнительном лечении, об операциях и так далее и тому подобное!

Как тяжело каждый раз объяснять им всем, что ничего уже

не поможет. Ни-че-го!

Игорь Иванович работал онкологом уже более тридцати лет: профессионализм и привычка почти подавили в нём жалость к больным и простое человеческое сочувствие. Всякий раз, когда дежурный врач приносил ему сведения об умершем, он лишь недовольно пожимал плечами, подписывая бумаги.

О том, что и ему предстоит когда-то умереть, он старался не думать, а если такие мысли всё же приходили, он бодро говорил сам себе, что совсем не стар, здоров и вообще... всё это ещё не для него! Твёрдо веря в то, что в «здоровом теле - здоровый дух», Игорь Иванович старательно заботился о

себе: бассейн, сауна, рациональное питание, ежедневные оздоровительные утренние пробежки по набережной - всё это помогало ему сохранить «форму».

Дежурная врач «химии», почтительно поздравив Игоря Ивановича с днём рождения, протянула ему листок бумаги с данными по смертности. Заведующий отделением недовольно поморщился, глядя в листок: сегодня «химия» особенно отличилась - пять смертей за ночь и двое больных в критическом состоянии! Игорь Иванович сложил листок, спрятал его в карман халата и направился к больным. Дежурная врач и медсестра шли за ним на

небольшом расстоянии.

Так и есть: сразу же начались жалобы и слёзы. Одна больная в состоянии, близком к истерике, кричала, заламывая свои руки, а затем, крепко ухватившись за его халат, стала требовать немедленной повторной операции. После того, как медсестра быстро сделала ей успокоительный укол, медики вышли из палаты.

Игорь Иванович заколебался: может быть, сегодня ограничиться одной палатой? Так не хочется портить нервы в собственный день рождения! Но затем он решил всё-таки продолжить обход: вдруг больные пожалуются главному?

Выйдя из последней палаты,

Игорь Иванович поспешно направился к выходу.

— Доктор, можно вас ненадолго? - услышал он позади себя мужской голос.

Недовольно обернувшись, Игорь Иванович увидел одетого в больничный халат мужчину лет сорока.

— «Начинается! - с раздражением подумал заведующий отделением, - сейчас начнёт терзать меня!»

— Слушаю вас! - строго ответил он.

Приветливо улыбнувшись, мужчина сказал:

— Простите, что задержал вас! Я только хотел узнать, сколько

мне осталось жить...

Игорь Иванович удивлённо ответил:

— Такую информацию мы вам давать не имеем права!

Мужчина спокойно сказал:

— Я верующий, смерти не боюсь, готов перейти в вечность к Господу, но мне нужно знать, сколько мне осталось. Не бойтесь сказать мне это!

Игорь Иванович внимательно посмотрел на больного: приятное лицо, доброжелательный взгляд. Как можно быть спокойным с таким диагнозом?

— Нет, я не могу сказать вам этого, у нас есть определённые правила... Да и зачем вам знать? -

почему-то нервничая, спросил Игорь Иванович.

— Понимаете, - начал мужчина, - я уже около пятнадцати лет живу с Господом, служу Ему. Хотелось бы закончить кое-какие дела в церкви, но для того, чтобы правильно распределить оставшееся время, я хочу знать, сколько мне ещё быть на земле.

Игорь Иванович верил в существование Бога и считал это вполне достаточным для того, чтобы Бог был доволен им. Библию он не читал, в церковь никогда не заходил, считая это уделом тех, кто много нагрешил.

Свою жизнь Игорь Иванович до сих пор считал безупречной, потому

что таково о нём, как он думал, было мнение окружающих. Кроме того, те верующие, которых он знал, жили, отнюдь, не святой жизнью, поэтому он сделал для себя такой вывод: нужно стараться быть порядочным человеком, а всё остальное - не так уж важно. В глубине души он надеялся на то, что Бог одобряет его образ мыслей.

Но вот сейчас перед ним стоял человек, который знал Бога и жил с Ним, который совершенно не боялся смерти и радовался своему переходу в вечность. И даже перед смертью он думал только о Боге и переживал за церковные дела!

От мужчины исходило какое-то внутреннее сияние. Собственная

жизнь вдруг показалась Игорю Ивановичу какой-то серой, унылой и ненужной. «Зачем я живу? - с холодком внутри, мысленно спросил себя он, - что ждёт меня в вечности?»

— А что у вас за дела такие? - неделикатно поинтересовался заведующий отделением.

Не удивившись его вопросу, больной ответил:

— Хочу побеседовать с молодёжью церкви, с которой занимаюсь много лет. Неплохо было бы съездить к родственникам, они недалеко живут, ещё раз напомнить им о Господе. Да и записи кое-какие надо привести в порядок -

размышления над Словом Божиим... Хочется всё успеть, если Господь позволит.

Игорь Иванович в недоумении смотрел на него:

— А другие дела? Распоряжения о доме, имуществе?

Мужчина светло улыбнулся:

— Моё сокровище и в небесах и в сердце моём - это Христос! Остальное не так уж важно.

— Неужели вы действительно не боитесь смерти? - тихо спросил Игорь Иванович.

— Её для меня нет, я просто ухожу к моему Господу, и эту встречу с Ним я ожидаю с великой радостью!

В этот момент входные двери,

возле которых они стояли, распахнулись, и в помещение вошла большая группа молодёжи.

— Брат Саша, мир вам, мы к вам! - обратился к мужчине высокий стройный юноша, вежливо поздоровавшись с Игорем Ивановичем.

— С миром принимаю вас, друзья! - радостно отозвался больной и попросил молодёжь, - вы подождите меня немного там, в больничном скверике, я скоро освобожусь и приду к вам.

Юноши и девушки послушно вышли из здания «химии», а Игорь Иванович спросил:

— Ваши, из церкви?

— Да, - счастливо улыбаясь,

ответил мужчина, - и многие из них уже заключили завет с Господом.

Игорь Иванович значение последних слов не понял, но переспрашивать не стал.

Внезапно заведующий отделением почувствовал себя очень плохо. Нет, не физически. Его крепкое тело пока не подводило его, а натренированное сердце билось ровно. Но где-то глубоко внутри себя Игорь Иванович вдруг ощутил зияющую пустоту. Казалось, что рядом с ним разверзлась бездна, готовая поглотить его.

— Как ваша фамилия? - вяло спросил он и, получив ответ, попросил больного немного подождать его.

После этого Игорь Иванович пошёл в кабинет дежурного врача, которая, увидев его, удивилась:

— Вы ещё не ушли?

— Как видите! - сухо отрезал заведующий и, назвав фамилию мужчины, спросил:

— В каком состоянии этот больной?

Дежурная врач тяжело вздохнула:

— В самом критическом! Он - один из двух, о которых я сказала вам, что они - «на очереди». Три дня он ещё будет видеть белый свет, не больше. Странный человек: ни на что не жалуется, всем тут о Христе рассказывает, песни о Боге поёт - очень хорошие! И мне книжку

подарил, «Приди домой» называется, а когда читать-то, работы полно и здесь, и дома!..

— Времени у вас нет? - вдруг со злостью закричал Игорь Иванович, - а на пустословие время есть, на сплетни - хватает? А на Бога времени нет?

Дежурная врач с испугом смотрела на него.

— Ладно, - переменил он тон, - работайте! И это... простите меня за крик: нервы!

— Ну, что вы, что вы, - засмущалась дежурная врач и торопливо добавила:

— А вообще, этот человек мне нравится: в такой болезни, а внимательный ко всем. Одно не

понимаю: в медицинской карточке написано, что он рабочий, а посетителей к нему, как к президенту!

— Ну, хорошо, - прервал её Игорь Иванович, - мне нужно идти.

Он помедлил, и как будто с трудом произнося слова, попросил:

— Вы мне потом сразу сообщите, когда он... В общем, позвоните мне немедленно, вы или другой дежурный врач, передайте всем, понятно?

— Да, да, - согласилась дежурная, - сообщим...

Больной сидел у двери и читал какую-то толстую книгу.

«Библия, наверное», - догадался Игорь Иванович.

— Извините, что задержался, - сказал он, - никому не говорил, но вам скажу: вам осталось для ваших дел три дня жизни!

Мужчина закрыл книгу и встал:

— Благодарю Господа и вас, - с удовлетворением сказал он.

— За что же благодарите? Разве вы не поняли: вам только три дня жить осталось!

— Да нет, я понял, - улыбнулся мужчина. Я молился, чтобы Бог через вас открыл мне это, и вот теперь я знаю, что у меня есть целых три дня! Понимаете, дело в том, что я до болезни каждый день жил как, возможно, последний день своей жизни, потому что мы не знаем, когда Господь отзовёт нас

или придёт за Своими. То есть раньше я имел в запасе всегда только один единственный день, сейчас же Бог дал мне целых три, чтобы я успел закончить нужную для Него работу. Поэтому я и поблагодарил Его, а также и вас - за то, что не отказались помочь!

— Вы странный человек, - пробормотал Игорь Иванович.

— Для мира все верующие странные, а точнее - странники и пришельцы, - добродушно сказал мужчина.

— И откуда же вы пришли? - заведующий хотел это спросить с насмешкой, но неожиданно для себя произнёс это каким-то жалобным голосом.

В ответ мужчина открыл Библию и прочитал: «И нас, мёртвых по преступлениям, оживотворил со Христом, - благодатью вы спасены, - и воскресил с Ним, и посадил на небесах во Христе Иисусе...». Закрыв Библию, он сказал:

— Каждый истинный христианин, живущий на земле, на самом деле - гражданин Небес. Выполнив своё назначение здесь, он возвращается домой в небо.

В эту минуту раздался сигнал мобильного телефона:

— Игорь, дорогой, разреши поздравить тебя!..

Звонил очередной поздравитель. Отвечая ему,

Игорь Иванович вдруг

спохватился, что уже в течение примерно полутора часов, пока он находился тут, в отделении «химии», его «мобилка» молчала, как будто кто-то отключил её. Он понял: «наверное, это сделал Бог, чтобы я мог не отвлекаясь, поговорить с этим человеком». Телефон зазвонил опять. Игорь Иванович достал носовой платок и вытерев холодный пот со лба, сказал:

— Мне нужно идти... я очень рад был познакомиться с вами, - ему так хотелось сказать что-то доброе этому человеку, который почему-то стал очень дорог для него, но замолчал, не находя нужных слов.

— Я хочу сделать вам

подарок от имени Господа, - обратился к нему мужчина, - возьмите мою Библию! Она, конечно, далеко не новая, да ещё с пометками, но очень дорога мне, и я хочу подарить её именно вам. Желаю вам всем сердцем полюбить драгоценное Божье Слово!

Игорь Иванович бережно взял Библию из протянутых к нему рук мужчины, и тут опять зазвонила «мобилка». Не отвечая, он выключил телефон и обратился к верующему:

— Спасибо... - ему захотелось назвать мужчину по имени, он вспомнил, как к нему обратился юноша из церкви, и он повторил, - спасибо... брат Саша!

Мужчина улыбнулся и, пожимая ему на прощание руку, приветливо сказал:

— Я надеюсь, что мы действительно станем братьями во Христе!

Вернувшись в свой кабинет, Игорь Иванович включил мобильный телефон и окунулся в суету праздничного дня.

Долгожданное вечернее торжество в ресторанном зале прошло как-то вяло и натянуто, хотя было много гостей, богатый стол, и лучшие музыканты города старались изо всех сил. Была и та, которую он ещё утром ожидал увидеть. Но сейчас всё это почему-то померкло, потеряло былую привлекательность.

Все шутки и тосты казались плоскими, гости - лицемерными, музыка - примитивной. Почти в течение всего вечера Игорь Иванович как бы видел перед собой спокойное улыбающееся лицо брата Саши, излучающее неземное сияние. «По крайней мере, последние 15 лет он знал, для Кого и зачем живёт, а зачем живу я?» - горько размышлял виновник торжества. Он равнодушно смотрел на гостей и даже не поднялся, когда та женщина, которая ещё недавно владела всеми его мыслями, встала из-за стола и, бросив на него сердитый взгляд, ушла с торжества.

«Какая тоска», - подумал Игорь Иванович, поглядывая на красные,

разгорячённые вином лица, с нетерпением ожидая конца этого утомительного для него вечера.

На следующий день, он почувствовал в себе какие- то внутренние перемены. Игорь Иванович, конечно, не знал, что о нём с усердием молится в свои оставшиеся на земле три дня брат Саша, но у него вдруг появилось сильное желание читать Библию. В первый же после празднования дня рождения день, закончив работу, заведующий отделением закрылся в своём кабинете отключив все телефоны. Затем он с нетерпением открыл

Новый Завет и начал читать Евангелие от Иоанна, как

посоветовал ему Саша. Он сразу же углубился в чтение, удивляясь, что многое понимает. Бог говорил к сердцу Игоря Ивановича, а он уже с волнением прислушивался к Его голосу.

На третий день после дня рождения, заведующий отделением, как обычно, закрывшись в кабинете после работы, читал 11 главу Евангелия от Иоанна. Раздался стук в дверь, но он даже не встал. Настойчивый стук повторился.

— Кто там? - недовольно откликнулся Игорь Иванович.

— Простите, это дежурная врач «химии»...

Немедленно встав, он поспешно открыл дверь и впустил врача: это

была та же женщина, которая дежурила три дня назад.

— У вас телефоны не отвечают, я и пришла, думаю, лишь бы не ушёл... тот больной, которым вы интересовались... Два часа назад он умер, - осторожно сообщила дежурная и торопливо добавила:

— Он совсем не мучился, умер спокойно...

— Он не умер! - вдруг отозвался заведующий отделением.

Дежурная врач с тревогой посмотрела на него, недоумевая.

А Игорь Иванович, перевернув назад страницу Нового Завета, прочитал вслух:

— Иисус сказал: «Всякий, живущий и верующий в Меня не

умрёт вовек. Веришь ли этому?»

— Не знаю, - растерянно проговорила дежурная врач, с опаской поглядывая на заведующего.

— Не знаете, потому что Библию не читаете, - мягко укорил её Игорь Иванович и продолжил:

— А я - верю! Верю в то, что брат Саша не умер, потому что спасённые Христом имеют вечную жизнь.

Саша был небесным гражданином, временно живущим на земле, а сейчас он вернулся домой в небо!

Глядя на изумлённое лицо дежурного врача, Игорь Иванович улыбнулся и добавил:

— Привыкайте! Я теперь тоже буду странным человеком для мира: хочу жить с Богом и стать гражданином Небес...

Я люблю тебя давно

«Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками»
Рим. 5:8

Куда бы убежать от всех вас?» - со злостью подумала Ната, привычно затыкая уши ватными тампонами. Семейный вечерок был в разгаре...

Отец, как обычно, явился домой пьяным, еле передвигался и при

этом что-то грозно кричал жене.

Лариса, мать Наты, возмущенно взывала к его совести, махая перед лицом мужа раскрасневшимися от стирки руками. Их крики перемежались с почти не прекращающимся громким плачем Сони, младшей, парализованной сестренки Наты. Больная девочка сидела в своей инвалидной коляске, установленной в полутемном углу, и испуганно ревела, глядя на бушевавших родителей.

«Жаль, что я помыла голову, волосы еще мокрые, а то бы убежала из этого ада!» - тоскливо думала Ната.

Ей недавно исполнилось двадцать: всё детство и юность

прошли в этой бедной, тесной однокомнатной квартирке под истерические крики ссорящихся отца и матери и болезненные стоны младшей сестры. Ната росла замкнутой, ершистой характером и от всех держалась на дистанции. Ничего хорошего от жизни она уже не ожидала и жила просто потому, что ничего другого не оставалось. Как говорят, плыла по течению. Кое-как окончила школу, дальше учиться не захотела. В голове постоянно звенело от домашних скандалов: не до учебы! С работой тоже не получилось. В торговле надо уметь хорошо считать, а у Наты с математикой всегда было плохо. На производстве - нагрузки большие, а

у нее здоровье слабенькое, да еще и курить приучилась с подросткового возраста: испортила бронхи, и легкие, и сердце...

«Все, не могу, нужно срочно убегать отсюда!» - Ната со злостью посмотрела на отца: по всему было видно, что он не скоро угомонится.

Она попыталась насухо вытереть волосы полотенцем, но потом, нетерпеливо махнув рукой, натянула на себя теплую вязаную шапочку и пальто. Протискиваясь между Соней и ссорящимися родителями, сунула сестренке заготовленную для нее большую шоколадную конфету и прошептала:

— Держись, маленькая!

На улице было очень холодно,

сильные порывы ветра обещали скорый снегопад.

«Не заболеть бы!» - озабоченно подумала Ната, прижимая обеими руками шапку к непросохшим еще волосам.

— Что, девушка, голова болит? - услышала сзади звонкий юношеский голос. Обернувшись, увидела синие глаза с искорками участливого внимания. А в остальном - парень как парень, одет по-спортивному, стоит и смотрит, ожидая ответа. Неожиданно для себя Ната честно поделилась:

— Волосы после мытья еще мокрые, а дома обстановка напряженная, пришлось сбежать!

— Так Вы же в такую погоду

простудиться можете! - васильковые глаза вспыхнули тревогой, - может, ко мне зайдете подсушиться? Да Вы не бойтесь, у меня нет плохих намерений! Хотите - верьте, хотите - нет...

— Верю! - сразу же охотно согласилась Ната, - пошли!

Вадик (так звали ее нового знакомого) жил сейчас один в двухкомнатной квартире. Он объяснил, что родители уехали за границу на заработки. Пили чай, смотрели телевизор. Вадик слегка морщился, когда табачный дым от Наташиной сигареты подкрадывался к нему: сам он не курил. А ей было уютно, тепло и приятно общаться с ним: спокойный, внимательный и

без наглых «заходов». Ната решила сделать последнюю проверку. Посмотрев на часы, ахнула:

— Ой, все, мне домой пора!

— Хорошо, я провожу! - весело предложил Вадик и направился было в прихожую одеваться. Она поняла: точно, порядочный попался! И тогда предложила:

— А, может быть, мне остаться до утра?

— Как хочешь, - просто ответил он и, немного помолчав, добавил, - только учти, в ближайшее десятилетие жениться я не собираюсь... И смягчил свой приговор веселыми искорками синих глаз.

Теперь ей было куда убегать из дома. Но после очередной ночевки у Вадика мать устроила Нате умелый допрос и допыталась-таки, что дочь живет с юношей, который и не собирается расписываться с нею.

— Не понимаю, почему ты так расстроилась! - с удивлением воскликнула Ната, поочередно глядя то на мать, то на в унисон ей ревущую Соню.

— Потому что это грех! - сквозь слезы объяснила Лариса. Хотя Библию она не читала, но в церковь иногда ходила и верила, что Бог есть.

— Да сейчас все так живут! - возмущенно продолжала Ната, - ты что, из прошлого столетия?

Но мать взялась за нее не на шутку, требуя прекратить незаконную связь. Увидев, что ничего не получается, вдруг неожиданно предложила старшей дочери поступить в монастырь. Ната сначала расхохоталась, но потом, осознав, что мать не шутит, спросила:

— Да ты что! И потом - разве меня, грешницу, примут?

— Примут, примут! - торопливо убеждала дочь Лариса, - у меня там настоятельница - хорошая знакомая!

— Каким образом? - изумилась Ната.

— Я с ее сестрой вместе работаю. Однажды была у нее дома,

там и познакомилась с настоятельницею: она как раз в гости зашла. Так что считай себя уже принятой!

— У-у-у! - болезненно протянула Ната, - неужели и в религии всё по знакомству? Вот тоска!

— Ничего, ничего, - настойчиво и твердо проговорила ободренная своим планом Лариса, - привыкнешь! Во всяком случае, это лучше, чем блудить.

«А что? - вяло шевельнулось в голове Наты, - может быть это и выход из тупика. Синеглазый ко мне уже охладевает. Куда еще бежать? Да и кому я нужна: неудачница из бедной семьи! Точно - запрусь в

монастырь и уж как-то доживу свой век, хоть пьяных скандалов слышать не буду!»

— Поехали! - решительно обратилась она к матери и, поцеловав стонущую от боли Соню, стала быстро одеваться.

...После переговоров матери с настоятельницей монастыря Нату действительно приняли: для начала просто работницей на монастырскую кухню.

— Ничего, ничего! - повторяла мать полюбившееся ей словечко, - все начинают с малого, ты постарайся, покажи себя и - пойдешь на повышение.

Быстро распрощавшись с дочкой, Лариса уехала очень

довольная, что пристроила ее в приличное место, разорвав преступную связь. Кроме того, сейчас почти все - не против Бога, поэтому ей не стыдно будет говорить знакомым, что старшая дочь работает в монастыре и готовится в монахини.

Но для Наты начались невыносимо тяжелые будни. Утром ее поднимал из постели громкий звон колоколов. И это - в пять утра, когда сон - самый сладкий! Для умывания и одевания выделяли только несколько минут - прямо как в армии! А затем нужно бежать за благословением. Нату уже научили почтительно протягивать ладонь к настоятельнице, на которой та

коротким движением рисовала невидимый крестик.

«Что за детский сад!» - недовольно фыркала про себя Ната, наблюдая за порядками в монастыре.

Тяжелее всего было выстоять трехчасовую церковную службу. Она выдержала это только два дня, а потом выпросила себе разрешение не приходить на службу, объяснив, что не успевает сделать необходимую работу на кухне.

Две недели, проведенные в монастыре, показались ей годом. Ната попробовала отпроситься хоть на день домой, но какое там!

— Вы что, не понимаете, что такое монастырь! - строго вопросила

ее ответственная за кухню монахиня.

— Начинаю понимать! - уныло ответила девушка. Через месяц ей дали для изучения какую-то большую книгу.

— Это Библия? - спросила Ната.

— Нет, но это то, что вам нужно! - туманно пояснила монахиня.

Ната с трудом прочитала несколько строк, но ничего не поняла: буквы вроде знакомые, а слова - как будто зашифрованные. Она с досадой отложила книгу и больше ее не открывала.

«Скорее бы, что ли, уже стать монахиней!» - подумала Ната,

наблюдая за тем, как обитательницы монастыря отлучаются в город по каким-то делам, то есть пользуются относительной свободой.

Но когда она узнала, что в монахини ее могут принять только через пять лет тщательной подготовки, то поняла, что это всё не для нее и попросту сбежала из монастыря, не продержавшись там и двух месяцев.

Сначала Ната пошла к Вадику. Дверь ей открыл пожилой мужчина, очень похожий на Вадика. За его спиной стоял ее друг и делал ей отчаянные знаки: мол, мы с тобой незнакомы! Из комнаты раздался женский голос:

— Кто пришел?

Ната поняла, что, видимо, приехали Вадикины родители и покорно сказала:

— Извините, я ошиблась!

Дверь закрылась. Она немного побродила по городу и к вечеру пришла домой. Уже на лестничной площадке услышала крики из своей квартиры. Ее вдруг резко затошнило: во-первых, наверное от голода, потому что она с утра ничего не ела, а во-вторых, от предстоящей перспективы продолжать унылую жизнь дома, среди родительских ссор.

И тут Ната вспомнила о своей очень дальней родственнице тете Лизе, которая жила в небольшом

поселке, недалеко от их города. Ей было уже за семьдесят и, хотя жила она очень бедно, иногда привозила им всякие продукты из села.

«Поеду к ней! - решила Ната, - Она не прогонит!» Правда, точный адрес она не знала, но надеялась, что найдет по фамилиии: поселок-то небольшой. Так и вышло: ей сразу показали на небольшой одноэтажный домик с двумя окошками.

Тетя Лиза жила со своей разведенной дочкой Кларой, которая работала на ферме, но была очень слабой здоровьем и часто болела. Достатка в доме не было, но Нату они приняли с радостью.

— Только матери твоей

надо позвонить, - озабоченно сказала тетя Лиза, с сочувствием выслушав рассказ Наты о ее приключениях. Они решили, что для начала девушка будет помогать Кларе на ферме.

В первый же рабочий день Клара сказала ей, что сегодня попросила начальника отпустить ее домой пораньше, так как приедут благовестники.

— Что это еще за чудо? - нахмурилась Ната.

— Зря ты так! - мягко укорила ее Клара, - хорошие люди, рассказывают о божественном, а какие чудесные песни поют! Они с прошлого месяца в наше село приезжают и у нас в доме

попросились собрания проводить. А мы и не против, даже рады. Мама к ним в город в церковь ездит по воскресеньям и уже покаялась!

— Как это? - не поняла Ната, - за что это она покаялась?

— Ой, Натка, ты что, не знаешь? Все люди грешники и поэтому должны покаяться перед Богом! - разъяснила успевшая разобраться в этом Клара.

— И ты - тоже грешница? - насмешливо посмотрела на нее Ната.

— Конечно, и я тоже, но вот никак не могу в город на собрание поехать: заставляют и в воскресенье работать. А то бы тоже покаялась, как мама!

— А что, здесь нельзя покаяться? - допытывалась Ната.

— Не знаю, я не спрашивала, неудобно как-то. Ну ладно, принеси еще корм и будем собираться домой!

Ната была не очень-то довольна предстоящей встречей с верующими. Только вздохнула с облегчением, вырвавшись из монастыря с его строгими правилами и вот - на тебе, опять религия! Из огня - да в полымя попала!

Поужинав, она вышла во двор и нервно выкурила две сигареты одну за другой.

— Ой, Наточка, побереги здоровье, зачем так себе вредишь?

м пожурила ее тетя Лиза. А Ната в это время торопилась придумать, куда бы ей сбежать на время собрания.

Но в эту минуту подъехал автобус. Она с удивлением смотрела на входящих в дом: среди них были юноши и девушки примерно ее возраста. К началу собрания пришли некоторые соседи.

Устроились за большим длинным столом. Сначала все встали, один из приехавших помолился, затем сели и, открыв какие-то книжки, запели. Ната почти ни на кого не смотрела. Ей вдруг показалось, что свет в комнате стал очень ярким, до боли в глазах. Она тихонько встала и, стараясь не мешать сидящим,

пробралась в смежную комнату, куда была открыта дверь. Здесь ей стало чуть полегче. Ната слушала слова из Библии и то, как их разъясняли, но все равно почти ничего не понимала. А вот христианские песни ей очень понравились. Особенно запомнилась одна, где все время повторялись слова:

«Я люблю тебя давно! О, как сладок голос Божий: Я люблю тебя давно!» Ей даже жалко стало, что она ушла в другую комнату: как хорошо было бы сидеть вместе со всеми и петь эти волнующие душу слова.

Когда гости уходили, они попрощались и с ней. Одна из

девушек приветливо обратилась к Нате:

— А почему Вы ушли?

— Я... просто простужена, не хотела разносить болезнь, - сконфуженно объяснила Ната и попросила оставить ей песенник до следующего приезда верующих.

Она действительно была немного больна, но причина ее ухода была в другом. Сейчас Ната это поняла и впервые в жизни ей стало не по себе от того, что сказала неправду.

В эту ночь она долго не могла заснуть и лежала с открытыми глазами, размышляя. Оказывается, настоящие верующие христиане - это не скучные назойливые старухи,

как она думала раньше, а наоборот. Какие они все радостные и внимательные! Она опять вспомнила о своем обмане и тяжело вздохнула: на сердце как будто тяжелый камень положили.

Ната поднялась, вышла на кухню с песенником в руках. Вспомнив номер, нашла понравившуюся ей песню и прочитала слова последнего куплета:

О приди, обремененный,
Лишь доверься, Бог простит!
С верой взглянь на крест Голгофский
И тебя Он оживит.

Если искренне покаясь,

В сердце примешь ты Его,
Непременно ты услышишь:
«Я люблю тебя давно!»

Ну вот — опять это «покайся»: то, о чем говорила Клара. Это слово Нату и пугало и привлекало одновременно. Но забыть о нем она уже не могла. Выходит, для того, чтобы услышать Божий голос: «Я люблю тебя!», нужно покаяться. Как именно - этого Ната еще до конца не понимала. Но ей очень захотелось услышать как Сам Бог обращается лично к ней с этими замечательными словами: «Я люблю тебя!»

«В следующий раз я ни за что не уйду в другую комнату, - твердо

решила она, укладываясь в постель, - скорее бы наступил вторник!»

Если хочешь жить легко

Антонина всего год как вышла на пенсию. Сначала радовалась, наслаждалась отдыхом: на работу рано вставать не нужно, появилось много времени для отдыха и других

приятных дел.

Здоровье - еще не плохое, пенсию за многолетний непрерывный труд назначили высокую. Живи и радуйся - ни забот, ни хлопот! Но прошло всего несколько месяцев и Антонина вдруг потеряла покой. Ничто ее не утешало, хотя жизнь была легкая, без осложнений. Она даже опять на работу устроилась, дежурной в школе, да еще и работа оказалась не такой уж спокойной, как она предполагала. Поэтому через два месяца она уволилась и опять потекли скучные, серые будни. Ни мужа, ни детей у Антонины не было, и она решила съездить ненадолго в гости к племяннице Раечке, которая

со своей семьей жила в другом городе и регулярно писала тете, приглашая ее в гости. Полгода назад Рая сообщила, что они с мужем уверовали в Бога и теперь постоянно посещают христианские собрания.

Племянница посоветовала ей читать Библию и прислала адрес Молитвенного дома в том городе, где жила Антонина. Тетя ответила тогда в письме, что рада за них, но что она тоже считает себя верующей: Бога не отрицает, иногда по праздникам посещает храм и знает наизусть молитву «Отче наш».

Встретили Антонину с большой радостью. Она приехала в воскресенье вечером, поэтому все

были дома. Юра, муж Раи, работал инженером на большом автопредприятии, а племянница Антонины - воспитательницей в детском саду. Их пятилетний сынишка Олежек посещал тот же детский сад, где работала его мама, и таким образом, Рая имела возможность постоянно быть вместе со своим ребенком.

Все это так чудесно устроил Господь! - радостно пояснила тете племянница, помогая ей распаковывать дорожную сумку.

Семья жила в небольшой двухкомнатной квартире. Приветливый муж Раи показал Антонине ее комнатку, где раньше была детская: здесь спал Олежек, а

теперь он временно переселился к родителям.

— Спасибо вам! - поблагодарила гостья, оглядывая чистенькую, уютную комнату со свежезастланной постелью. Такого внимания к себе она давно не видела ни от кого. В дверях появилась Рая и с улыбкой обратилась к тете:

— Я приготовила постель: возможно, Вы хотите сразу отдохнуть после дороги?

— Нет, нет! - заторопилась та с ответом, - я и не устала совсем, давайте лучше поговорим, вы расскажите о себе!

Хозяйка пригласила всех к столу - ужинать. Перед едой Юра

коротко помолился, а Рая и Олежек дружно сказали: «Аминь!» Антонине это очень понравилось, но неожиданно для самой себя она вдруг строго сказала:

— Только не уговаривайте меня верить по-вашему. Я не против Бога, но свою веру не поменяю! Поэтому давайте договоримся, - при этом тетя посмотрела на племянницу, а затем на ее мужа, - о Боге - ни слова!

Супруги сразу успокоили ее, заверив, что не будут идти против ее желания. Тем временем перешли к сладким блюдам, и Олежек обратился к Антонине:

— Хочешь, я тебе стишок раскажу? Я вчера выучил!

— Конечно, милый! - обрадовалась та: неловко ей как-то было, что так сурово обошлась с приветливыми хозяевами. Мальчик встал с табуретки и громко отчеканил, глядя прямо на Антонину:

Если хочешь жить легко И быть с Богом близко - Держи сердце высоко,

А головку - низко!

Его родители с тревогой взглянули на свою гостью, но она, довольно улыбаясь, похвалила:

— Молодец! Очень хороший стих, и ты замечательно его сказал!

— Хвалить можно только Бога, а я просто мальчик! - простодушно объяснил Олежек.

Вот так закончился первый день пребывания Антонины в доме племянницы. Юра с Раей сдержали свое слово: они ничего не говорили тете о Боге, но ей вовсю проповедовал их маленький сын.

Антонина приехала в гости на неделю, и в течение этого времени Олежек постоянно рассказывал ей истории из детской Библии, а также о том, что слышал на собраниях в церкви, но чаще всего он читал ей тот самый стих, который знал наизусть, потому что других еще не выучил.

В день отъезда Антонина от всего сердца поблагодарила дружную семью за гостеприимство и пригласила их приехать к ней в

гости.

В поезде проводник выдал ей комплект белья. Предвкушая ночной отдых, она распечатала пакет и ахнула: белье оказалось грязным и мокрым.

Нахмурившись, Антонина собралась было идти к проводнику, чтобы отругать его за такой неприятный сюрприз. И вдруг...

«Если хочешь жить легко
И быть с Богом близко,
Держи сердце высоко,
А головку - низко!» -

прозвучал в ее сердце знакомый стих как-будто произнесенный звонким мальчишечьим голосом. Не

раздеваясь, она прилегла на незастеленный неопрятный матрац и задумалась: «Почему, несмотря на то, что она удержалась от ссоры с проводником, злость в ее сердце не проходит?» Она долго ворочалась с боку на бок и задремала только под утро, когда поезд уже приближался к нужной станции.

Потекли будни, но уныние и тяжесть в ее сердце не проходили. Однажды она, как обычно, зашла в храм, чтобы зажечь свечку и помолиться. Сквозь приоткрытую дверь, ведущую в маленькую комнатку, она увидела священника, сидящего на стуле: он скучающе поглядывал по сторонам. Антонина решительно направилась к нему,

чтобы он объяснил ей, почему ее душа так мучается. Деликатно стукнув пару раз в дверь, она вежливо спросила:

— Извините пожалуйста, можно к Вам обратиться?

Но священник грозно взглянув на нее, вдруг крикнул:

— А ну-ка уходите отсюда! Быстро поднявшись, он захлопнул дверь прямо перед ней.

Кровь хлынула ей в голову, такого она не ожидала. Антонина взялась было за ручку двери, чтобы высказать ему все, что сейчас в ее сердце, но ...

«Если хочешь жить легко
И быть с Богом близко,

Держи сердце высоко,
А головку - низко!» -

опять всплыли в памяти знакомые строки детского стиха.

Она поспешно вышла из храма, но внутри у нее все кипело. Антонина поняла, что в следующий раз она может не сдержаться и вообще, что пользы - молчать, когда злость переполняет всю ее? Что же делать? Как научиться смиряться, всегда быть спокойной и довольной тем, что есть? Как стать такой, как Раечка или Юра? Как научиться держать свою голову низко?

Перед ней в памяти вдруг возникло милое личико Олежки, когда он однажды спросил у нее: «А

почему Вы не хотите с нами на христианское собрание?» Не получив ответа, мальчик грустно, как взрослый, тяжело вздохнул и, посмотрев на нее, радостно сказал:

— А я очень люблю Иисуса Христа!

«И я, и я хочу любить Тебя, Господи!» - вырвалось вслух у Антонины. Она вспомнила, что Рая когда-то присылала ей адрес Молитвенного дома в том городе, где жила Антонина. Вернувшись домой, она быстро нашла письмо с нужным ей адресом.

По улицам Антонина шла быстро и в такт своим шагам мысленно произносила: «Ес-ли хо-чешь жить лег-ко...» В руке она держала

записку с адресом Молитвенного дома. Сердце ее стучало радостно и торжественно, как-будто предчувствуя скорое освобождение...

Можно стать свободным от забот,
Можно из тюрьмы освободиться –
Только гордость прочно в нас живет,
И томимся мы как в клетке птица.

Осуждаем, ссоримся, кричим,
А потом на сердце тяжесть давит,
И душа пристыженно молчит...
Кто ее от этих мук избавит?

К небу мой воскресший дух взлетел!

Богу песнь хвалы не умолкает!

Есть свобода от себя - в Христе:

Те, кто в Нем, распяли плоть с грехами.

Лариса, где ты?

«И воззвал Господь Бог к Адаму, и сказал ему:

где ты?»

Быт. 3:9

Даша уволилась с работы, потому что хозяйка торговой палатки предложила ей продавать товар,

который Даша, будучи христианкой, продавать не могла, это бесславило бы имя её Господа.

Рассчитавшись на работе, она пошла в городской центр занятости, чтобы встать на учёт, как безработная.

Рассмотрев её документы, молодая инспекторша со строгим лицом спросила:

— Вы знаете, что ваша хозяйка вас сильно подвела?.. - Почему? - простодушно поинтересовалась Даша. - Потому что она своевременно не зарегистрировала своё предприятие в нашем центре. Возможно, что она согласится зарегистрировать его сейчас, но в таком случае она

вынуждена будет заплатить большой штраф. Если же она решит и дальше не регистрироваться, то вы не только не получите пособие, но и не сможете даже встать у нас на учёт. Ваше положение плачевное!

Но Даша, видимо, не была расстроена услышанным ею прогнозом. Она спокойно сказала:

— Как Господу будет угодно.

С недоумением глядя на неё, инспекторша повысила голос:

— Вы что, не поняли?! Вы попали в серьёзное затруднение! Что будет с вашим трудовым стажем? Я даже не знаю, что вам посоветовать.

Сложив документы, инспекторша

молча протянула их Даше.

— Спасибо, до свиданья! - приветливо сказала Даша, вставая и пряча документы в сумочку.

— Какого свидания?! - взорвалась инспекторша, - нет, вы какая-то странная женщина: что вы будете делать, если ваша бывшая хозяйка откажется регистрировать свою фирму.

— Не знаю, Господь подскажет, - коротко ответила Даша.

— Ну, знаете ли? - лицо инспекторши покраснело от волнения, - ведь вы с высшим образованием, а заладили: «Господь, Господь!» Как можно быть равнодушной в такой серьёзной ситуации?

— Спасибо, что вы так переживаете за меня, - скромно улыбнулась Даша, - но я действительно во всём доверяю Богу и знаю, что Он поможет, всё будет по Его воле.

Попрощавшись, она вышла, а инспекторша долго не могла прийти в себя: такой посетительницы у неё ещё не было. Безработные, которые приходили вставать на учёт, всегда были беспокойны, задавали множество вопросов, заискивающе улыбались, выкладывая всевозможные справки с целью получить пособие побольше, приносили в подарок кофе и шоколад. А эта женщина вела себя совершенно по-другому, была

спокойна, хотя ситуация с её постановкой на учёт была тупиковой.

— Постоянно повторяет: «Господь, Господь...» Наверное, верующая сектантка, - поняла вдруг инспекторша, - говорят, они все забитые, ограниченные люди. Хотя она не похожа на такую, но, видимо, из-за своей религиозной ограниченности не способна понять своё затруднительное положение.

Прошло всего несколько дней, когда Даша опять пришла в центр занятости и в порядке очереди предстала перед инспекторшей. Та с удивлением посмотрела на неё:

— Я же объяснила, что без регистрации вы не можете встать на

учёт.

Вежливо поздоровавшись, Даша протянула ей лист бумаги с отпечатанным на ней текстом.

Инспекторша, прочитав о том, что бывшая хозяйка Даши зарегистрировала своё предприятие, заплатив очень большую сумму штрафа, тихо сказала:

— Садитесь.

Она молча начала оформлять Дашины документы для получения пособия, напряжённо ожидая, что посетительница сейчас каким-то образом проявит торжество победы. Но Даша также молча сидела напротив в ожидании. Закончив свою работу, инспекторша подняла

голову и сказала:

— Поскольку ваша работодательница заплатила полный штраф и зарегистрировалась у нас, вы сможете получать в течение полугода неплохое пособие. В случае, если вы найдёте работу самостоятельно, просьба - сообщить нам об этом немедленно. Ежемесячно, в назначенный срок, вы обязаны являться ко мне для отметки и консультации по поиску работы.

Даша спокойно и доброжелательно слушала, и инспекторша решилась, наконец-то спросить:

— А как вам удалось

добиться, чтобы ваша бизнесменша заплатила такой большой штраф? Ведь она вправе вообще не регистрироваться у нас.

— Я ничего не добивалась. Я ей рассказала о моих затруднениях, она согласилась заплатить штраф, хотя было видно, что ей нелегко было отдавать такую большую сумму денег. Я благодарю Господа, что Он всё же расположил её сердце сделать это.

«Опять о Господе вспомнила, - почему-то с удовлетворением заметила мысленно инспекторша, - а ведь она не похожа на сектантку: симпатичная женщина, говорит так приятно. Но только бы не стала меня затягивать в свою секту». Но

Даша уже поднималась, пряча в сумочку приглашение на следующее посещение центра.

— Меня зовут Лариса Петровна, - вдруг торопливо сообщила инспекторша, - Вот номер моего рабочего телефона. Если будут вопросы, звоните.

Ей почему-то не хотелось, чтобы эта женщина уходила. Ларисе неожиданно захотелось рассказать ей обо всех своих трудностях, открыть душу. Она даже испугалась: что это с ней?

— Спасибо, - сказала Даша, и, взяв протянутый ей листочек бумаги с номером телефона, попрощалась и вышла из кабинета.

Придя после работы домой,

Лариса достала с книжной полки Новый Завет, который ей подарили верующие, когда она однажды подошла к столику с христианской литературой. Она открыла книгу на восьмой главе Евангелия от Иоанна и прочитала историю о женщине, взятой в прелюбодеянии. Удивившись, что всё так просто и понятно написано (она не знала, что Даша уже начала молиться о ней), Лариса принялась размышлять о прочитанном.

— Выходит, что Христос может прощать грехи? А как мудро Он ответил обвинителям женщины!

Но одно Лариса не понимала: почему, когда обвинители ушли, оставив преступницу, она не

убежала? Ведь у неё была полная возможность это сделать. Иисус в это время, низко склонившись, что-то писал на земле, а обвинители, обличаемые совестью, разошлись. Но женщина почему-то осталась, ожидая, пока Христос обратит на неё внимание. Неужели она не понимала, что Его приговор мог быть очень суровым? Лариса задумчиво сидела над раскрытой Книгой и вздрогнула, когда услышала за спиной голос Бориса:

— Что с тобой, родная?

Она растерянно посмотрела на него.

— Я уже дважды обращался к тебе.

Он, одной рукой приобняв

Ларису, другой взял книгу и, посмотрев название, воскликнул:

— Ты что, в монастырь собралась?

Они жили вместе уже третий год. Расписываться не спешили: хотели ещё убедиться в том, действительно ли нужны друг другу. Точнее, это была мысль Бориса. Сама Лариса не против была бы выйти замуж, но Борис не проявлял инициативы. Свою дочку от первого брака Лариса отправила к матери, которая жила в другом городе, и хотя сильно тосковала по малышке, но старалась угодить Борису, который не переносил шума в квартире, терпела разлуку.

Борис был видный мужчина,

занимал солидную должность в одной процветающей торговой фирме. Материально они не нуждались, жили в любви и согласии, но на душе у Ларисы всё время была какая- то неудовлетворённость. «Возможно, это от неудачного первого брака», - объясняла она самой себе. Об этой неудовлетворённости она Борису никогда не рассказывала, опасаясь, что он изменит отношение к ней в худшую сторону.

— Никакого Бога нет и быть не может! - воскликнул Борис, захлопнув книгу и поставив её на прежнее место в шкафу. Как не стыдно, Ларочка, ты ведь образованный современный

человек, умница и - туда же, в религию! Один неглупый человек сказал: «Религия - это опиум для народа», и он был абсолютно прав. Кто слаб и беден в этом прекраснейшем из миров, пусть верит в библейские сказки. Но ведь мы с тобой сильные, умные люди.

Он с лёгкостью поднял Ларису на руки и понёс в кухню. Там, посадив её в мягкий кухонный «угол», шутливо погрозил пальцем:

— Чтобы я больше никогда не видел тебя с этой книгой в руках! Пусть себе мирно пылится на полке.

Но у Ларисы почему-то не выходила из головы прочитанная ею история из Евангелия от Иоанна. Когда Даша через месяц пришла в

центр отмечаться, инспекторша как бы невзначай сказала:

— А я Евангелие от Иоанна читаю.

— Слава Богу!

— А почему женщина не убежала? - с нетерпением спросила Лариса.

— Какая женщина? - не поняла Даша.

— Та, которую привели к Иисусу за вину прелюбодеяния.

— Вот вы о чём, - разобралась Даша и замолчала.

— Объясните мне, почему она не убежала: ведь её обвинители ушли, а Иисус в это время был занят и, наверное, не видел её, - взволнованно допытывалась

Лариса.

Даша спросила:

— А вы знаете, что такое прелюбодеяние?

— Грех какой-то... ужасный, - напряглась Лариса.

— Так называется незаконное сожительство мужчины с женщиной вне брака.

Лариса вздрогнула: ей показалось, что Бог с небес пристально посмотрел на неё.

Даша собралась было что-то объяснять дальше, но инспекторша взволнованно сказала:

— Извините, но там, за дверью, очередь, мы задерживаем людей.

— Я и не подумала об

этом, - сразу встала Даша, - и вы простите меня за задержку.

Лариса поднялась вместе с ней, чтобы достать какую-то папку с документами и, подойдя к двери, услышала, как Даша попросила прощения у ожидавших людей за задержку.

Лариса с трудом дождалась окончания рабочего дня. На сердце появилась какая-то тяжесть: сегодня она узнала, что виновата в грехе прелюбодеяния. Неужели ей нужно оставить Бориса! Ещё на лестничной площадке она услышала, что в её квартире звонит телефон. Быстро открыла дверь и взяла трубку. Звонил Борис: он предупредил, что вернётся очень

поздно, много работы.

Наскоро перекусив, Лариса достала Новый Завет и начала читать Евангелие от Иоанна с начала. Дойдя до четвёртой главы, она остановилась на беседе Иисуса с самарянкой. Особенно глубоко её поразили слова Христа, которой Он сказал этой женщине: «тот, которого ныне имеешь, не муж тебе». Сердце Ларисы сильно забилось. С трудом она продолжила чтение, потому что очень хотелось узнать конец этой истории. Дойдя до слов, сказанных самарянкой: «Пойдите, посмотрите Человека, Который сказал мне всё, что я делала», Лариса остановилась и закрыла книгу. Выключив свет, она долго сидела в темноте,

прислушиваясь к голосу, который раньше никогда не слышала. Она поняла, что Бог совсем рядом с ней, что это Он говорит к её сердцу. Она вдруг осознала себя грешницей, ей захотелось всё рассказать Иисусу. Но какой-то парализующий волю страх помешал ей сделать это. «Мне придётся расстаться с Борисом и со всей своей прежней жизнью, - поняла она и содрогнулась, - нет, нет, я не смогу расстаться с Борисом... Нет, только не сейчас!» - твёрдо решила она и тихий голос, который говорил с ней, сразу умолк.

Однако не читать Слово Божье Лариса уже не могла. Душа её тянулась к Богу, и всякий раз, когда Борис задерживался на работе, она

доставала Новый Завет, спрятанный в укромном месте, и с волнением погружалась в чтение. Услышав звук открываемой двери, она торопливо закрывала книгу и прятала её.

Даша несколько раз уже приглашала Ларису посетить христианские собрания в Молитвенном доме, но Лариса вежливо отказывалась, объясняя это отсутствием подходящей одежды и другими причинами. В действительности её пугала вероятность быть затянутой в религиозную секту. Нередко Лариса задавала Даше вопросы по прочитанному ею в Библии, и та охотно отвечала ей, приносила для чтения книги, которые помогали

лучше понять Слово Божие. Однажды Даша рассказала, что теперь у неё дома еженедельно собирается группа христиан для совместного чтения Библии, приходят и неверующие друзья. Она пригласила Ларису на такое общение, и та сразу согласилась, потому что давно уже хотела познакомиться с другими верующими.

На собрание она немного опоздала: хотела убедиться в том, что Борис, как предупредил, задержится на работе. В небольшой комнатке собралось около десяти человек разного возраста. Молодой человек лет двадцати пяти читал вслух небольшой текст из Библии,

затем ясно и просто объяснял прочитанное; остальные тоже участвовали в обсуждении.

Лариса, довольная тем, что всё понимает, внимательно слушала. На сердце у неё было тревожно и радостно. Она с волнением задала один, второй вопрос, как вдруг в дверь квартиры громко и требовательно постучали.

Даша вышла из комнаты и почти сразу же вернулась. Стараясь не помешать общению, она тихо позвала Ларису:

— Вас просят выйти.

Лариса с недоумением посмотрела на неё, и Даша негромко добавила:

— Какой-то мужчина

говорит, что пришёл за вами, он не хочет войти в квартиру.

— «Борис! - в ужасе поняла Лариса, - но как он узнал адрес?»

Извинившись перед собравшимися, она быстро вышла. И сразу увидела стоявшего за порогом перед раскрытой дверью Бориса. Лицо его было бледным и злым.

— Что ты застыла? - проговорил он сквозь зубы, - немедленно выходи оттуда!

— Но я ещё ни с кем не попрощалась... - с испугом проговорила Лариса.

— Я сказал: выходи! Или же уйду я!

Лариса торопливо шагнула за

порог, осторожно закрыв за собой дверь. Всю дорогу до дома они молчали. За ужином Борис также не проронил ни слова. Наконец, не выдержав, Лариса спросила:

— Как ты узнал адрес?

Он вдруг довольно улыбнулся и, подойдя, обнял её:

— Я давно почувствовал, что эти сектанты взяли тебя на прицел, и поэтому следил за моим маленьким сокровищем, чтобы у меня его не похитили.

— Ты что, шёл за мною следом? - не могла поверить Лариса.

— Скажи, кто ещё любит тебя так, как я? - Борис крепче обнял её.

— Иисус Христос! - хотелось крикнуть ей, - Он любит меня несравненно больше, потому что Он умер за меня, грешницу! Но лицо Бориса было так близко, он весь сиял, глядя на неё, и у Ларисы не хватило сил сказать ему правду, ответить так, как подсказывало её сердце.

— Только обещай мне, любительница приключений, что ты никогда больше не будешь искать встреч с этими людьми, которые хотят обмануть тебя и разлучить нас с тобою.

«Если я выберу Христа, мне, действительно, нужно будет разлучиться с тобою, милый, - пронеслось в голове у Ларисы, - но

откуда ты это знаешь?»

Она поняла, что Бог опять ставит её перед выбором, и она внутренне взмолилась, глядя на лицо Бориса: «Господи, только не это, только не сейчас...»

— Хорошо, я обещаю, - ответила она, и Борис, радостно улыбнувшись, нежно сжал кисти её рук в своих сильных ладонях.

Прошло немного времени и Лариса поняла, что она уже не может жить и чувствовать по-старому, что- то в ней поменялось. Она продолжала тайком читать Новый Завет, но посещать домашние собрания больше не отваживалась, тем более, что обещала это Борису. Однако их

совместная жизнь уже не приносила ей былой радости, хотя и отказываться от Бориса ей не хотелось. Такая двойственность в чувствах сильно мучила Ларису и заставляла её искать выхода из создавшегося положения.

Однажды, когда Борис уехал в командировку, она решила пойти к Даше домой, но не на собрание, чтобы не изменять своему слову, а просто навестить её.

У Даши в этот день была в гостях её сестра по вере, и они обе очень радовались приходу Ларисы. Дашина подруга хорошо играла на гитаре, они с Дашей спели несколько христианских песен. И опять на душе у Ларисы стало

радостно и тревожно, хотелось стать такой, как эти женщины.

За чаем разговорились. Лариса открыто рассказала обо всех своих духовных переживаниях. Верующие внимательно выслушали гостью, и Даша вдруг предложила Ларисе прямо сейчас помолиться, то есть, рассказать Господу обо всём самой и просить Его помощи. Лариса сначала растерялась, ответив, что не знает, как правильно молиться. Даша объяснила, что можно в простоте рассказать Богу всё, что на сердце. Все три женщины склонились на колени. Лариса закрыла глаза и, немного помолчав, сказала:

— Господи, прости меня, я

очень грешная. Ты это знаешь... Я хочу быть верующей, но боюсь, что из этого ничего не выйдет. Мне нужно оставить Бориса, но я почему-то не могу этого сделать, прости меня...

После того, как коротко помолились сёстры, Лариса заторопилась домой, опасаясь, что Борис приехал из командировки раньше, чем должен был, чтобы проверить её. И, действительно, он уже поджидал её перед их подъездом, нервно покуривая и прогуливаясь на короткие расстояния.

— Где ты была?

Лариса молчала, глядя на лицо Бориса, которое было таким же

бледным и злым, как в тот день, когда он пришёл за ней на собрание христиан. Они вошли в квартиру. Лариса боялась, что Борис сейчас ударит её, но он вдруг бережно привлёк её к себе и тихо сказал:

— Родная, я хочу предложить тебе руку и сердце... Что ты скажешь?

Лариса изумлённо смотрела на него, не решаясь поверить услышанному:

— Ты хочешь, чтобы я вышла за тебя замуж?

— Да!

Она всё ещё с трудом верила его словам: неужели исполняется её заветная мечта?

Внезапно все мысли её как будто

обожгло огнём: а как же Господь и всё что с этим связано?

Мысли и чувства метались в сердце Ларисы, как языки пламени на пожаре.

— Маленькая, я жду ответа, - поторопил её Борис.

— Я согласна! - выдохнула она.

Свадьбу решили отпраздновать скромно: не молоденькие. К тому же за несколько лет совместной жизни многие друзья Ларисы и Бориса воспринимали их как мужа и жену.

— «Неужели для тебя так важны две закорючки на бумаге», - с насмешкой спросил пару лет назад Борис, когда она робко намекала о своём желании оформить их

совместную жизнь.

Но сейчас, когда исполнилось её давнее желание, почему-то появилось беспокойство, какая-то тяжесть внутри, которая давила на сердце тяжёлым бесформенным комком, то разрастаясь, то уменьшаясь, но, не исчезая ни на мгновение. Это отравляло всю радость предстоящего долгожданного праздника.

Поэтому, когда Борис неожиданно объявил ей о своём плане: сразу же после торжества в узком кругу переехать на постоянное место жительства в другой город, где жили его дальние родственники, которые уже давно приглашали их приехать, Лариса сразу же

согласилась, даже не вникая в подробности, связанные с переездом. Она даже воспряла духом, надеясь, что этот переезд решит все её проблемы и снимет, наконец, тяжесть с её сердца.

Даша узнала о браке Ларисы уже после её отъезда. Когда она в назначенное время пришла в центр занятости и вошла в кабинет, то увидела на рабочем месте Ларисы другую женщину. Даша сказала, что принесла книгу для Ларисы, и в ответ услышала, что Лариса уволилась с работы, потому что, выйдя замуж, переехала с мужем на новое место жительства в другой город.

Даша опечалилась, она поняла,

что в сердце Ларисы идёт сильная борьба, но пока она продолжает убегать от Бога.

«Как же ей тяжело, если она даже не позвонила мне и не вернула, взятую для чтения, книгу, - с сожалением подумала Даша, решив усиленно молиться о Ларисе.

Прошло несколько месяцев. Однажды в квартире Даши раздался телефонный звонок «междугородки». К счастью, Даша оказалась в это время дома. Она подняла трубку и услышала взволнованный голос Ларисы. Попросив прощения за то, что уехала без звонка и за то, что не вернула книгу, Лариса заплакала.

— Где ты сейчас

находишься? Продиктуй свой адрес, я хочу написать тебе письмо! - торопливо сказала Даша, опасаясь, что разговор прервётся.

— Нет, нет, я сама напишу, я обязательно напишу, - испуганно ответила Лариса, - и книжку вышлю.

— Лариса, помнишь, ты когда-то спрашивала у меня о том, почему не убежала от Иисуса женщина, виновная в прелюбодеянии? Возможно, ты сама уже нашла ответ. Я думаю, что, увидев Христа и поняв, что только Он Один может освободить её от прежней жизни, она решила остаться с Ним, чего бы ей это не стоило.

— Я обязательно напишу, -

услышала Даша тихий голос Ларисы. В трубке раздались короткие гудки.

С тех пор прошло почти два года, но Лариса так и не написала Даше и не звонила больше.

Найти Ларису не представлялось возможным: в центре занятости её нового адреса не знали, а родственников у неё в городе не было.

Но Даша успокаивалась тем, что Всевидящий Бог знает, где Лариса. Он видит её и ждёт возвращения Своей дочери к Нему. Он любит всех, в том числе и самых слабых Своих детей. Когда-то, около шести тысяч лет назад, Бог спросил согрешившего Адама: «Где ты?», но

Адам в страхе убежал от Него, а потом стал оправдывать свой грех. Но всех, кто с верою призывает имя Господа, Он спасает. Об этом сейчас горячо молятся Даша и её верующие друзья.

После отъезда Ларисы Даша написала стихотворение, им я и хочу закончить этот рассказ, который имеет фактическое жизненное основание, хотя имена действующих лиц изменены.

Ты ищешь в жизни разноцветных красок:
Страшится сердце узкого пути.
Ты кружишься на карнавале масок,
Но от Христа тебе уж не уйти!

Ведь ты склоняла перед Ним колени,
И стон из сердца поднимался ввысь.
Отбрось, не взвешивай свои сомненья
И вновь перед Распятым преклонись.

Ты без звонка тихонько уезжаешь,
Но от себя не убежишь никак!
Пусть даже ты о том совсем не знаешь,
Но на тебе поставлен Божий знак.

Пусть ты уедешь далеко отсюда,

И не оставишь адреса своим,
Пусть даже о тебе и я забуду,
Но не оставлена ты будешь Им!

Неверны мы - Он пребывает верен.
Такую верность где ещё найти?
Ты уезжаешь, и твой след потерян...
Но от Христа тебе уж не уйти!

На чужой земле

Осознание своей исключительности, непохожести на других пришло к Стасе еще в детстве.

Правда, тогда ее называли Настей. Она часто слышала в свой адрес восхищенные возгласы взрослых: - Какая красивая малышка!

— А какая умница!

— Скорее всего, у нее блестящее будущее!..

Жили они тогда в большом южном городе, где люди особенно эмоциональны. С самого детства Настя была почти полностью предоставлена самой себе. Почти сразу после ее рождения родители по инициативе Лидии, матери Насти, развелись. Отец, высокий военный чин, выпросив новое назначение, уехал в далекий восточный город. Залечить сердечную рану он решил немедленным вторым браком, о чем вскоре с торжеством сообщил бывшей жене.

Но Лидия, красивая эффектная женщина, особенно не огорчилась этим известием. Освободившись от

брачных уз, она начала разгульную жизнь. Меняя наряды, цвет волос и поклонников, она совсем не заботилась о дочери, «сдав» ее на воспитание своей старшей сестре Лоре, у которой был взрослый сын.

Настя очень полюбила мягкую, добрую «маму Лору», как она стала называть свою тетю.

В обществе сверстников Настя была неизменным лидером: мальчишки уважали и побаивались ее, а девочки завидовали.

Ее внешность, острый ум, особая обаятельность привлекали к ней людей всех возрастов.

Среднюю школу Настя закончила на «отлично», легко поступила в «трудный», престижный

экономический институт. Именно тогда она сменила имя «Настя» на «Стасю», оставаясь по-прежнему Анастасией. Вокруг было много «Насть», а ей хотелось и именем подчеркнуть свою исключительность. При знакомствах она охотно рассказывала, что ее назвали так в честь известной кинозвезды Анастасии Кински.

Институт она закончила блестяще, несмотря на то, что много времени отдавала развлечениям. Преподаватели восхищались незаурядными способностями Стаси, ее умением всё схватывать на лету. После окончания института ее пригласили в аспирантуру. Диссертацию она защищала в

Москве, к тому времени ее статьи по экономике публиковались в серьезных изданиях и вызывали одобрительный отклик у известных специалистов в этой области.

Когда молодая кандидат экономических наук возвращалась в родной южный город, в аэропорту ее встречала Лидия с огромным букетом роз:

— Настенька, прости меня, я очень хочу, чтобы ты вернулась ко мне... Мне без тебя очень-очень плохо!

Сердце у Стаси было мягкое, и она приняла решение со свойственной ей стремительностью. Обняв мать, прошептала ей в ухо:

— Хорошо, успокойся, я

переезжаю к тебе, только не называй меня больше Настей! И еще... маму Лору я не оставлю совсем: это было бы свинством с моей стороны. Буду иногда ночевать у нее!

С восторгом глядя на свою красивую дочь, счастливая и заплаканная Лидия приняла все ее условия.

Но совместная жизнь не складывалась. Мать продолжала менять «мужей», и несмотря на запреты Стаси, приводила их в дом, что вело впоследствии к ссорам и скандалам.

После защиты диссертации Стася устроилась на престижную работу: руководила отделом

экономики в правительственных структурах. У нее появились влиятельные друзья, было несколько предложений выйти замуж - от высокопоставленных чиновников, но она всем отказывала, считая, что все это не то, не то... Ведь она достойна гораздо лучшего!

Несмотря на то, что Стасей продолжали восхищаться друзья и сотрудники, а ее успехи превосходили самые высокие ожидания, сама она почему-то начала вдруг тосковать и терять вкус к той жизни, которую до сих пор высоко ценила. Всё перестало радовать ее, в сердце поселилась какая-то необъяснимая тревога, как

будто точащая ее изнутри день и ночь.

Стася даже аппетита лишилась, а на работе иногда терялась в поисках нужного решения по какому-то вопросу, чего раньше никогда с ней не случалось.

А тут вдруг мать задумала переезжать вместе с ней в Израиль на ПМЖ - постоянное место жительства.

Стася поначалу была категорически против:

— Ты - еврейка, вот ты и уезжай, а я по отцу - белоруска.

Мать объясняла, что в Израиле национальность для эмигрантов определяется по материнской линии. Всячески старалась

уговорить Стаею согласиться на переезд, ссылаясь на то, что и мама Лора уже переехала туда.

— Все равно не поеду! - упрямилась дочь, - что мне там, на чужбине, делать? Здесь у меня работа, друзья...

Лидия начала оформлять документы для переезда, и Стася сдалась: хоть они с матерью и ссорились, а все-таки - родная кровь, ей и подумать было страшно, что они разлучатся.

На Земле Обетованной устроились для начала неплохо. Получили временное жилье, Лидии назначили хорошую пенсию по возрасту. А Стася, сдав экзамены и подтвердив свое ученое звание, в

поисках работы встала на учет в центре занятости с гарантированной выплатой ежемесячного денежного пособия. Одно плохо, с местным языком возникли трудности: английский знала почти в совершенстве, но вот иврит ей никак не давался, а без этого о хорошей работе нечего было и мечтать.

После переезда в Израиль тоска и беспокойство в ее сердце усилились. Раздражало, что мать и другие знакомые, переехавшие сюда, вполне довольны хорошей дешевой едой и теплым климатом.

— Ну что тебе еще надо? - удивлялась Лидия, - дома мы с тобой хорошо зарабатывали, но при этом даже бананы не всегда могли

себе позволить. А здесь - кушай, сколько хочешь, купайся в море, и работать - совсем не обязательно!

— Ты что, животное? - со злостью спросила Стася, резко сдувая с запотевшего лба густую челку, - тебе что, кроме еды - ничего больше не нужно?

Мать не обижалась, улыбалась, продолжала с наслаждением есть крупную клубнику, доставая ягоды из стоящей перед ней большой тарелки.

— Стасенька, успокойся, ты просто пока скучаешь без своих прежних друзей, без своей руководящей работы. Всё будет хорошо, вот увидишь.

Но через короткое время мать

вдруг почувствовала себя нездоровой. После обследования у нее обнаружили тяжелую болезнь. Потребовалась срочная операция, которая прошла как-будто успешно. Но через две недели Лидия умерла, мучаясь от страшных непроходящих болей.

Стася и не подозревала, что это будет так тяжело: остаться одной, без матери. Кроме того, теперь она должна была жить только на свое небольшое пособие. Пришлось найти квартирку похуже. Но больше всего она терзалась от того, что мать ушла от нее неожиданно быстро.

— Я не дала ей никакого тепла, - вдруг осознала она,

вспомнив свои бесконечные ссоры с матерью. Ее сильно мучила совесть, сердце не успокаивали даже воспоминания о неблаговидных поступках Лидии.

Отдушиной были поездки в соседний городок к «маме Лоре», которая переехала в Израиль с семьей на год раньше Стаси.

Но через несколько месяцев после смерти матери заболела и «мама Лора», а вскоре умерла и она, неожиданно для всех родственников и друзей.

«Страна, где все умирают» - с раздражением думала о чужбине Стася, возвращаясь домой после похорон «мамы Лоры». Как бы ей хотелось вернуться на родину или

переехать куда угодно, только бы не оставаться в этой ненавистной ей стране. Ей казалось, что причина всех ее неудач - переезд в Израиль, но изменить что- то она была не в силах из-за отсутствия необходимых для этого средств.

Однажды Стася получила очередное письмо от своей давней подруги Юли. Она сообщила, что стала верующей, что ее жизнь очень изменилась после того, как она приняла Иисуса Христа в свое сердце.

«Не буду даже отвечать ей, - со злостью подумала Стася, отбросив прочитанное письмо, - одна подруга оставалась у меня, и та стала религиозным фанатиком!»

Но старое крепкое чувство привязанности к Юле и любопытство к ее новой жизни взяли верх, и она написала ответное письмо, полное язвительных насмешек и упреков.

Однако Юлю похоже совсем не задел резкий тон Стасиного письма. Не отвечая на ее колкости, подруга с любовью рассказывала о своих новых верующих друзьях, о желании жить и трудиться для Бога, Которого полюбила всем сердцем. С искренним участием она интересовалась подробностями жизни Стаси. В конце письма Юля просила прощения за все, чем когда-то могла обидеть Стасю и сообщила, что постоянно молится о ней.

«Ее как-будто подменили!» - растерянно думала Стася, вспоминая гордый, заносчивый характер подруги и их прежние веселые денечки.

Задумавшись о своей жизни, она вспомнила случаи, когда совершала плохие поступки по отношению к Юле. Но просить у нее прощения она не собиралась.

«Вот еще! Унижаться перед ней! Кстати, она моложе меня на три года. К тому же все это было очень давно», - успокаивала себя Стася, но совесть продолжала тревожить ее с новой силой.

Зная, что Юля не может устроиться на работу, ухаживая за больной матерью, и видимо

испытывает большие материальные затруднения, она решила помочь ей.

В очередном письме Стася сообщила Юле, что начала участвовать в одной распространенной игре и, проанализировав все варианты, надеется в скором времени выиграть миллион долларов, третью часть которого она намерена выслать Юле.

Подруга ответила, что благодарна Стасе за ее желание помочь ей, но даже в случае крупного выигрыша, она не примет ни гроша из этих нечистых денег. Юля посоветовала Стасе оставить игру, так как это наносит вред ее душе, и лучше начать серьезное

чтение Библии для того, чтобы найти путь спасения.

Недовольная этим ответом, Стася какое-то время не писала подруге, но потом заскучала по ее теплым дружеским письмам, полным любви и понимания.

Переписка продолжилась. По совету Юли Стася начала читать Новый Завет. Ей нравилось описание чудес, которые совершал Иисус Христос, исцеляя больных, воскрешая мертвых, спокойно проходя посреди толпы, грозящей убить Его. Но ее смущали и даже вызывали недовольство проявления кротости и смирения в поступках Спасителя. Она никак не могла понять, почему Он взялся мыть ноги

Своим ученикам. Великий Бог, сотворивший небо и землю, так унижал Себя перед Своим творением! Несогласная с таким поведением Христа, рассерженная Стася на время даже откладывала Библию. Сама она всегда желала быть заметной и почитаемой всеми. Ей казалось, что она на вершине счастья, когда ею восхищались и любовались.

Сейчас она задумалась: может быть все это ей только казалось? Ведь она утратила внутренний покой еще тогда, когда все складывалось как нельзя лучше.

Возможно, причина ее постоянных депрессий связана не с переездом в Израиль. Но тогда в

чем она? В одном из писем Юля объяснила ей, что душа человека создана для того, чтобы быть наполненной Богом, жить Им и с Ним. Ничем другим она не удовлетворится.

Если человек не желает обращаться к Богу, душа его томится, вздыхает и тоскует до тех пор пока не перейдет в Вечность, в вечную мучительную разлуку со своим Творцом.

Впервые Стасе захотелось заговорить с этим неведомым Богом и она робко спросила, закрыв глаза:

— Что мешает мне понимать Тебя?

Ответом ей была тишина. Не открывая глаз, она вспоминала свои

ссоры с мамой, свои злобные выпады в письмах к Юле, свои постоянные насмешки над окружающими, свое неудовлетворенное желание везде и всегда быть в центре всеобщего внимания.

Вдруг очень быстро Стася ощутила собственное духовное уродство: как бы выйдя из себя, увидела себя со стороны и ужаснулась.

Открыв глаза она резко повернула голову к стене, где висел ее автопортрет: красивое лицо с насмешливым высокомерным взглядом, в тонких изящных пальцах - длинная сигарета.

Ей показалось, что над ее

фотографией возникла надпись: слово, написанное на стене огромными, слегка колеблющимися блестящими буквами - «гордость».

Это слово заняло почти всю стену и даже наползало на потолок.

Оно как бы нависло над Стасей, готовое упасть, придавить ее своей тяжестью.

Страха у нее не было, напротив, осознав, что это слово есть Божий ответ на ее вопрос к Нему, она поняла, что Бог заговорил к ней и внутренне напряглась, ожидая и желая Его слышать. Но Он молчал. И тогда Стася поняла, что показавшееся ей слово на стене обозначает ее настоящую сущность и является стеной, разделяющей ее

с Богом.

Испугавшись, что Бог уйдет, так и не открыв ей самого важного, она опять обратилась к Нему и низко опустив голову, прошептала:

— Господи, не уходи... Я не хочу быть гордой.

Стася подняла голову, и медленно встала с колен и подойдя к фотопортрету, сняла его с гвоздика. Потом взяла ножницы и с трудом вытянула гвоздик из стенки. Но тяжесть на сердце не проходила. Стася опять опустилась на колени и заговорила с Тем, присутствие Которого ощущала так близко:

— Господи, я всю жизнь считала себя лучше всех, я желала, чтобы люди восхищались моей

красотой и незаурядностью. Многие высоко ценили мои достоинства. Но почему в конце концов я погрузилась в эту непреходящую тоску? Если бы не письма Юли, меня давно бы уже не было на этой скучной земле! Прости меня за все! Ты, Который остановил меня на самом краю пропасти... Ты, Боже, я знаю теперь освободишь меня от этой злобы, которая живет во мне... Господи, научи меня мыть ноги другим!»

Когда Юля начала читать очередное письмо от своей подруги Стаси из далекого Израиля, в ее глазах заискрились слезы радости.

— Юленька, от кого письмо? - спросила, увидев синий конверт на столе, вошедшая в

комнату мать.

— Из Израиля, мама, от Стаси, - не отрываясь от чтения, взволнованно проговорила Юля и затем, подняв заплаканное сияющее лицо, с торжеством добавила:

— От моей дорогой сестры в Господе!

Выхожу из игры

«Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый»

1Тим. 1:15

Максим с Лесей въехали на машине во двор своего дома. У ворот, как обычно, дежурили два здоровенных охранника. Из машины

вслед за супружеской парой вышел телохранитель и как тень последовал за ними к входу в дом. Когда они вошли, Леся направилась было в ванную, но муж мягко остановил ее:

— Подожди... Вот возьми, это тебе!

С этими словами он протянул ей небольшой, изящный, похожий на детскую игрушку пистолет.

— Что это? Зачем? - недовольно спросила она.

— Просто на всякий случай! - Максим постарался сказать это спокойно, - положишь под подушку.

— Боже, как я устала от всего этого! - с дрожью в голосе

произнесла Леся, - как хочется, чтобы ты оставил все свои темные дела, и мы уехали далекодалеко, где нас никто не знает и не найдет.

— Опять ты за свое, - сморщился он, — чего ты так переживаешь: ведь я тебе говорил, что у меня всё схвачено.

— Да, жене мафиози бояться нечего, - насмешливо сказала Леся, - милиция и городские власти ходят перед тобой на цыпочках. Наше богатство нельзя уже исчислить. Но зачем все это, если нет покоя? Если наша жизнь и жизнь наших детей постоянно под угрозой? Умоляю тебя, дорогой, давай уедем!

Они сидели в большой прихожей

на мягких пуфиках. Максим курил и, слушая жену, думал о том, как ему повезло с ней. Богатство ее совсем не испортило. Он очень любил Лесю: как она не похожа на других жен и любовниц его друзей из преступного мира. Все эти развращенные насквозь прокуренные куколки не стоят даже ее мизинца.

Втайне он очень гордился тем, что его жена не курила, не употребляла спиртного и одевалась элегантно, со вкусом, не оголяясь, как другие.

— Ты же знаешь, родная, что изменить ничего нельзя: колесо запущено, крутится, и остановить его я не в силах, - начал объяснять

Максим, - в подпольной перепродаже автомашин я теперь главный, но в этом механизме задействована куча людей: каждый получает свой лакомый кусочек, и лишиться его они не согласятся ни при каких условиях. В таких делах выйти из игры живым не сможет никто. Да и не получится у нас теперь жить на скромную зарплату после того, как мы ежемесячно тратим на свои нужды тысячи долларов.

— Получится, сможем! - горячо начала было Леся, но он притворно строго прервал ее, прикрикнув:

— Ну, ну, стоп! Хватит! Что это с тобой сегодня?

А когда она заплакала горько и беспомощно, как маленький ребенок, Максим не смог удержаться: подошел, бережно обнял и, гладя ее шелковые волосы, зашептал:

— Ну что ты, любимая моя? Все будет хорошо. Все уже сейчас хорошо. Никто нас не тронет, не посмеет. Такой охраны, как у меня, нет даже в правительстве. А зарабатывать надо: ведь у нас две доченьки. Видеть их простыми служащими я не хочу: у них должно быть все самое лучшее. И не беспокойся ни за что: у меня все отработано, сбоя не будет.

Сейчас Максим был очень рад, что жена не все знает о его

деятельности, и в частности, о том, что по его указаниям легко и быстро убивают неугодных ему людей.

Все-таки ему удалось успокоить Лесю и, отправив детей к маме, они провели чудный вечер, отключив все телефоны.

Наутро Леся почувствовала себя очень плохо, появилась сильная боль в желудке. Лекарства не помогли, пришлось везти ее в больницу.

Когда они въехали в больничный дворик, навстречу им выбежал главврач и замер, почтительно ожидая, пока они выйдут из машины.

Обследование показало, что серьезной болезни еще нет, но необходимо длительное лечение в

больнице.

От отдельной, комфортабельно оборудованной палаты Леся наотрез отказалась, заявив, что умрет там от скуки, и попросилась в общую.

Главврач почти не отходил от нее (перед этим Максим вручил ему солидную пачку долларов «на мелкие расходы»), и Леся вынуждена была попросить его оставить ее в покое хотя бы на короткое время.

Всему медперсоналу больницы Максим выставил большое угощение, и все они тоже ходили вокруг его жены на цыпочках, что тоже было ей неприятно.

На следующий день Максим приехал навестить Лесю и застал ее

в слезах.

— Что случилось, родная? - встревожился он, грозно поглядывая по сторонам.

— Нет-нет, всё в порядке, - торопливо ответила она и посмотрела на соседнюю пустую, но застеленную постельным бельем кровать, - просто я с такой женщиной познакомилась - необыкновенной. Ее сейчас на рентген увезли...

— Кто она? - деловито заинтересовался Максим, глядя на взволнованное лицо жены.

— Ее зовут Зина, ей неудачно сделали операцию, и теперь она умирает, нет никакой надежды. Но знаешь, она совсем не

боится смерти: наоборот, радостная и спокойная.

— У нее с головой все в порядке? - язвительно спросил Максим.

— Ну зачем ты так? - укорила его Леся, - просто она верующая. Знает, что умирает, но не боится, я же вижу, что это не подделка. У нее муж работает столяром, и двое сыновей, один из них совсем маленький, но она говорит, что Бог их не оставит. Как жалко, что она умирает.

Леся расплакалась, не в силах сдержать горьких слез.

— Успокойся, родная! Тебе нельзя волноваться, - сказал Максим, - для чего так переживать

из-за чужого человека?

— Не чужого! Она для меня какая-то близкая. Я бы с ней дружить хотела, - тяжело вздохнув, ответила жена.

— Тогда совсем другое дело! - он вскочил с кровати и быстро проговорил:

— Я - к главврачу!

Тот внимательно выслушал Максима и с сожалением отодвинул от себя положенную перед ним пачку долларов.

— Увы, мы бессильны. Возможно, ей помогут только в Москве, в правительственной клинике.

Уже через несколько часов большой пассажирский самолет

перевозил специальным рейсом двух пассажиров: Зину с ее мужем, а в московском аэропорту их встречал известный на всю страну хирург, один из многочисленных высокопоставленных друзей Максима.

Операция Зины прошла очень успешно и через некоторое время они с мужем вернулись домой. Еще перед вылетом в Москву Зина спросила у Максима, откуда у него такие большие возможности, и он коротко ответил ей, что занимает очень высокую должность в засекреченной службе.

Максим встретил Зину с мужем в аэропорту, поздравил с выздоровлением и сообщил, что

отныне берет всю семью на свое содержание. Они поблагодарили и ответили, что в этом нет необходимости: на текущие нужды у них достаточно средств. Зина подробно рассказала о том, как Господь чудно помогал им в Москве, но Максим, не выдержав, прервал ее:

— Какой Господь? Это все сделал я!

С такими людьми он еще не встречался. Они казались ему заброшенными на нашу землю с другой планеты.

— Приходите к нам на христианское собрание, - пригласила Зина, когда машина остановилась возле их дома, - ведь

это Господь устроил нашу встречу.

Естественно, ни на какое собрание он тогда не пошел. Леся рассказала ему, что часто посещает Зину, но от денежной помощи семья отказалась, объяснив, что им хватает зарплаты мужа.

Максим был доволен тем, что его жена нашла себе подругу, пусть даже верующую.

После знакомства с Зиной он и сам стал почитывать Библию, и хоть мало что понимал, все-таки продолжал это занятие с присущим ему упорством.

Зина что-то растревожила в нем. Он даже вспомнил, как в детстве, когда мать осеняла себя крестным знамением и часто кланялась,

пугливо поглядывая на иконы, он, десятилетний подросток, впервые задумался о Боге.

Когда дома никого не было он внимательно разглядывал изображения людей на двух висящих на стене иконах, но так и не разобрался, кто из них Бог: то ли это строгий старик с непонятно для чего поднятой вверх ладонью, то ли беспомощный младенец на руках какой-то женщины.

...Не думал Максим, что эта «разборка» закончится для него так ужасно. Да и не должен был он там присутствовать. Но вот зачем-то поехал; и сейчас в тяжелом состоянии лежал на операционном столе.

— Господи, - по привычке прошептал он это ничего не значащее для него слово, стиснув зубы от сильной боли, - Господи...

После этого он погрузился в глубокое бессознание наркоза и, к счастью, не услышал чьих-то неосторожно произнесенных слов: «Никакой надежды».

Очнувшись, Максим увидел склоненных над ним жену и мать, их заплаканные, темные, как земля, лица, и подумал:

— За что я так мучаю этих дорогих мне людей?

Впервые в жизни что-то похожее на неприязнь к себе шевельнулось в его душе. С трудом дыша, не зная, что к его телу подсоединены

многочисленные приборы, регулирующие деятельность организма, он внутренне обратился к Тому, в Кого еще не верил:

— Господи, если Ты есть, пошли мне быструю смерть.

И тут же Максим ощутил присутствие Кого-то невидимого, Который как будто приблизился к нему. Боль в его теле нарастала, казалось, что во все его клеточки залили горячий расплавленный металл, который жег внутренность, причиняя невыразимые мучения.

Каким-то образом он понял, что невидимая Личность обратилась к нему со словами:

— Ты просишь смерти... Но вот ты умер: сердце твое

остановилось.

Максим не знал, что действительно находится в состоянии клинической смерти, и вокруг бегают врачи, пытаясь вернуть его к жизни.

— Господи, а почему же мне тогда так больно? - в отчаянье беззвучно вопросил он.

— Душа не умирает. А боль может увеличиться в десятки тысяч раз и не прекратится никогда: потому что ты сам избрал это.

Только сейчас Максим осознал, что говорит с Богом, и вдруг почувствовал себя очень маленьким и ничтожным. Сейчас он казался себе слепым котенком, всю жизнь бегающим в темноте по краю

обрыва, за которым - страшная бездонная пропасть.

Богатство, власть, слава - гоняясь за этим, как ему теперь казалось, мусором, он проглядел главное: Бога, Который сотворил его для истинной вечной славы.

— Господи! - мысленно воззвал он, - теперь я знаю, что Ты есть! У меня нет никакого шанса на спасение, потому что я жалкое ничтожество и всю жизнь оскорблял Тебя своим равнодушием и своеволием. Поэтому я прошу только одного и только - ради матери, жены и детей: верни меня к жизни, чтобы я мог рассказать им о том, что есть Вечность и что Ты - всемогущий, живой Бог. Я не

достоин того, чтобы славить Тебя, но как бы мне хотелось делать это.

Максим ощутил прилив сил, открыл глаза и сразу понял: Господь услышал его и ответил.

Он увидел, что весь обвит какими-то трубочками, подсоединенными к приборам. Рядом с матерью и женой стояли несколько врачей, напряженно всматриваясь в его лицо. Заметив, что он открыл глаза, мать заплакала.

Улыбнувшись им, Максим начал снимать с себя все приспособления.

— Что вы делаете? - с тревогой спросил, наклонившись к нему один из медиков, и почему-то потрогал его голову, - не

беспокойтесь, мы стараемся спасти Вас.

— Спасибо, - добродушно ответил он, - но это уже сделал Бог.

Максим стал вытирать слезы на лице матери:

— Ну что же вы? Ведь всё уже хорошо!

Врачи и родные вышли, и Максим остался в реанимационной один.

«Как только встану, пойду в церковь! - решил Максим, - надо позвонить Зине и узнать адрес Молитвенного дома».

Вдруг леденящий холод обжег всю его внутренность: «Сегодня надо объявить всей «компании», что я выхожу из игры, - вспомнил он и

поежился, - что же это будет, что же будет?»

Но тут же, как бы отодвинув от себя все старое, все прошлое, совершенно спокойно помолился: «Господь, я уверен в том, что теперь принадлежу только Тебе. А если Ты со мной, кто может причинить мне и моей семье зло?»

Для грешников Христос на крест взошел:
Он самоправедникам не поможет,
Но если твою душу совесть жжет -
Знай, что тебя готов принять Сын Божий!

И если ты упал так глубоко,
Что кажется - не выбраться оттуда,
Зови Христа: в Нем обретешь покой
И испытаешь новой жизни чудо!

Бог прошлое твое перечеркнет,
Все преступленья тяжкие изгладит,
Рукой пронзенной снимет с сердца гнет
И во Христе на небесах посадит.

Сезон дождей

«...дождь буду ниспосылать в свое время; это будут дожди благословения»

Иез. 34 :26

Алла подошла к балконной двери и прислонилась горячим лицом к прохладному стеклу: как темно на улице, уличный фонарь возле ее дома сегодня почему- то не светит. К тому же, эта страшная жара! Уже третий месяц на иссохшую землю не упало ни одной капли дождя. Хорошо еще, что в ее квартире благодаря кондиционеру относительно прохладно.

Она обессиленно опустилась на диван. В сознании никак не укладывалось, что она осталась совсем одна. Сирота на всем белом свете... Как жить, за что ухватиться сейчас?

Мысли ее, как встревоженные птицы, переместились в недавнее прошлое.

Наверное, это было ошибкой: переезжать им с матерью из родного кавказского городка сюда, в Израиль, на свою, как говорится, историческую родину. Продать прекрасную квартиру в центре города, оставить уютный, обустроенный быт и отправиться в чужие, полные неизвестности края. Как они могли совершить такую

глупость?

Правда, вначале все шло неплохо. Матери назначили хорошую пенсию, а Алла стала получать пособие по безработице. Они сняли для себя просторную двухкомнатную квартиру, а продукты здесь дешевые. Но ведь не хлебом единым жив человек! В родном городе у Аллы было много друзей, интересная, престижная работа, захватывающие планы на будущее. А здесь - ничего подобного.

Ее как-будто в вакуум поместили, даже дышалось трудно. Она никак не могла привыкнуть к новой обстановке, всё ее здесь раздражало, даже успокоительные таблетки начала глотать. Да и с

матерью отношения испортились вконец. Та жаждала светских развлечений, постоянно принимала каких-то гостей, но через короткое время тоже затосковала по покинутым родным местам. Алла не находила с ней общего языка и постоянно обвиняла мать в том, что та настояла на переезде.

Отдушиной во всем этом были только письма от Дины, старой подруги, жившей сейчас на Украине, и встречи с тетей Этери - маминой сестрой, которая вместе со своим сыном жила в соседнем городке.

Алла называла тетю «мама Этери», потому что с раннего детства и до окончания средней школы жила вместе с ней, пока

Аллина мать вела свою веселую, отдельную от дочери жизнь. Алла с «мамой Этери» всегда хорошо понимали друг друга, но, к сожалению, в последнее время сын тети, разведясь с женой, сильно запил, и теперь Этери не могла уделять племяннице столько времени, как раньше. Она была поглощена заботами о сыне.

Потому для души у Аллы оставались только письма Дины, которые всегда согревали ее искренней любовью и теплом. Правда, с недавних пор подруга стала верующей и часто писала о Боге. Вначале Алла недовольно хмурилась, читая ее религиозные рассуждения: она опасалась, что

Дину уловили в свои сети какие-то умелые сектанты. Сама Алла в существование Бога верила и относилась к Нему с уважением. Ежедневно она даже повторяла одну молитву, которую составила сама еще в юности. Ну а в остальном, считала она, человек должен сам всего добиться и не быть рохлей в этой нелегкой земной жизни.

Алла с детства была лидером в окружении друзей, знакомых, сотрудников. Привлекательная внешность, умение со вкусом одеваться, сильный характер помогли ей занять довольно высокое положение в обществе. Она блестяще закончила известный

престижный институт экономики, затем - аспирантуру и, защитив диссертацию, получила звание кандидата наук, что на Кавказе, где они жили, для женщин - большая редкость.

Многие мужчины пытались завоевать хотя бы внимание Аллы к себе, но безуспешно: ее поэтическая натура ожидала кого-то вроде сказочного принца на корабле под алыми парусами, который, подняв ее на сильных руках, так бы и проносил всю жизнь, не отрывая от нее восторженного взгляда.

Друзья и знакомые всегда восхищались Аллой, и это питало ее самолюбие. Она всегда считала себя особенной: выше, лучше

других, снисходительно разрешая всем окружающим любить и обожать себя.

Когда мать уговорила-таки Аллу переехать в Израиль, она самоуверенно решила, что и там пробьется в число первых в обществе. Однако все получилось совсем по- другому: даже на работу не смогла устроиться, имея на руках диплом доктора наук.

Алла встречала здесь знакомых - своих земляков, которые прекрасно себя чувствовали: хорошо зарабатывали, приобрели в собственность жилье. Они теперь смотрели на нее свысока. Все это было так непривычно, что она всерьез растерялась, но все-таки

надеялась еще на себя, на свои силы и возможности.

...Алла продолжала сидеть в темноте на диване. Спать не хотелось. Ночь казалась нескончаемой. Да, здесь, в Израиле, где ее постигла вынужденная бездеятельность и где ушли из жизни самые близкие и дорогие ей люди, у нее появилось много времени для размышлений.

Когда же кончится эта невыносимая жара? Она вдруг напряженно прислушалась. Показалось, что начался дождь, но нет, это был всего лишь какой-то неясный кратковременный шум во дворе. Возможно, от порыва ветра зашуршал бумажный мусор на

асфальте.

Невыносимо, невыносимо! Тут она вспомнила о полученном сегодня письме от Дины, и на душе стало легче. В последнее время эти письма начали приобретать для Аллы новое, очень важное значение: она вдумчиво перечитывала их по несколько раз, казалось, ее ожидает какое-то серьезное открытие.

Дина писала о том, что Христос стал ее жизнью, что она вполне счастлива. Посоветовала Алле прочитать третью главу Евангелия от Иоанна о рождении свыше. Алла дважды прочитала эту главу, но ничего важного и интересного для себя там не нашла.

Она иногда листала Новый

Завет, но он казался ей набором строгих правил, выполнять которые никакому человеку не под силу. Например, Христос повелевает не противиться злому и, когда ударят по одной щеке, подставлять для удара другую - да разве это возможно?

В глубине сердца ее восхищала красота Божьего великодушия, но она считала, что люди были и останутся по своей природе животными: никто и ничто их не изменит.

...В сегодняшнюю особенно жаркую, душную ночь Алла как-будто заново переживала тяжелые события последнего времени. Совершенно неожиданно ее

пышущая здоровьем, энергичная мать заболела раком и, несмотря на удачную операцию, в скором времени умерла. Через пару месяцев то же самое произошло с тетей Этери! Потрясенная внезапной потерей близких, Алла вынуждена была заняться еще и возникшими житейскими проблемами. Из-за недостатка денег ей пришлось теперь отказаться от двухкомнатной квартиры, да и на маленькую квартиру у нее не было средств.

Временно ее согласилась приютить знакомая землячка, которая здесь разбогатела и приобрела в собственность большую квартиру. Но гордый,

независимый характер Аллы стал причиной постоянных стычек с хозяйкой жилья. Обе измучились, с огромным трудом вынося общество друг друга.

К счастью, подвернулась недорогая квартира внаем, и Алла поспешно переехала на новое место жительства. Вначале она вздохнула с облегчением, но затем одиночество и страх перед будущим стали давить на нее с возрастающей силой. Кроме того, после смерти мамы Алла начала мучиться оттого, что часто неправильно относилась к ней, допуская грубости и даже оскорбления. А теперь у нее прощения не попросишь. Она раньше не представляла, как это

тяжело и страшно, оказаться наедине с неподкупной, обвиняющей ее совестью.

В отчаянье она стала искать, как бы отвлечься от всего этого: занялась игрой, где обещали выигрыш в несколько миллионов долларов. Просчитав всевозможные варианты, Алла возликовала: ей казалось, что она недалеко от крупного выигрыша, а тогда - конец всем ее проблемам! Даже Дине написала об этом, пообещав, что в случае успеха поделится с ней, но та ответила, что советует ей оставить это нечистое занятие.

Вообще Аллу удивляли перемены, происшедшие в Дине. В одном письме ее подруга даже

попросила прощения за какой-то давний проступок перед Аллой. Та очень удивилась: надо же, не побоялась выставить себя в таком неприятном свете. Но после этого признания Алла еще больше полюбила Дину.

...Внезапно в комнате стало очень тяжело дышать из-за жары.

«Опять, наверное, кондиционер сломался! - с тоской подумала Алла, -придется терпеть этот зной, пока не отремонтируют».

Она подошла к холодильнику, достала минеральную воду и налила себе в стакан, добавив кубик льда. «Зачем я согласилась переехать сюда? - вернулась она к своим размышлениям, - если бы осталась

в родном городе, все было бы по-другому».

«Это сделал Бог! - вспомнила Алла объяснение Дины из ее последнего письма, - Он допускает тяжелые обстоятельства в нашей жизни, чтобы мы могли правильно увидеть себя самих и Его. Себя - беспомощными грешниками, а Его - Иисуса Христа - нашим Спасителем».

«Как же я могу увидеть Бога?» - в недоумении думала она, с удовольствием обхватив ладонями стакан с ледяной водой.

В последнее время у Аллы возникло какое-то странное чувство: вроде бы она уже не одна, а ее - две!

Одна - оставалась сердитой, даже злой, недовольной всем, изобретающей способы выбраться из Израиля, считающей себя незаслуженно наказанной. Другая Алла - почти незнакомая ей, начинала видеть это зло в себе, свою гордость, самолюбие и отвратительное стремление к превосходству над другими. Эта вторая Алла робко прислушивалась к Небу, стараясь уловить тот едва слышный, еще незнакомый ей Голос, то появляющийся, то куда-то исчезающий, Который влек ее в какую-то блаженную неизвестность. Ей казалось, что она видит необычный свет, но он тут же гас, превращаясь в густую тьму, и она

растерянно замирала, еще не видя того Пути, к Которому неосознанно уже стремилась всем сердцем.

...Душная ночь длилась и длилась. Алла пошла в ванную и облилась холодной водой. Стало немного легче, но ненадолго. Затем она достала последнее письмо Дины, в котором та рассказывала о смерти своей мамы. Подруга писала, что у нее нет отчаянья, потому что мать тоже спасена во Христе и теперь перешла из смерти в жизнь вечную. Тон письма был, как обычно, бодрым, приподнятым.

Отложив письмо, Алла прилегла на диван. Жара сдавливала тело со всех сторон, голова была тяжелой, но на сердце появилась какая-то

легкость. Казалось, вот сейчас ей откроется очень важная тайна. А, может быть, не сейчас, а немного позже, но обязательно откроется. Как ей хотелось понять то, что уже знала Дина!

Какая сильная жара, даже мысли с трудом шевелятся.

Прикрыв глаза, Алла подумала: «Скоро утро, так и не удалось мне заснуть» - и тут же погрузилась в глубокий сон.

Проснулась, когда было уже совсем светло и сразу же услышала тихий однообразный шум. Неужели дождь? Вскочив, она подбежала к окну.

Дождь лил щедро, не переставая и не утихая. Прохожие шли без

зонтов. Они поднимали лица к небу и, счастливо улыбаясь, что-то говорили, наверное, благодарили Бога за Его милость к людям.

«Господи, спасибо!» - с благодарностью сказала и Алла, - Ты знал, что больше мы не выдержим.»

Распахнув окно, она жадно вдыхала свежий, прохладный воздух. Ей захотелось, чтобы этот дождь с неба омыл и всю ее внутренность, чтобы навсегда из сердца ушли эта тоска и безысходность. Начался долгожданный сезон дождей.

На тех, кто дорог мне, Отец,
Излей поток благословений.

И удали тоску сомнений
Из их измученных сердец.

Пошли благословенный дождь
На тех, о ком молюсь я слезно,
Чтоб не очнулись слишком поздно,
Когда замкнет все двери ночь.

Спаси всех тех, кого люблю -
Всех нас, рожденных от Адама
Введи под свод Христова Храма
О человечестве молю!

Безумство своевольных дел
Останови рукою нежной
И убеди прийти поспешно
К Твоей живительной воде.

Чужие деньги

«Скрывающий свои преступления не будет иметь успеха; а кто сознается и оставляет их, тот будет помилован»
Притчи 28:13

На этот раз им не повезло: ни денег, ни драгоценностей не нашли.

Этот домик они взяли «на прицел» еще две недели назад, но никак не решались выходить на дело, потому что хозяева, пожилые супруги, почти все время были дома.

Пришлось работать ночью. К их счастью, собаки во дворе не было, а с любыми замками Юрка из их «бригады» справлялся легко и

быстро.

Правда, он, Семка, отговаривал друзей: не стоит сюда идти, вряд ли у старичков есть что-то стоящее, но его не послушались. Убедившись, что хозяева уснули, осторожно разбежались по комнатам, на всякий случай держа оружие наготове, но в доме больше никого не было.

Семену достался рабочий кабинет хозяина. Он быстро перебрал бумаги в ящиках, заглянул во все углы, где по его представлению могло храниться что-то ценное. Нет, ничего стоящего, как он и думал.

В кабинет заглянул Юрка и прошептал:

— Всё, сматываемся! Тут

беднота, ты был прав.

Семка уже повернул, было к выходу, но тут увидел на кресле раскрытую Библию, поверх которой лежали очки с толстыми стеклами: видимо, хозяин читал ее перед сном.

Сердце юноши сжалось, ведь он был из верующей семьи, не раз подростком посещал церковь, но потом - улица, дружки как магнит перетянули к себе, и он не заметил, как влился в компанию, которая добывала деньги грабежом.

Поначалу Семке это очень нравилось, он даже чувствовал себя настоящим героем, когда после очередной «чистки» какого-нибудь богатого особняка, они делили

между собой добычу. Совесть его не мучила: грабили-то они только богатых, а ведь те, в основном, наживают денежки нечисто: чего же их жалеть? К тому же он хорошо запомнил, что в Библии богатство названо неверным, значит и переживать нечего. Конечно, сам он не святой, как, к примеру, его родители, но уж и не хуже тех, кого он грабил.

Так Семен размышлял, в этом пребывал, а легкие деньги полюбил и уже не мог жить иначе. Правда, временами, глядя на заплаканное лицо матери, чувствовал себя очень неуютно, хотя и огрызался в ответ на ее замечания. Что-то начинало говорить ему изнутри, что не туда он

свернул, и все может обернуться весьма плохо. Но всякий раз он заглушал в себе тревожные мысли и мчался дальше - вниз, по наклонной.

...Семен взял с кресла Библию и в том месте, где она была раскрыта, прочитал выделенные черным жирным шрифтом два последних стиха из 138 псалма. Несколько слов из этого отрывка он повторил шепотом: «Боже... не на опасном ли я пути...?»

Ему захотелось прочитать весь псалом, но сейчас для этого не было времени. Глубоко тронутый этими словами, Семен уже собирался закрыть Библию, но потом зачем-то перевернул несколько страниц и вдруг увидел деньги. Это было

несколько крупных купюр, и сумма оказалась значительная. Он растерялся: что же делать?! Семен уже понял, что здесь живут верующие люди, христиане. К тому же, судя по всему, доходы их весьма скромные. Возможно, деньги, собраны для какой-то необходимой покупки, а если они и вообще церковные?

Юноша заколебался. В эту минуту в кабинет заглянул еще один член их «бригады» и нервно зашептал:

— Ты что, совсем уже? Книжки читаешь? Сматываемся моментально, там, в спальне какие-то звуки, сейчас погорим ни за что.

Он тут же исчез, и Семка, не в

силах победить себя, схватил деньги, сунул в карман примерно половину, а остальные вернул на прежнее место. Затем, положив Библию на кресло, выскочил из кабинета.

Про свою находку он друзьям не сказал и быстро растратил деньги на развлечения.

Следующая их вылазка оказалась роковой: в доме сработала сигнализация, которую, как им казалось, они отключили. Милиция приехала быстро, и у каждого из них нашли оружие. Когда Семену объявили приговор - пять лет строгого режима - сначала он даже не понял: как пять лет? За что?!

Потом долго бессильно плакал, а затем ожесточенно решил: выйду, я вас найду!

Кого он будет искать, и что с ними делать, он не знал, но внутри кипел гнев, бушевало негодование на весь мир, на все человечество: только не на себя самого...

Потекли тюремные будни, но Семка, как будто внутренне окаменел: его ничего не интересовало, все делал как бы по инерции. И только, когда однажды пришли благовестники, которые разносили по камерам духовную литературу, он вдруг спросил их:

— У вас есть псалмы?

— Есть! - с удовольствием ответил один из них и, протянув

Семену книгу, добавил:

— Здесь Новый Завет и Псалтирь.

Не обращая внимания на смех и язвительные реплики сокамерников, он сразу же принялся за чтение. К сожалению, Семка забыл номер нужного ему псалма, того, который он читал в доме верующих, поэтому ему пришлось начать с самого начала. Чтение захватило его, и он даже удивился: и почему он раньше не читал эти псалмы, где столько красоты и мудрости?

«Да, Бог все сотворил прекрасным, а мы, люди, это испортили...» - размышлял Семен, переворачивая страницу за страницей. Слово Божье стало

проникать в его сердце. Он вдруг вспомнил кражу денег из Библии, и впервые ему стало нестерпимо стыдно за свой ужасный поступок. Как, как он мог обокрасть тех, кто поклоняется великому Богу! Ему сейчас казалось, что он украл деньги у Самого Бога... Перед глазами всплыло печальное лицо матери, которая на последнем свидании с ним, с любовью глядя на него, сказала:

— Сынок, ищи Господа. Только Он поможет тебе...

Сейчас он читал полные глубокого смысла слова

псалмов и еще не понял, что дошел до нужного места.

От первых же слов этого нового

отрывка вся его внутренность вострепетала. «Оказывается, Господь знает все мои мысли и даже те слова, которые я еще не сказал, - задумался Семен, - а ведь сколько у меня всяких грязных мыслей бывает. Значит, Бог все это «читает»!

Он закрыл книгу и подошел к окну. «Вряд ли Господь оставит кого-нибудь безнаказанным, ведь Он Святой и Праведный. Нет, все равно мне с Богом не по пути!»

Наступил вечер. Стемнело, но у него был припрятан фонарик.

— «Дочитаю тот псалом и - все, - решил Семен, - надо от этого всего подальше бежать.» «Куда уйду от Духа Твоего, от лица Твоего куда

убегу?» - с изумлением прочитал он следующие строки. Псалом заканчивался теми словами, которые он так долго искал. «Испытай меня, Боже, и узнай сердце мое: испытай меня, и узнай помышления мои. И зри, не на опасном ли я пути, и направь меня на путь вечный».

Этот отрывок Семён с волнением прочитал шепотом, от всего сердца обращаясь к невидимому Богу, а потом добавил:

— Господи, я не хочу больше убегать от Тебя. Набегался я, хватит... Прими к Себе!

На сердце стало легко, хотелось с кем-то поделиться большой радостью, переполняющей его. Он

посмотрел на спящих заключенных: вряд ли они поймут его, даже если их разбудить.

— «Надо будет маме все рассказать», - укладываясь на нары, подумал Семен, ощущая внутри непривычное сладкое чувство освобождения.

...Когда закончился срок его заключения, первое, что он сделал - это пошел по тому адресу, где он когда-то украл деньги из Библии. Семка был очень рад, что родители, которым он все рассказал, нашли нужную для возврата сумму, которая сейчас лежала в его кармане.

Дверь ему открыла молодая женщина.

— Мне нужны хозяева, -

поздоровавшись, сообщил он.

— Я вас слушаю, - настороженно ответила его собеседница.

— Да нет, - он явно торопился, - мне нужны те пожилые супруги, которые жили в этом доме больше пяти лет назад.

— Но в прошлом году они переехали в Германию, - сказала женщина, - а этот дом теперь принадлежит мне.

— Слава Богу, что они живы! - искренне обрадовался Семен, - а вы не знаете их точного адреса?

— Недавно они прислали мне деловое письмо, но... собственно говоря, я не знаю вас.

Кто вы? Зачем вам их адрес? - с подозрением посмотрела на него владелица дома.

Семен тяжело вздохнул, но все же коротко рассказал свою постыдную историю.

Женщина слушала, с удивлением глядя на него, а когда он закончил, тихо сказала:

— Я верю вам, сейчас принесу конверт с адресом.

...Написав письмо, в котором он подробно все изложил, с просьбой простить его поступок и сообщить, куда ему перечислить деньги, Семен с напряжением ожидал ответа: а вдруг эти люди решат привлечь его к уголовной ответственности за совершенное им преступление? И

хотя он готов был понести любое наказание, но все-таки неизвестность неприятно томила его сердце.

И вот, наконец, пришло долгожданное письмо из Германии. С большим волнением распечатав конверт, Семен прочитал первые строки:

«Дорогой Семен, наш возлюбленный брат во Христе! Мир тебе! С большой радостью прочитали твое неожиданное откровенное письмо. Благодарим Господа за то, что Он спас тебя. Видимо, ты действительно стал новым человеком во Христе, раз решился открыто рассказать обо всём и вернуть долг. Поэтому мы

полностью от всей души и с любовью прощаем тебя, дорогой брат, и дарим тебе эти деньги, потому что они сейчас нужнее для тебя. Теперь они твои по правде...»

Хотя письмо на этом не заканчивалось, дальше Семен читать уже не мог: слезы застилали его глаза. Преклонив колени, он сказал:

— Вот Ты какой, мой Господь! Я хотел вернуть Тебе долг, но вместо этого Ты Сам щедро одарил меня. Я мечтал о том, чтобы эти люди простили мой грех, но они еще и полюбили меня. И главное: я был на опасном пути, а теперь Ты направил меня на путь вечный.

Бережно держа в руках

недочитанное письмо из Германии, он воскликнул словами из выученного им уже 138-го псалма:

— Господи, дивны дела Твои, и душа моя вполне сознает это!

Прощенья просим - Бог дает любовь.
Так щедро отвечает лишь Спаситель!
Он грех с души твоей сотрет любой
И снимет с сердца груз невыносимый.

Еще нет слова на устах твоих -
Оно Ему известно совершенно.
С тобой Он каждый час и каждый

миг,
И знает мыслей тайные движенья.

Он видит нас такими, как мы есть:
В грехах погрязших, жалких и ничтожных.
Но за таких Он и взошел на крест,
И умер за плохих и за хороших.

Он знает нас, но все же любит так,
Как мать с отцом дитя любить не могут.
И кто душой посмотрит на Христа –
Увидит всепрощающего Бога.

Новогодний подарок

«Мария же избрала благую часть»

Лк. 10:42

Новый год, Новый год! - радостно кричали младшие дети, с удовольствием рассматривая пушистую елочку, на которой они сегодня сами развесили разноцветные игрушки.

Многодетная семья Егоровых недавно вернулась с предпраздничного собрания и, поужинав, собралась в гостинной. Отец семейства Антон Иванович, как обычно, почитал вслух Библию,

затем все дружно спели несколько христианских гимнов под мамин аккомпанемент на пианино.

У детей было приподнятое настроение, сегодня все они получили в церкви подарки: фигурки животных из шоколада в красивых золотистых обертках и всевозможные мягкие игрушки.

— А сейчас, - Антон Иванович сделал небольшую паузу и посмотрел на жену.

— А сейчас, - продолжила мама, Елена Петровна, - мы сначала поблагодарим Господа за проходящий год, а затем...

— А затем, - воодушевленно обратился к детям Антон Иванович, - пусть каждый из вас

скажет, что он хотел бы получить в будущем году. После этого мы помолимся и принесем свои просьбы Господу.

Детям это предложение очень понравилось.

— Я хочу, чтобы Иисус послал мне новый велосипед, - нетерпеливо высказал свою нужду 12-летний Виталик, - ведь мне достался велосипед после Генки, я уже не могу починять его, ведь он постоянно ломается.

— А я желаю в новом году закончить школу с отличием и поступить в медицинский институт, - важно заявил самый старший из детей 16-летний Гена, строго взглянув на остальных детей, как бы

призывая их высказывать более серьезные пожелания.

— Я хочу новый пододеяльник! - громко сказал 8-летний Игорь.

— Зачем тебе он? - удивленно спросил отец.

— Потому что в моем пододеяльнике недавно появилась дырка, и моя нога часто туда попадает, а это - очень неприятно, - объяснил Игорек.

Все дружно рассмеялись.

— Я обязательно починю твой пододеяльник, - успокоила Игоря мама, - а ты лучше придумай другое желание.

— Хорошо, - быстро согласился он, - тогда я хочу, чтобы

Виталик отдал мне свой старый велосипед, когда получит новый.

Дети один за другим называли свои заветные желания.

Семилетняя Лариса хотела бы получить детскую швейную машинку, а 10-летний Андрей собирался попросить Господа о том, чтобы у него в новом году не болели зубы, потому что недавно ему пришлось терпеть лечение в стоматологической клинике.

И только 9-летняя Машенька сидела молча, задумчиво наблюдая за происходящим.

— Маша, а что хотелось бы тебе? - спросил Антон Иванович, когда все остальные дети уже высказали свои пожелания.

Девочка встала и тихо произнесла:

— Больше всего я хочу в новом году встретиться с Иисусом Христом.

В комнате воцарилась тишина.

Затем отец предложил:

— Давайте сейчас помолимся и попросим Господа, чтобы Он исполнил те ваши желания, которые Ему угодны.

Вся семья склонилась для молитвы: дети и взрослые благодарили Бога за благословения в уходящем году и высказывали Ему свои просьбы. Наступила новогодняя ночь. Все поздравили друг друга с праздником и улеглись спать.

Около трех часов ночи Маша разбудила родителей:

— Вставайте скорее!

— Что случилось? - встревоженно спросили они, глядя на взволнованное лицо дочки.

— Я слышу, как Иисус Христос стучит в мое сердце! Помолитесь вместе со мной, чтобы Он стал моим Спасителем...

— Машенька, может быть, мы перенесем это на утро? - сонным голосом спросил из постели Антон Иванович.

— Что ты, папа! - умоляюще посмотрела на него Маша, - ведь Иисус может уйти и не вернуться.

Родители и дочка склонились на колени, и Машенька попросила

Господа войти в ее сердце, а затем об этом помолились папа с мамой.

Утром, перед молитвой, Антон Иванович собрав детей, сказал, глядя на сияющее лицо Маши:

— Вчера вечером мы высказывали Господу свои желания... Как вы думаете, кому Он ответил в первую очередь?

Дети сразу поняли, что с Машей произошло что-то очень хорошее и потому единодушно ответили:

— Он ответил Маше!

— Да, - подтвердил Антон Иванович, - сегодня ночью она встретилась с Иисусом Христом, о чем и просила Его. Больше двух тысяч лет назад Господь родился в Вифлееме, чтобы спасти людей от

их грехов. А теперь Он будет жить в Машином сердце, потому что она открыла его для Иисуса. Маша получила самый лучший подарок на Новый год и притом - в первую очередь.

Некоторое время дети молчали, поглядывая на счастливое лицо Маши, а затем, Виталик, обратившись к отцу, сказал:

— А можно мне изменить свое прежнее желание? Пусть у меня останется тот же старый велосипед, но в новом году я тоже хочу встретиться с Иисусом.

— А я согласен еще раз потерпеть зубную боль, но взамен этого хочу, чтобы Господь постучал и в мое сердце. - заявил Андрей.

Все остальные дети тоже отказались от своих прошлых желаний и сказали, что в Новом году хотят стать христианами.

Родители радостно улыбались, и Антон Иванович предложил:

— Давайте скажем об этом Богу. Я думаю, что вы приняли сейчас правильное решение. В Библии написано: «Ищите прежде всего Царства Божьего, и это все приложится вам». Тем, кто принимает Господа как Своего Спасителя, Он может дать и другие подарки. Но никакие подарки и праздники, даже новогодний, не принесут человеку той особой радости, если он остается жить в грехах и не впускает в свое сердце

Иисуса Христа.

Подарков много разных
Все дарят в Новый год,
Но без Иисуса праздник
За день, иль два пройдет!

Все елки и конфеты
Закончатся. Потом –
Начнутся в жизни беды,
Коль ты не со Христом!

Померкнут все подарки,
Погаснут свечи. Вдруг
Год новый станет старым,
И скучным все вокруг...

Без Господа веселье
Лишь на короткий срок –

Но во Христе спасенье
Навеки дарит Бог!

Будьте мне мамой

«Бог одиноких вводит в дом, освобождает узников от оков» Псалом 67:7

Больше месяца Роман учился на курсах проповедников, куда его направила церковь. Хотя ему еще не исполнилось и двадцати пяти, он уже имел семью: жену и двух маленьких дочек. Родители его были верующими, но оба уже перешли в вечность. Благодаря тому, что они успели правильно наставить своего единственного сына, он еще при их жизни

обратился к Богу, и сейчас нес в церкви служение проповедника.

Возвращаясь поездом домой после курсов, Роман радовался тому, что, видимо, успеет с Божьей помощью попасть на сегодняшнее вечернее служение христиан.

Жена Валя с малышками уже с нетерпением поджидала его: быстро собравшись, они отправились в Молитвенный дом.

Увидев Романа, пресвитер церкви Иван Васильевич подошел к нему и, поприветствовав, предложил проповедовать сегодня третьим.

Взволнованный встречей с семьей братьев и сестер, молодой проповедник поднялся на кафедру и с радостью оглядев дорогие лица

христиан сказал:

— Мир вам, возлюбленные Господом!

Община была небольшая, на вечернее богослужение собралось около двадцати человек. Поэтому Роман сразу же заметил на самой задней скамейке - на сестринской половине - незнакомую женщину лет сорока пяти.

Она сидела почти неподвижно, ее взгляд был направлен куда-то в сторону. Роману показалось, что за все двадцать минут его проповеди незнакомка даже ни разу не взглянула на него.

После собрания, когда верующие, подходя к Роману, радостно приветствовали его после

долгого отсутствия, он поинтересовался у одного пожилого брата, не знает ли он, кто эта новая посетительница.

Тот, неопределенно махнув рукой, ответил:

— Не знаю! Приходит последний месяц на каждое собрание, но какая-то странная: ни с кем не разговаривает... Гордячка!

Роману неприятны были эти слова, но сделать замечание старшему брату он не решился.

Поискал глазами незнакомку, но в зале ее уже не было. Заметив, что Валя с детьми направилась к выходу из Молитвенного дома, он поспешил к ним и во дворике сразу же увидел эту женщину. Она

одиноко стояла в сторонке, взгляд ее был равнодушно-пустым. Молодой проповедник подошел к ней и, поздоровавшись, предложил:

— Может быть, отвезти Вас домой?

Женщина подняла на него взгляд, и Роман увидел в нем столько боли и безысходности, что ему стало не по себе.

Она проговорила хрипловатым голосом:

— У Вас есть машина?

— Да, - он показал рукой на старенький «Москвич», - я могу подвезти Вас!

— Тогда я попрошу, - нерешительно обратилась она к нему, - не могли бы Вы отвезти меня

сейчас на кладбище?

Немного удивившись ее просьбе, Роман ответил:

— Хорошо, садитесь в машину. Только сначала мне придется доставить семью домой.

— У Вас уже есть семья? - равнодушно отозвалась она и, не дожидаясь ответа, направилась к машине.

Увидев, что в их автомобиль садится какая-то женщина, Валя приветливо поздоровалась с ней: она привыкла к тому, что муж часто кого-то подвозит. Но незнакомка пробормотала в ответ что-то невнятное и, даже не обратив внимания на детей, отвернулась к окну.

Подъехав к своему дому, Роман высадил жену с малышками и тут же отправился дальше, чтобы отвезти женщину на кладбище.

По дороге он попытался завести разговор, чтобы засвидетельствовать своей пассажирке о Христе, но, видимо, она была погружена в какие-то свои размышления, и беседа не получилась. Тогда Роман, назвав свое имя, спросил, как ее зовут. С большой неохотой незнакомка ответила:

— Евгения Ивановна.

Когда они уже подъезжали к кладбищу, он опять решился обратиться к ней:

— Кто у Вас здесь?

Она как будто с трудом коротко выдавила из себя:

— Сын.

Могила с небольшим памятником, к которой они подошли, прилегала к высокому забору, огораживающему небольшое кладбище.

— Вы... могли бы потом отвезти меня домой? — спросила она, не отрывая взгляда от памятника. Отсюда пешком очень далеко, автобусы уже не ходят, а я что-то сегодня ослабела.

— Конечно, - торопливо ответил он, - я подожду Вас в машине.

Оглянувшись, Роман увидел, как Евгения Ивановна, склонившись над

памятником, бережно протирает его тряпочкой, что-то говоря, но слов он разобрать не мог. В машине ему сидеть не захотелось, и он стал медленно прогуливаться вдоль забора с внешней стороны кладбища.

Вдруг он услышал знакомый уже ему хрипловатый голос Евгении Ивановны. Сейчас их разделяла досчатая стена забора, и Роман хорошо слышал все, что она говорила:

— ...Потом я пошла на рынок, сынок, нужно же чем- то питаться, пока еще жива.

В ее хрипловатом голосе сейчас было столько любви и нежной грусти, что у Романа невольно

выступили слезы на глазах: он вспомнил свою маму.

— ...Цены опять поднялись, сынок, - вздохнув, продолжала Евгения Ивановна, - а у меня ведь пенсия, ты знаешь, совсем небольшая, и помочь теперь некому. Ну да не беда, ем я очень мало, аппетит совсем пропал. Да, вот еще, сынок, новость. Продолжаю в церковь ходить, правда, мало что понимаю. Может быть, это потому, что отвлекаюсь: все время о тебе думаю. Но все- таки мне там как-то спокойнее на душе... Конечно, люди там особые - святые, все молятся от души и стройно поют. Я не очень-то подхожу для этого общества, поэтому стараюсь ни с кем не

разговаривать. А новость вот какая: сегодня ко мне молодой человек подошел, раньше я его не видела, и предложил подвезти домой. Я прямо боялась на него смотреть: он так на тебя похож! Когда проповедь говорил, мне даже не по себе было: и голос твой напоминает... Это он меня сюда привез. Зовут Роман. Молодой, а уже - женат и двое детишек. Хорошо им... вместе! Ну ладно, сынок, пойду я, неудобно от семьи его отрывать так надолго! Завтра приду к тебе, придется опять на автобусе добираться. Сейчас билеты подорожали, да и ждать на остановке подолгу приходится, но я все равно приду. Ты жди, сынок!

Роман стоял за забором, боясь

пошевелиться, и беззвучно просил у Господа прощения за невольно подслушанный монолог.

В машине ехали сначала молча. Затем Роман с волнением сказал:

— Вы простите, но я случайно слышал то, что вы говорили там, у могилы.

— Да ничего, и вы меня простите за то, что задержала Вас, - ответила она. Взгляд женщины уже не был таким равнодушным.

— Можно спросить: когда Ваш сын умер? - спросил Роман.

— Шесть лет назад, - ровным голосом ответила Евгения Ивановна.

— Шесть лет? - удивился Роман и пояснил: - а у меня шесть

лет назад умерла мама.

— Я Вам сочувствую, - сказала она, - но поверьте: своих детей хоронить тяжелее, чем родителей. К тому же я осталась совсем одна на белом свете...

Вдруг, как будто спохватившись, она торопливо добавила:

— Зря я это говорю, ведь Вы мне ничем не поможете. Хотя нет, помогли: вот на кладбище свозили, спасибо... Немного помолчав, Евгения Ивановна сказала дрогнувшим голосом:

— Я никогда ни с кем не говорила о сыне. Да и вообще, с кем мне разговаривать? К тому же - кому нужно чужое горе?

Машина вдруг остановилась.

Евгения Ивановна выглянула в окно, за которым уже стемнело, и спросила:

— Приехали? Выходить?

— Да нет, мы еще не доехали, - ответил Роман и, повернувшись к ней, сердечно предложил, - а может, ко мне поедем? Поужинаем вместе: моя Валя собиралась блины печь. А потом я Вас отвезу домой!

— Нет, нет! - испуганно отмахнулась Евгения Ивановна, - Не надо меня жалеть! Довезите только домой и... спасибо Вам за все.

Но машина не двинулась с места, с минуту оба молчали, а затем Роман, уже не оборачиваясь к ней, твердым голосом, почти

официально, проговорил:

— Я очень прошу Вас принять мое предложение. У Вас шесть лет назад умер сын, у меня - мать. С этого дня я хочу стать для Вас сыном, а Вы не откажитесь быть моей матерью. Расстаньтесь со своим одиночеством!

Он не поворачивался к ней до тех пор, пока не услышал в напряженной тишине тихие короткие всхлипывания. Сильно бьющимся сердцем Роман понял и принял ее безгласный ответ и мягко сказал:

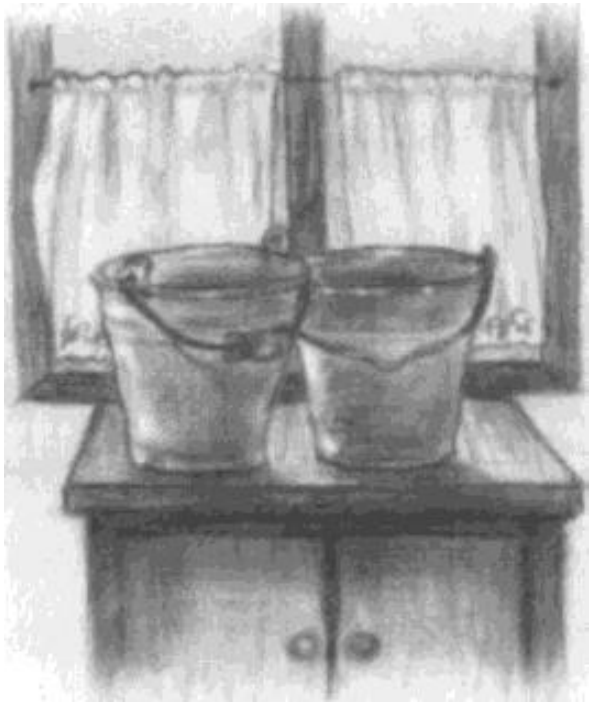
— Не надо!.. Не плачьте... мама.

И вздрогнул от неожиданного счастья, когда ее рука с нежностью легла на его высокое плечо.

— Ничего, ничего, ты не беспокойся... сынок, - едва слышно проговорила она со слезами, - поехали домой.

...Через короткое время Евгения Ивановна всем сердцем обратилась ко Христу, обретя таким образом не только земную, но и небесную вечную семью.

Два ведра

Поздно вечером Василий возвращался из соседнего села: ездил навестить родного брата. Уже съезжая на велосипеде с некрутой горки в родное село, он взглянул вперед и едва удержал руль: недалеко от его дома, который стоял на краю села, возвышалась огромная брезентовая палатка. Освещенная с разных сторон электрическими лампочками, она напоминала большой корабль, готовый к плаванию. Виднелись какие-то надписи. Подъехав ближе, Василий прочитал: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» и «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий верующий в Него не

погиб, но имел жизнь вечную».

— А-а-а, вот вы кто! - злобно прищурившись, Василий резво вскочил на велосипед и через несколько минут уже входил в свою тесноватую, хорошо протопленную избу. Жена Лида не спала: склонив голову у небольшой лампы, она что-то зашивала. Увидев входящего в комнату мужа, отложила работу и тепло поприветствовала его:

— Слава Господу!

Не ответив, Василий с размаху швырнул на застеленный ковриком пол небольшую сумку с гостинцами и почти выбежал из дома. Встревоженная Лида быстренько накинула на себя куртку и побежала следом за мужем. Она нашла его в

коровнике. Собирая лопатой помет, Василий складывал его в большое ржавое ведро.

— Что ты делаешь? - с недоумением спросила жена.

В ответ он только грязно выругался, торопясь скорее закончить свое дело. Набрав второе ведро, Василий вышел во двор и добавил в ведра грязную воду. С трудом подняв оба ведра, он вышел из дворика и направился к палатке.

Осознав, что муж затеял недоброе, Лида некоторое время шла за ним плача и уговаривая:

— Вася, прошу тебя, не делай зла, ведь там - Божьи люди, нас Бог покарает! Остановившись

передохнуть, Василий замахнулся на жену:

— Иди отсюда, пока целая!

Всхлипывая, Лида медленно повернула к дому.

Подойдя к палатке, Василий услышал внутри негромкий мужской голос, но слов разобрать не смог. Оставив свой груз у входа, он осторожно заглянул внутрь и увидел несколько длинных дощатых лавок и стол со стопками книг.

Несколько мужчин и женщин, преклонив колени, молились с закрытыми глазами.

— Попались, голубчики! - ожесточенно прошептал Василий и взяв ведра, тихонько вошел в палатку. Затем он начал

действовать стремительно: подняв одно из ведер, прицелившись, со всего маху «ударил» зловонной жижей прямо в группу молящихся. После этого, сразу же отбросив пустое ведро в сторону, схватил второе и изо всех сил плеснул содержимым на приготовленные пачки христианской литературы. Быстро закончив свою грязную работу, Василий с пустым ведром в руках выскочил из палатки и что есть мочи побежал в сторону леса.

Переночевал он в маленькой заброшенной избушке на краю села, где когда-то жил лесничий, а утром опять пошел к брату в соседнее село. Идти пешком было далековато, но за велосипедом

зайти домой побоялся. Полдороги почти бежал, но сильно устав, замедлил шаг и начал серьезно переживать: «Там, наверное, милицию уже нагнали, а я, чурбан, еще и ведро там одно оставил... Теперь могут дело пришить».

Он уже сожалел о содеянном зле, но только потому, что опасался наказания.

Увидев Василия, брат удивился:

— Ты что? Забыл что-нибудь?

— Да, забыл! Ведро забыл! Глупый я, Петя, человек!

— Ведро? Какое ведро? - с тревогой вглядывался в него брат.

— Да не у тебя, не у тебя забыл! У тебя-то всё на месте, всё в

порядке, а у меня вот... Ох, Петя, заварится теперь каша! - с этими словами Василий устало опустился на лавку во дворе.

— Да что случилось-то? Говори! - приказал не на шутку встревоженный брат.

— Да натворил я делов-то! Горячий я, сам знаешь! - жалобно признался Василий и рассказал брату о своем поступке.

— Я тебе, Вася, всегда говорил: сначала подумай, потом - делай! А ты - наоборот! - с огорчением выслушав Василия Петр ударил по лавке кулаком:

— И нас всех позоришь! Тот совсем упал духом:

— Что ж теперь, а? Я хотел

как лучше: ведь батюшка в церкви говорил: всех отступников наказывать надо!

— Батюшка говорил! - недовольно передразнил Василия брат, - а ты что, своей головы не имеешь? Пусть он сам с ними и расправляется, если такой умный! А тебе они чего плохого сделали?

— Да я уж и сам жалею! - с досадой вздохнул Василий, - налей, брат, сто грамм для храбрости, я уж у тебя перебуду дня три, может и утихнет все...

— Утихнет! - не успокаивался Петр, - теперь и ко мне милиция нагрянуть может! Устроил ты всем нам сюрприз, спасибо!

Жена Петра, узнав причину возвращения к ним Василия, стала было требовать, чтобы муж выставил его из дома как преступника, но тот твердо заявил:

— Цыц! Брат он мне, беду пополам разделим!

Прошли три дня, и Василий решился вернуться домой:

— Будь что будет, сколько же мне тут прятаться? Спасибо вам, что приняли, - поблагодарив родных, он сел на старенький велосипед брата и отправился в путь.

Спустившись с горки, Василий увидел возле палатки группу односельчан, которые гуськом заходили внутрь. Он немного помедлил и увидев, что все

скрылись в палатке, быстро проехал мимо.

Жены дома не было. В домике всё блестело от чистоты и порядка. Из кухни вкусно пахло его любимыми пирожками с капустой. Раздевшись, Василий пошел на кухню: так и есть - в большой миске горкой возвышались еще теплые поджаристые пирожки, аккуратно прикрытые белоснежной салфеткой. Взяв пирожок, он прошелся по всем помещениям своей небольшой хатки, внимательно осмотрев все, но никаких признаков того, что его разыскивает милиция, не нашел.

Немного успокоившись, Василий вернулся на кухню и основательно подкрепившись пирожками с

борщом, прилег вздремнуть, но услышав скрип открывающейся двери, тут же вскочил.

В комнату вошла жена и увидев его, очень обрадовалась:

— Как хорошо, что ты вернулся, слава Господу!

— А что такое? - нахмурившись, Василий в напряженном ожидании смотрел на Лиду.

— Как, что такое? Исчез на три дня и спрашиваешь! - с мягкой укоризной ответила она.

— А что, меня тут искали? - не выдержал Василий.

— Нет, никто тебя не искал. Я-то, конечно, переживала за твой поступок... и за тебя тоже. Но потом

поняла, что ты у Петра. Я даже знала почему-то, что ты сегодня вернешься: пирожков с капустой напекла! - с радостью объяснила Лида.

— Спасибо тебе, вкусные! - тихо отозвался Василий.

Жена с удивлением посмотрела на него: раньше он никогда не благодарил и не хвалил ее.

Осмелев, Лида вдруг предложила:

— Вася, тут в палатке такие хорошие христианские собрания проходят: из Библии рассказывают, песни о Христе поют... Почти все сельчане ходят и я тоже. Правда, сегодня не до конца была: сердце чувствовало, что ты вернулся!

Может, пойдем сейчас вместе?

Василий хмуро посмотрел на жену:

— Ты что? Забыла, что я натворил там?

Лида подошла и прижалась щекой к его плечу:

— Вася, они такие люди!.. Ты увидишь, они простят тебя. А главное, о Христе узнаешь! Он, оказывается, даром всех прощает - кто хочет, конечно... Но только Ему это не даром далось: Он страдал, Вася, очень сильно. И Кровью Своею нас искупил! И меня, грешницу.

Расширив от изумления глаза, Василий слушал жену, заметив, что в ней появилось что-то новое,

мягкое, неуловимое и неизвестное ему.

— Пошли! - решительно скомандовал он, осознав вдруг, что вина за содеянное не даст ему покоя: пусть уж лучше накажут или отругают, но только чтобы не ходить с этой тяжестью!

Народу в палатке было много, все лавки были заняты, но увидев вошедшего Василия с женой, односельчане задвигались и один за другим замахали руками: «Сюда, сюда проходите!»

Проповедник говорил что-то о грехах, но Василий никак не мог сосредоточиться: увидев впереди верующих, он опять вспомнил, как в тот день со злобой плеснул жидкую

зловонную грязь прямо на молящихся. Быстро схватив тогда второе ведро, он видел, как они поднимаются с колен, но никто из них почему-то даже не подал голоса.

Возможно, размышлял Василий, они сразу онемели от неожиданности, но почему они и позднее не стали разыскивать его?

Вдруг он услышал слова проповедника:

— Время нашего собрания подходит к концу: может быть кто-нибудь еще хочет примириться с Богом?

— А я с Ним и не ссорился! - хотелось дерзко выкрикнуть Василию и этим опять навредить верующим. И в этот момент он вдруг

понял, что им управляет какая- то злая сила. «Ведь я шел сюда с твердым желанием примириться с теми, кому я сделал плохо, кто же меня опять толкает на преступление?»

— Конечно же, диавол - враг души человека, старается сейчас удержать вас от важного шага, - продолжал призывать к покаянию проповедник, - поэтому всё зависит от вашей воли, от вашего выбора. Подумайте хорошо: кому вы хотите служить - Иисусу Христу, Который любит вас и заплатил за ваше освобождение Своею Кровью, или же диаволу, который ненавидит вас и заставляет делать зло?

Василий низко опустил голову и

спрятался за спиной впереди сидящего человека. Ему показалось, что проповедник узнал его и сейчас расскажет всем о его ужасном поступке. Последние слова проповедника потрясли его: так вот, оказывается, кто управляет им! Василию стало очень тяжело дышать: прежде он думал, что виноват только в одном преступлении, а сейчас понял, что это не так, что он всю жизнь делает зло. Он беспокойно заерзал на лавке. Не понимая, что с ним происходит, жена повернулась и тихонько шепнула ему на ухо: «Скоро закончится!», но он в ответ только тяжело вздохнул.

После проповеди все встали и

начали петь песню «Грех победить желаешь ли ты?» Василию с женой передали песенник, и он стал тихо петь со всеми. Теперь ему хотелось громко крикнуть: «Я желаю! Желаю победить грех, но как это сделать?»

«Есть сила в Крови, Крови Христа!» - дружно продолжали петь собравшиеся. Василий подхватил эти слова и всем сердцем с удовольствием повторял их. Когда закончили петь, один юноша лет шестнадцати вышел вперед и встав на колени, в слезах попросил у Господа прощения. Глядя на него, Василий аж вспотел от волнения: «Такой молодой кается перед Богом, а ведь я гораздо больше нагрешил!» Но после собрания он так и не

решился подойти к верующим, чтобы признать свою вину перед ними.

Домой шли молча. Перед ужином, накрыв на стол, Лида встала.

— Ты что? - удивился муж.

— Помолиться хочу, поблагодарить Господа за пищу, - коротко объяснила она.

— Ты ведь раньше не молилась! - продолжал выяснять Василий.

— Раньше не молилась, потому что жила в грехах, во тьме, а сейчас я дитя Божье и служу Христу, - твердо ответила Лида.

Он опешил.

— Ты что... тоже выходила

там вперед каяться?

— Да, Вася, выходила! Благодарю Господа, что Он дал мне желание просить у Него прощения и за то, что Он простил меня! - светло улыбнулась жена.

Знакомая Василию злая сила начала было подталкивать его сделать что-то скверное, но тут он, вспомнив, кто это делает, впервые внутренне обратился к Богу: «Господи, помоги мне сейчас не сделать зла!». Его сердце вдруг наполнилось каким-то умиротворением, покоем. Он встал и увидев вопросительный взгляд жены, сказал:

— Что же ты молчишь? Молись!

Лида прикрыла глаза и попросила у Господа благословения, поблагодарив Его за хлеб насущный.

— Аминь! - подтвердил Василий вместе с женой.

Ночью он долго не мог заснуть. «Есть сила в Крови,

Крови Христа» - шепотом вспоминал он слова песни. Да, сегодня Бог показал ему Свою силу. Ведь Василий собирался уже ударить жену, но когда обратился в молитве к Богу, сразу же успокоился. «Неужели все так просто?» - как-то не верилось ему и вдруг вспомнились слова жены: «Даром! Бог все хорошее дает человеку даром! Ради Иисуса

Христа он даже прощает всех грешников».

Василий вскочил и посмотрел на часы: три часа ночи. Как жаль, до утреннего собрания в палатке - еще семь часов! Ему вдруг показалось, что он не выдержит столько, в сердце его происходило что-то важное. Спать он уже не мог, лежать тоже не хотелось. Быстро одевшись, Василий взглянул на жену: крепко спит, счастливая!

Он вышел во двор и увидел освещенную лампами палатку. Его бросило в жар, когда он опять стал размышлять о своем поступке. Как тяжело было, наверное, верующим отмывать всю эту зловонную грязь, которую он вылил на них! «А книги?

Ведь это были святые книги! - застонала в мучении за соделанное душа Василия. - Что же я наделал? Но почему они все-таки не вызвали милицию?»

Он не заметил, как оказался у входа в палатку. С удивлением услышав тихое стройное пение, взволнованно решил: «Войду! Будь что будет!»

Верующие не удивились ночному гостю:

— Входите, пожалуйста! - радушно пригласили они.

Увидев перед собой только двух мужчин, Василий озадаченно оглядывался по сторонам.

— Мы дежурные, - объяснил один из них, - остальные отдыхают в

домах у братьев и сестер из вашего села. Их пригласили к себе те, которые покаялись во время благовестия.

— А можно всех ваших сейчас разбудить и позвать сюда? - нетерпеливо прервал его Василий, - я до утра не выдержу!

— А что случилось? - озадаченно поинтересовались братья.

— Хочу признаться в преступлении перед вами и попросить прощения! - на одном дыхании произнес ночной гость.

— Хорошо! - серьезно ответили верующие, - сейчас позовем остальных.

Один из них ушел и через

короткое время вернулся вместе с теми, кто отдыхал. Молчавший до их возвращения Василий одобрительно кивнул головой:

— Все правильно: четыре мужика и три женщины. Вдруг, он почти крикнул:

— Никто из вас не узнает меня?

— Почему? Еще на собрании узнали, - спокойно ответил один из верующих, постарше возрастом, - кстати, мы хотим вернуть ваше имущество.

При этих словах молодая женщина в платочке ушла куда-то в угол палатки и вернулась с большим ведром. Василий с трудом узнал свое орудие преступления: так

тщательно оно было вычищено. Вспомнив, чем он несколько дней назад его наполнил, он чуть не заплакал.

— А почему вы милицию не вызвали? - тихо спросил Василий.

— Разве милиция может искоренить грех? - вздохнул один из дежурных, - она ловит преступников, чтобы наказать их, а мы, христиане, прощаем всех, кто делает нам зло.

— И меня? И меня вы можете простить? - выдавил Василий, тяжело дыша.

— Мы вас еще тогда сразу простили и молимся о вас Господу! - дружелюбно сказал пожилой верующий.

— А Бог? - вдруг с

отчаянием спросил Василий, - Бог тоже простил меня?

— Вот этого я не знаю, - серьезно ответил верующий, - но я точно знаю, что Бог прощает каждого приходящего к Нему грешника. «Приходящего ко Мне не изгоню вон» - так написано в Библии.

— Как жалко! - воскликнул Василий и взмахнул рукой.

— Вы, может быть, не поняли Божьих слов, - осторожно начал другой верующий, помоложе.

— Да все я понял! - перебил его Василий, - я говорю, жалко, что до собрания осталось еще около шести часов: я с Богом хочу примириться, но боюсь, не дождусь,

сердце выскакивает!

Верующие, в том числе и сестры, радостно заулыбались, а пожилой брат с волнением сказал:

— В Божьем Слове написано: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». Нас тут больше, значит Христос здесь, с нами!

Василий не стал больше ждать ни минуты. Он быстро шагнул вперед, задев при этом стоящее рядом ведро. Оно перевернулось и покатившись, со звоном ударилось о деревянную лавку. Со слезами посмотрев на него, Василий опустился на колени и закрыв лицо руками, сказал: «Господи, вот и я катился по жизни, как это пустое

ведро и докатился: Божьих людей, святые книги грязью облил! А они мне даже ведро чистым вернули и сами отмылись. Они-то чистые, и внутри тоже, а я грязный, Господи, прости Ты меня! Чистым быть хочу и верю: есть сила в Крови Христа и для меня!»

После молитвы пожилого верующего, все подошли к Василию и по очереди с радостью пожали ему руку, поприветствовав его как брата.

— Простите меня, братья и сестры! - сердечно попросил он, - я как слепой был. И Библию иногда читал, и в церковь ходил, а себя самого не видел! Благодарю Господа, что Он вас с палаткой сюда прислал и от злой силы, что мной

управляла, помог освободиться. Есть сила в Крови Христа!

...Проснувшись утром, Лида сразу же увидела два больших, хорошо вычищенных старых ведра, которые стояли на небольшой тумбочке у кровати. Удивленно посматривая на них, она быстро оделась и пройдя в кухню замерла у порога: муж, тихонько напевая, готовил завтрак. За всю их совместную жизнь такого еще не было! Она осторожно произнесла:

— Доброе утро!

Увидев жену, Василий радостно улыбнулся:

— Приветствую тебя, дорогая сестра во Христе!

Лида с изумлением смотрела на

него:

— Ты что, покаялся? Но ведь собрание - только через два часа будет! Подойдя, Василий обнял жену и сказал:

— Господь устроил внеочередное собрание в палатке в 4 часа утра, потому что один большой грешник уже не мог терпеть своих грехов. Есть сила в Крови Христа!

— Слава Господу, как я рада, - воскликнула Лида и спросила:

— Но что значат эти два ведра на тумбочке?

— Не переживай, я не оставлю их там! - засмеялся Василий, - и все-таки они мне

дороги: ведь именно таким путем Господь привел меня к Себе! Никогда не надо забывать о глубине рва, из которого нас извлек Христос!

Отличная девчонка

«Неровные пути сделаются гладкими» Лк. 3:5

— Кто сегодня ночью должен дежурить у Виктора Павловича? - спросил Коля, руководитель молодежи в церкви.

— Я! - с радостной готовностью отозвалась Валя, симпатичная черноглазая девушка. Заканчивался обычный субботний вечер молодежного общения в Молитвенном доме. Вдохновенно

спев последний гимн, молодежь помолилась, поблагодарив Господа за Его наставления и попросила благословения на дорогу домой, а также на дорогу Вали к больному брату во Христе.

Старец Виктор Павлович уже несколько лет был прикован к постели тяжелой болезнью, а до этого много лет активно трудился в церкви. Жил он один, в предместье города, и верующая молодежь в порядке очереди постоянно дежурила возле него, оказывая необходимую помощь.

Было уже около одиннадцати вечера, когда Валя села в почти пустой вагон последней электрички. В ее сердце продолжал звучать

недавно спетый гимн:

«Сила молитвы несет утешенье,
Сила молитвы - победы залог!
Если к Нему вознесешь ты моленье,
Верь, что на помощь придет к тебе Бог!»

Девушка прикрыла глаза, чтобы немного отдохнуть: ведь ей предстояла, возможно, бессонная ночь у постели тяжелобольного. Но на душе было легко и радостно.

«Как хорошо, Господь, с Тобой! - беззвучно помолилась Валя. - Везде и всегда я чувствую Твою любовь и заботу обо мне!» Взглянув в окно, девушка поднялась и направилась к

выходу: приближалась ее станция.

Выйдя из вагона, Валя быстро сбежала по тропинке вниз; минут десять ей предстояло пройти по густо заросшему старому парку, но она уже не раз проделывала этот путь.

Неожиданно из-за кустов выросли две мужские фигуры, в темноте она даже не смогла разглядеть их лиц. Они молча подхватили девушку под руки и силой увлекли в глубину парка. Один из них включил фонарик, и Валя увидела перед собой лица двух крепких парней. Тот, что держал фонарь, был высокого роста, другой - пониже. Несколько мгновений они насмешливо

разглядывали ее. Затем высокий развязно сказал:

— Ну что стоишь, как вкопанная? Сама разденешься или тебя раздеть?

Валя еще не до конца осознавала, в какое опасное положение она попала: все произошло так внезапно! Вначале ощутила досаду: почему такое случилось? Ведь совсем недавно она вместе с молодежью просила у Господа благословения на дорогу! Но затем девушка сразу же отогнала от себя неугодные мысли: «Несмотря ни на что, Господи, я вполне доверяю Тебе и знаю, что Ты никогда не оставишь меня!»

— Та-а-а-к! Не хочешь,

значит, сама! - истолковал молчание Вали тот, что пониже, и сделал к ней шаг.

— Разрешите мне помолиться! - вдруг попросила девушка. Парень остановился и оглянулся на высокого, а тот повелительно приказал:

— Молись!

Оба с интересом наблюдали за ней. Опустившись на колени, Валя вслух обратилась к Богу:

— Господи, благодарю Тебя, что Ты всегда со мной! Я не знаю, почему оказалась в таких тяжелых обстоятельствах, но я полагаюсь на Тебя! Ты знаешь, что сегодня мне нужно дежурить возле Виктора Павловича. Прошу Тебя, позаботься

о нем: ведь он совсем беспомощный! В руки Твои отдаю свое тело, душу и дух, пусть все будет по воле Твоей!

Минута тишины после молитвы показалась ей часом.

— Это какой Виктор Павлович? Садовник наш, что ли? - наконец, спросил высокий.

— Садовник, - ответила Валя, - только сейчас он тяжело болен.

— Это мы знаем! Чего же ты сразу не сказала, к кому идешь! - чуть не перебивая друг друга заговорили оба, - Виктора Павловича мы хорошо знаем - отличный дед, и в Бога правильно верит! Пошли, проводим тебя...

Вале все еще не верилось, что опасность миновала. Она попыталась расстаться со своими новыми знакомыми:

— Спасибо, я сама дойду, дорогу знаю...

— Нет, нет! - замахали руками оба, - тут очень опасно, мы проводим!

По дороге высокий спросил:

— Как же ты не боишься одна в темноте ходить?

— Вдвоем - не всегда есть возможность, - охотно объяснила девушка, - у нас в церкви одни работают, другие - учатся. Мы составили график посещений и ходим по очереди, надеясь на Бога.

— А зачем вообще вам-то,

молодым, в церковь ходить? - поинтересовался тот, что пониже.

— Понимаешь, каждый из нас в свое время осознал, что жизнь без Бога - это какое-то бессмысленное существование, - ответила Валя.

— А теперь нашли смысл? - насмешливо спросил низкий.

— Да, - спокойно отреагировала на его выпад девушка, - Господь многое открыл нам, в том числе и то, что земная жизнь - только трамплин в Вечность.

— О, такого я еще не слышал! - заинтересованно вступил в разговор высокий, - я вообще-то сразу понял, что ты - не то, что мы думали. Короче, не такая, как другие

сейчас! Даже кофточка у тебя какая-то скромная: таких теперь ни у кого не увидишь. Все полуголые ходят, даже жениться неинтересно!

— Бог людей одел - отозвалась Валя, - а дьявол раздевает, потому что хочет в еще больший грех ввести.

Недалеко показался темный силуэт небольшого домика, где жил Виктор Павлович.

— А я, к примеру, вообще не грешу, - объявил высокий, м только немного курю, но зато почти не ругаюсь.

— Самый главный грех - это жизнь без Бога, по своим планам, - сказала Валя, - ведь Он создал нас для общения с Самим Собой, для

этого и Сына Своего отдал в жертву за наши грехи.

— Об этом я уже не раз слышал, и по телевизору тоже, но думал, что это одни слова, - откликнулся невысокий и, посмотрев на девушку, продолжил:

— Сейчас, думаю, что-то в этом есть. Только тебе хорошо: ты уже во всем разобралась, а у меня - сплошной туман.

— Бог каждому желающему Себя открывает! - с улыбкой ответила Валя и остановилась. В домике горел слабый свет. Открыв калитку, девушка обернулась к своим спутникам:

— Вот я и пришла! Спасибо, что проводили, поспешу к больному

брату: он, наверное, уже беспокоится.

— Подожди! - попросил высокий и, отвернув лицо в сторону, попросил. - Ты... это... в общем, извини нас! Видно, попутал нас тот, который раздевает...

— Да никто нас не путал, сами виноваты! - горячо вмешался тот, что пониже, а высокий с удивлением взглянул на него.

— Ты не думай, - продолжил низкий, - мы никогда такого не делали. Впервые нам на ум пришло.

— Я не обижаюсь и прощаю вам от всего сердца! - искренне ответила Валя, - если хотите, приходите в следующую субботу на молодежное общение. Вот адрес, -

она протянула высокому трактат с адресом Молитвенного дома.

— А нам разве туда можно, ведь мы неверующие, то есть грешники? - удивился он.

— Всем можно, - приветливо ответила девушка, - и кстати, Христос пришел спасти не праведников, а именно грешников.

Попрощавшись, Валя направилась ко входу в дом.

— Ты отличная девчонка! - вслед ей крикнул высокий, а тот что пониже добавил, - до встречи в субботу!

Когда она скрылась за дверью, юноши отправились назад, и высокий задумчиво сказал своему другу:

— Ты знаешь, я сейчас понял, что «отличная» - это отличающаяся от других. Она действительно не такая как все.

— Ты учишься на филолога, ты и думай над словами, - отреагировал его товарищ, а я бы хотел, чтобы поскорее суббота наступила: очень хочется эту молодежь увидеть, неужели они все такие же, верующие?

В субботу оба друга боясь опоздать, прибыли в церковь на молодежное общение задолго до его начала. Один из них, тот что пониже, через короткое время покаялся и, приняв водное крещение, стал членом церкви.

Верится, что придет этот час и

для его друга.

Когда тебя постигнет горе,
Не бойся - Бог с тобой всегда!
Любовь - в Его Отцовском взоре,
С Иисусом не страшна беда!

Тех, кто Ему отдался сердцем,
Бог защитит и сохранит
Он - с теми, кто Ему поверил
И кто душей своею с Ним.

Случится ли с тобой несчастье
На непредвиденном пути,
Лишь у Него проси пощады
И с верою ответа жди!

Он не оставит, не замедлит –
Спасет у роковой черты,

Печали в радость переменит
И больше даст, чем просишь ты.

На краю проруби

«Этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся» Лк. 15:24

— Ленка, если не перестанешь ходить к баптистам, убью!

Она только что вернулась из церкви и тут же услышала из комнаты угрожающие слова мужа, который вскоре и сам появился на пороге. Лена сразу заметила, что Николай опять нетрезвый. Он приблизился к ней вплотную и, источая винные пары, крикнул:

— Чего молчишь, святая? Жить надоело?

— Коля, чем я тебя обидела? - миролюбиво спросила она, без страха глядя ему в глаза.

— Чем обидела? - взревел он, - да ты меня на позор выставила! Уж и соседи знают, что ты в секту записалась! Перед друзьями стыдно.

Она молча прошла в кухню и начала выкладывать покупки из сумки.

— Ленка, я пока по-хорошему прошу: не позорь ты меня, выйди из баптистов. Да и зачем тебе эта кутерьма? - Николай был полон решимости сегодня же уговорить жену вернуться к прежней

жизни.

Поженились они шесть лет назад и детей договорились сразу не заводить. Через два года материально окрепли и решили, что пришло время обзавестись ребенком, но он так и не появился, несмотря на тщательное лечение супругов.

Николай стал часто «задерживаться» на работе, возвращался домой пьяным.

Нередко знакомые тайком сообщали Лене, что встречали его с женщиной. Супруги часто ссорились, и Николай уже не против был бы и развестись, но их однокомнатная квартира принадлежала жене, а ему некуда было уйти.

Несколько месяцев назад, по совету бывшей школьной подруги Лена начала посещать христианские собрания. Через некоторое время ее было не узнать: она уже не отвечала на колкие выпады мужа и ссор не получалось. Стала задумчивой, спокойной, мягкой. Но, казалось, Николая это раздражало еще больше. Раньше во время скандалов он даже как-то своеобразно успокаивался, «разряжался» от гнева, а теперь, наталкиваясь на ее молчаливую кротость, ожесточался еще больше, не находя выхода кипящему в нем злу.

В таком состоянии Николай уже не раз бил жену, но она, негромко

вскрикнув от боли, только поднимала на него свой печальный взгляд, ничего не говоря. Этого он совсем понять не мог. Сердцем чувствуя, что Лена ничего против него не имеет, несмотря на его постоянные разборки с ней, он однажды устроил ей настоящий допрос, пытаясь понять, что с ней произошло.

Но она только коротко объяснила, что, увидев себя грешницей, покаялась перед Богом и теперь хочет жить по Его воле, приняв водное крещение.

— Ах, ты еще и креститься собралась? - чуть не задохнулся он от возмущения, - совсем уже с ума сошла?

Его рука непроизвольно поднялась для того, чтобы ударить жену, но тут в нем мгновенно созрел план отмщения. Еще больше, чем Лену, Николай возненавидел тех ужасных, по его мнению, баптистов, которые совратили ее с пути. «Я вас всех покрещу!» - внутренне восторжествовал он и, опустив занесенную над женой руку, почти миролюбиво спросил:

— А мне можно поехать с вами на крещение?

Удивленная и обрадованная таким неожиданным поворотом, Лена кивнула:

— Конечно. Все так рады будут с тобой познакомиться.

«Познакомитесь, это точно, -

жгли его злые мысли, - а радоваться больше всех буду я». Правда, свой план мести Николай еще не отработал в деталях, но уже горел желанием показать «сектантам», что не все у них получится так, как им хочется.

Дело было зимой, и крещение назначили на реке, в проруби. Путь предстоял долгий.

В назначенный день Николай принял хорошую порцию, как он выражался, «обезболивающего»: для храбрости и чтоб не скучно было ехать среди религиозников. Да еще и с собой прихватил бутылочку спиртного, содержимым которой он и собрался «покрестить» участников, только еще не решил,

каким именно образом. Подходя с женой к Молитвенному дому, Николай почувствовал, что сильно перебрал и стал опасаться, что в таком виде его не возьмут в поездку. Но верующие приветливо поздоровавшись, предложили супругам войти в автобус. Николай не захотел сесть рядом с женой, а устроился сзади, где никого не было.

Он хмуро поглядывал на собравшихся, ожидая какого- нибудь повода для того, чтобы оскорбить их. Но на него никто не обращал внимания. Когда автобус двинулся, верующие запели христианский гимн, а Николай пьяным голосом громко затянул блатные частушки.

К нему подсел какой-то пожилой мужчина и, дружески обратившись, хотел что-то сказать, но Николай, схватив его за воротник куртки, стал с силой трясти со злостью повторяя:

— Я вас всех покрещу!

Верующий вырываться не стал, а только молча смотрел на него; ничего не сказал, даже когда затрещала разорванная ткань куртки. Удивившись спокойствию мужчины, Николай оттолкнул его от себя, неуверенно повторив:

— Всех покрещу!

Он соображал уже с большим трудом, лицо стало багровым, взгляд - бессмысленным. Ему стало плохо. Автобус остановился возле леса. Братья аккуратно вывели

обмякшего Николая из автобуса и, поддерживая под руки, несколько раз протерли его лицо свежим снегом, чтобы он протрезвел. Затем все вернулись в автобус и двинулись дальше. После снеготерапии Николай действительно почти протрезвел и с интересом наблюдал за верующими. В автобусе находилось около сорока человек, но было довольно тихо и спокойно.

Он вспомнил свои утренние и вечерние рейсы на работу в служебном автобусе: крики, хохот, анекдоты... Шум стоял такой, что говорящие себя едва слышали. А тут как-то уютно и... приятно. «Да ну, чего хорошего- то? - вдруг испугался

он собственных рассуждений, - скукота одна!»

К нему по проходу пробрался юноша. В руке он держал пластмассовую тарелку, на которой были аппетитные бутерброды, и приветливо улыбнувшись, предложил:

— Возьмите!

Николай почувствовал голод, но тут какая-то злая сила в нем мощным приливом подняла его руку, которая, казалось, сама ударила по тарелке: бутерброды упали на пол. Юноша молча подобрал их и ушел вперед на свое место.

Впервые Николаю стало как-то не по себе, но справиться с собой он не мог и опять громко крикнул в

сторону водителя:

— Давай, рули быстрее, сейчас крестить вас буду!

Его жена сидела впереди среди сестер. Николай видел только кусочек голубого как небо платочка, которым она утром покрыла голову, и прошептал: «А тебя, милая, покрещу в первую очередь!»

Автобус подъехал к реке, все вышли и спустились вниз к проруби. Николай нащупал во внутреннем кармане куртки горлышко бутылки, но затем решил помедлить с намеченным планом: пусть начинают, голубчики, потешатся немного, а уж он не замедлит посмеяться над ними.

Крещаемые, несколько мужчин и

женщин, выстроились возле проруби: они были в белоснежной одежде, а сверху накинули пальто.

Николай изумленно смотрел на жену: ее лицо сияло неземным светом. Она сейчас была такой красивой, что он не мог отвести от нее глаз.

Вперед вышел высокий пожилой мужчина, в котором Николай узнал того, кому он недавно разорвал куртку. Он был тоже в белой одежде с Библией в руках, и когда начал говорить, Николай вдруг забыл обо всем на свете: «Ибо и мы были некогда несмысленны, непокорны, заблудшие, рабы похотей и различных удовольствий, жили в злобе и зависти, были гнусны,

ненавидели друг друга» Тит. 3:3.

«Это он про меня говорит, - вдруг понял Николай, - только откуда он все это знает?» Его вдруг стала душить какая-то тоска: острая, почти невыносимая.

Впервые в жизни он начал видеть себя Божьими глазами и ужаснулся. «Что делать? Что же делать?» - заметались мысли, больно сверля встревоженное сердце...

«Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего Бога, Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом, Которого излил на

нас обильно через Иисуса Христа, Спасителя нашего» Тит. 3:4-6.

— Спасителя нашего... - прошептал прозревший Николай и вдруг с отчаянным криком выбежал вперед и упал на колени у самой кромки проруби, в которой под ярким солнцем искрилась кристальночистая вода.

— Господи, Спаситель... прости ты меня, мерзость такую, - с трудом выговаривая слова, рыдал этот крупный, сильный мужчина, - очисть грязную внутренность мою, ради Христа прошу!..

Собравшиеся, замерев, взволнованно смотрели на того, кто еще несколько минут назад куражился, издеваясь над всем

святым. Какую же могучую силу имеет животворящее Слово Бога!

Затем помолился проповедник, поблагодарив Господа за Его очередное чудо освобождения истомленной грехами души. Николая с трудом уговорили подняться с колен. Сняв с себя куртку, он достал спрятанную в карман бутылочку водки и хотел сначала выбросить ее в прорубь, но затем, спохватившись, сказал:

— Нет, туда нельзя! Дома выкину.

После чего, протянув куртку пожилому проповеднику, смущенно произнес:

— Простите, что порвал вашу, возьмите мою: мы, кажется,

один размер носим.

Но тот отказался, объяснив, что его жена хорошая швея и быстро приведет в порядок порванную куртку, а затем, улыбаясь, спросил:

— Ну как, брат Николай, вы теперь не против крещения вашей жены?

— Не только не против, - быстро отозвался он, - но и настоятельно прошу: покрестите и меня сегодня, я у всех прошу прощения.

После короткой беседы с Николаем служители решили удовлетворить просьбу вернувшегося к Отцу блудного сына.

Возвращались обратно с песнями. На передних креслах

автобуса сидели счастливые Николай с Леной. Супруги, как молодожены, держались за руки, и задумчиво смотрели куда-то вперед. Верующие не тревожили их, понимая, что они теперь душою говорят с Тем, Кто наполнил их сердца Своей вечной любовью.

Когда-то жили мы без Бога
В плену своих плотских страстей
И, приняв рабство за свободу,
Творили каждый что хотел.

Когда же благодать явилась,
Открыв нам Господа Христа,
В Нем мы узрели Божью милость,
И Он для нас спасеньем стал.

Бог возрождает к новой жизни,
И дар Его - не по делам:
К живой воде Христа спешите,
Что омывает всех от зла.

Я не умел любить

«Посему и может всегда спасать приходящих чрез Него к Богу» Евр. 7:25

Студия звукозаписи, которую Сергей недавно выкупил в свою полную собственность, сразу же стала приносить большую прибыль. Правда, из этих денег ему регулярно приходилось немало платить резвым кавказским ребятам, которые «контролировали» частные

точки, но зато его не трогал никто из чиновников.

Втайне от многих Сергей начал тренироваться в частной закрытой школе дзюдо, имея целью создать личную охрану с самим собой во главе, чтобы перестать платить дорогостоящим кавказцам.

Его жена Рена, стройная темноволосая красавица, с которой он когда-то познакомился во время отдыха в Пицунде, в последнее время с тревогой наблюдала за мужем, который стал замкнутым и раздражительным.

— Сережа, давай сегодня вместе с детьми съездим навестить маму, ведь у нее сегодня день рождения, и она очень ждет нас, -

предложила Рена, когда муж на удивление возвратился домой ранним вечером.

Он непонимающе взглянул на нее и недовольно спросил:

— Ты что-то сказала?

Рена тяжело вздохнула, на глазах заблестели слезы:

— Сережа, что с тобой происходит? Ты уже почти не бываешь в семье! Обо мне ты совсем забыл, но это еще полбеды, ты и на детей не обращаешь внимания, скоро они тебя «дядей» будут называть.

Он зло сверкнул на нее прищуренными глазами и хрипло проговорил:

— Сама нарываешься,

Ренка! Как ты с мужем разговариваешь, который, кстати, вас всех обеспечивает по высшему классу. Че-то тебе не хватает?

— Немного тепла... - нерешительно отозвалась она, вытирая мокрое от слез лицо, и на всякий случай осторожно отодвинулась назад.

Услышав эти слова, Сергей, который в это время наливал себе кофе, с размаху бросил чашку на пол и резко развернулся к жене. Но, увидев ее перепуганное бледное лицо, стиснул зубы и быстро вышел из кухни. Через минуту за ним громко захлопнулась входная дверь, и Рена, закрыв лицо руками, громко зарыдала.

Сидя за рулем машины, Сергей старался успокоиться, но перед ним все время стояло искаженное от страха лицо жены. Он горько усмехнулся: дожился - даже жена и дети его боятся! Не говоря уже об остальных. Даже кавказские ребята теперь перед Сергеем заискивали после того, как он и его помощники доказали свою силу и преимущество. И никто из них не знал, что в нем самом живет страх, и от этого его жизнь мучительна.

Он вдруг вспомнил свое детство. В семье никто никого не любил, все жили как-то обособленно. Мать наказывала его за проступки часто, отец - реже, но ощутимей.

Однажды, когда Сережа в

очередной раз провинился, мать сказала ему: «Если расскажешь обо всем честно - не трону!» Он так и сделал, но она все равно сильно наказала его. После этого мальчик научился лгать, иногда ему это помогало. Разобщенность с родителями приводила к депрессии. Дважды он пытался уйти из жизни: в первый раз съел горсть стирального порошка, во второй - решил повеситься. Вот так он и жил: лгал и боялся. Боялся многого: побоев родителей, более сильных друзей, экзаменов и будущего. Но более всего Сергей всегда боялся смерти, хотя и предпринимал попытки самоубийства.

Повзрослев, он многому

научился, чтобы обезопасить себя: тренировал тело, успешно занимался боксом. Но окончив институт и женившись, Сергей стал бояться еще больше: теперь уже и за семью.

Работая инженером на телевидении, часто слышал трагические новости об убийствах, кражах и насилии. И тогда он решился: надо переходить на ту сторону, которая сильнее. Да и надоело ему жить на зарплату, влачить жалкое существование.

Сергей даже удивился, как легко ему удалось установить связи с преступным миром. Решил, используя свои институтские знания, наладить частное производство

звукозаписи под чьим-то сильным прикрытием, потому что в то время в стране еще царил социализм.

У новых друзей взял деньги под большие проценты и открыл свою студию. Прибыль росла, но страх не проходил. От постоянного внутреннего напряжения

Сергей сильно уставал, озлобился против всех, включая собственную семью.

Все чаще терзали мысли: зачем вообще вся эта жизнь, если даже полная обеспеченность земными богатствами не приносит покоя? И как избавиться от этого изматывающего душу страха?

И если раньше он только не умел любить, то теперь не мог избавиться

от чувства ненависти и отвращения ко всем людям.

Однажды к Сергею обратился очень влиятельный человек и сказал, что желает нанять его своим личным телохранителем, предложив огромную зарплату.

Так началась его новая карьера: опасная, но высокооплачиваемая. Не раз Сергей доказывал на практике, что не зря получает хорошие деньги: он был прекрасным боксером, отлично владел оружием.

Его боялись все - даже те, кого он охранял. И никто не подозревал, что в этом крепком, с насмешливым взглядом беспроигрышном бойце живет страх.

Втайне от своих хозяев Сергей

нередко проворачивал кое-какие дела самостоятельно. Но однажды попался, совершенно неожиданно «на горячем». После этого все понеслось так быстро, что только в тюрьме осознал, что его ждет в ближайшем будущем: он получил пять лет за вымогательство с угрозой убийства. Никто из высокопоставленных друзей ему почему-то не помог.

В первые месяцы заключения время тянулось так долго, что казалось: здесь все часы с замедленным ходом. Работа была очень тяжелой, питание - отвратительным, а условия - невыносимыми. И это после его многолетней жизни по высшему

классу!

Камера, куда его поместили, была рассчитана на двенадцать человек, но в нее набили почти вдвое больше. Спали по очереди. В тюрьме царило беззаконие: охранники издевались над заключенными, беспощадно избивали их. Сергей вдруг понял, что он здесь просто не выживет.

«Вот и все! Приехал я! Неужели в этой зловонной яме закончится моя жизнь?» - в отчаянье размышлял он, и страх смерти будто железный обруч, сжал его сердце с новой силой.

Заметив, что сосед по нарам все время что-то читает, однажды вяло попросил:

— Дай, что ли, и мне...

Тот протянул ему тоненькую книжку с надписью: «Новый Завет. Псалтырь». Сергей перевернул пару страниц и прочитал:

«Эти строки Писания помогут Вам, когда Вы в беде... Когда Вы боитесь...». Рядом указывались номера страниц.

Он внимательно прочитал все эти места, мало что понял, но несколько слов из седьмой главы Послания к Евреям врезались в его память: «Может всегда спасать». Значит, Бог может всегда спасать...

В его темной душе забрезжил лучик надежды. Он еще и еще раз перечитывал всю книгу, силясь понять, как же прийти к этому

спасающему Богу, как донести до Него то, что камнем лежит на сердце.

«Вот, стою у двери и стучу, - вновь читал Сергей знакомые уже ему строки, - если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною».

И вдруг понял: так это же Христос стучит к нему! Тот, Кто умер за него на кресте, просит сейчас: «Впусти Меня к себе, будем вечерять, будем жить вместе...»

«Но как же Он ко мне, такому, войдет? - растерялся Сергей, - ведь я грешник, большой грешник!»

Торопливо достав листок бумаги и ручку, при тусклом свете

лампочки, он стал быстро записывать все свои грехи, которые приходили ему на память. Получилось около восьмидесяти.

«Господи, за каждый из них я прошу у Тебя прощения! Спаси меня, только Ты можешь это сделать, я верю», - прошептал он, держа исписанный листок в дрожащей руке и ощущая присутствие невидимого Бога совсем рядом.

В камере все давно спали, кто на нарах, кто на полу, и никто не видел, как Сергей, стоя на коленях, что-то шептал и шептал, словно забыв, где находится.

И вдруг слабенький луч надежды в его душе вспыхнул ярким

ослепительным светом живой веры. Освобожденное от страшной тяжести греха, сердце вздохнуло легко и радостно, осознав, что произошло что-то очень важное в его жизни.

На следующий день Сергею впервые неожиданно разрешили свидание с женой, и он сразу понял, что это Бог сделал ему подарок.

За полчаса, отведенные ему для встречи с Реной, он постарался успеть рассказать ей все, что с ним произошло вчера. Сергей говорил, внутренне ликуя, оттого, что ощущал в себе огромную нежную любовь к жене, которой раньше никогда у него не было.

А Рена, глотая счастливые

слезы, повторяла:

— Я люблю тебя, всегда любила...

Сергей сообщил ей, что через неделю партию заключенных, в том числе и его, перевозят на север.

— Я поеду с тобой. Я буду там, где ты, - отозвалась она, детей пока оставлю с мамой.

Он вернулся в камеру радостно взволнованный: Рена любила его, она поедет за ним! Но больше всего его изумляло, что в нем теперь поселилась и живет любовь и притом, какая-то особенная: ему хотелось всем сделать что-то хорошее.

«Вот почему раньше я не мог любить! - вдруг догадался Сергей, -

ведь истинная любовь жертвенна, а я в прошлом сам был жертвой греха...»

В камеру принесли ужин, заключенные с мисками в руках направлялись в разные углы, чтобы поесть.

— Подождите, ребята! - вдруг громко обратился ко всем Сергей, - давайте сегодня сядем вместе, мне тут продукты из дома передали.

— О-о-о! - оживились арестанты, но он продолжил:

— Но главное - не это! У меня радость, о которой я хочу вам рассказать: я с Христом встретился!

Заключенные недоверчиво смотрели на его сияющее лицо,

один из них попытался насмешничать:

— Где встретился? Ты отсюда, вроде, никуда не выходил в последнее время.

Но Сергей приветливо взглянул на него и, выложив из сумки все принесенные женой продукты, сказал:

— Да, я пока еще в тюрьме, но прощен Богом. Вчера ночью Господь Иисус постучал ко мне, и я открыл для Него свое сердце. Вы знаете, дорогие, это удивительно, но Бог не врывается в нашу жизнь силой. Он хочет, чтобы мы сами открыли Ему свою дверь, просит, чтобы мы впустили Его к себе.

На импровизированном столе

перед арестантами была разложена манящая домашняя еда. Но все они сейчас смотрели не на нее, а на Сергея. Еще вчера он был замкнутым, грубым, никого не замечающим гордецом, а сегодня... Сегодня его как будто подменили: говорит, как опытный проповедник, а глаза сияют неподдельной любовью ко всем.

Сергей продолжал рассказывать о том, что сотворил с ним Бог и, конечно, не знал, что происходит в сердцах заключенных.

И только сердцеведец Господь с великой радостью видел, как в душах некоторых слушателей засверкали маленькие, почти незаметные искорки живой

спасающей веры.

Прости, Господь, что я любить не мог
Того, кто рядом был со мною.
Земным успехам подводя итог,
Я думал, что чего-то стою.

Прости, что не умел любить людей,
Что занят был одним собою,
И только оказавшись вдруг в беде,
Был привлечен к Тебе Любовью.

Прости за то, что долго к ней я шел
И растерял года беспечно,
Прости, что ненавистью ближних

жёг,
И душу злобою калечил.

Прости, Господь! Не думал я тогда,
Что выше счастья не бывает -
Когда желание себя отдать
Другим - все сердце наполняет!

Из грязи - в князи!

«Он исцеляет сокрушенных сердцем, и врачует скорби их» Пс. 146:3

Зита приоткрыла окно в машине и подставила лицо теплому ласковому ветерку.

Неужели они с мужем, наконец, вырвались из вертящегося колеса своих повседневных дел и сейчас

едут на отдых - в гости к своим друзьям в Россию?

Небольшое венгерское село на юго-западе Украины, где они родились и жили, осталось далеко позади. Сейчас Зита вспомнила о том, сколько было препятствий к поездке: труднее всего было решить - на кого оставить хозяйство. Их взрослые дети - сын и дочь - уже несколько лет назад обзавелись семьями, переехав в город.

Как же она благодарна Анне, своей соседке, которая согласилась на время их отсутствия кормить животных, птиц и делать другую необходимую в хозяйстве работу. Нужно будет привезти ей хороший подарок.

— Бейла, - обратилась она к мужу, сидящему за рулем и что-то тихонько напевающему, - давай где-нибудь остановимся и выпьем кофе, у меня что-то голова побаливает.

Они предусмотрительно взяли с собой термос с горячим кофе, чтобы не тратить лишние деньги в дороге. Муж согласно кивнул, и через некоторое время машина остановилась возле живописной лесной полосы.

— Смотри, как здесь красиво! Наливай кофе, а я пройдусь, покурю, - с улыбкой взглянул на нее Бейла и, выйдя из машины, направился к лесу.

Зита с удовольствием пила из чашечки крепкий ароматный кофе,

решив, что мужу нальет после того, как он вернется, чтобы напиток не остыл. Откинувшись на сиденье, она наслаждалась непривычным для нее отдыхом, предвкушая скорую встречу с русскими друзьями.

Допив кофе, она спохватилась: почему Бейлы так долго нет? Нехорошее предчувствие острым холодком кольнуло в сердце, но Зита тут же отогнала от себя плохие мысли. Может быть, муж просто решил прогуляться, любуясь многоцветьем осеннего леса?

Но ждать его ей было уже не под силу. Выйдя из машины, она быстрым шагом направилась к лесу.

— Бей-ла! Бей-ла! Где ты? - в тишине, украшенной нежной

птичьей трелью, звучал ее встревоженный голос.

Стараясь ориентироваться, чтобы не заблудиться, Зита ходила довольно долго, но все же поиски оказались безуспешными.

Внезапно ей стало очень страшно: куда же он мог деться в этой безлюдной местности? А вдруг кто- то напал на него и сейчас наблюдает за ней, своей очередной жертвой? Нужно побыстрее возвращаться к машине! К машине...

Слабый лучик надежды осветил ее потемневшую от отчаянья внутренность: возможно, Бейла уже давно вернулся к месту их стоянки и сейчас с беспокойством ожидает ее.

Зита торопливо повернула назад

и почти бежала, не обращая внимания на то, что ветки кустарника до крови царапают ее руки и ноги.

А вот и машина, но, увы, без пассажиров...

— Бейла-а-а-а! - громко, с надрывом вскричала она. - Не шути так со мной, у меня сейчас сердце разорвется!

Зита посмотрела на наручные часы: прошло уже больше двух часов после того, как муж вышел из машины.

Неужели Бейла никогда не вернется? А может быть, он просто сбежал от нее? Но какая причина? Ведь живут они все долгие годы в любви, дружно - даже соседи

завидуют. Двух детей вместе воспитали, и неплохих детей...

Просидев в машине почти без движения еще около двух часов, Зита вдруг почувствовала: муж не вернется...

У нее не было сил даже плакать. В душе ощущала какую-то мертвенную застылость, и сама себе она казалась персонажем какого-то страшного фильма или сна. Вся окружающая обстановка стала ей отвратительна. Голубизна безоблачного неба, это непрекращающееся многоголосье птичьего пения и сияющий в лучах солнца лес, куда вошел и не вернулся Бейла - все теперь казалось ей бессмысленным и

ненужным. Жизнь вокруг невозмутимо продолжалась, не принимая во внимание ее боль и страдания.

Хорошо хоть, что она когда-то научилась водить машину. Примерно через полчаса Зита въехала в какой- то небольшой городок и тут же обратилась в милицию, рассказав о случившемся.

Бейлу искали в течение трех дней, ежедневно допрашивая ее, измученную, с потухшим взглядом, а затем выдали справку о том, что ее муж пропал без вести. Всю обратную дорогу домой она безутешно рыдала, стараясь не думать о том, как ей жить дальше.

Конечно, дети, соседи, да и все

знакомые были просто потрясены случившимся. Они сновали вокруг нее, что-то кричали, советовали, возбужденно махали руками.

Но Зита отрешенно смотрела на всю эту карусель, понимая только одно: Бейла не вернется, и ничто не может исправить то, что произошло.

Наверное, если бы он просто умер, ей было бы легче. Но его загадочное неожиданное исчезновение доводило ее почти до сумасшествия. Если бы у нее хватило сил, она бы, скорее всего, покончила с собой. Но сильная внутренняя расслабленность, какая-то душевная вялость препятствовали всяким активным действиям. Зиту просто охватило

холодное безразличие ко всему.

Дети уехали в свои дома, друзья и знакомые тоже оставили ее: мало кто способен взять на себя тяжелый груз чужого горя...

Только Аня, соседка, из сочувствия к ней какое-то время еще старалась помочь по хозяйству. А у Зиты руки не поднимались для работы. Чтобы как-то угасить непрекращающуюся внутреннюю боль, она потихоньку начала выпивать.

Сразу же откуда-то появились друзья-собутыльники, и через небольшое время она незаметно для себя пропила машину, дом со всем имуществом и ушла в город, примкнув к бродячей армии бомжей,

то есть личностей без определенного места жительства.

Дочь с сыном пытались что-то сделать, как-то остановить ее неуклонное скатывание вниз, но все было бесполезно.

В течение последующих пяти лет Зита влачила свое жалкое существование и безвольно плыла по течению жизни, стараясь ни о чем не думать.

Промышляла с другими бомжами по городским мусоркам, а если удавалось раздобыть какие-то копейки, тут же пропивала их. Спала, в основном, на крышах многоэтажных домов или под открытым небом, дрожа от холода и голода.

Однажды ей повезло: она нашла в мусорном баке большой пакет, в котором была почти новая женская одежда. В кармане одного платья оказалось немного денег, которые бывшая владелица, видимо, забыла вынуть.

Первым делом Зита купила расческу, мыло, а также билет в сауну. Смыв с себя грязь, накопившуюся за несколько лет, она натянула на себя найденную одежду приобретя вполне приличный вид.

Теперь она успешно ночевала в помещении вокзала, в уюте и тепле, а когда появлялся наряд милиции, делала вид, что кого-то встречает.

Правда, через какое-то время ночной патруль, разобравшись, кто

она есть, все-таки выдворил ее из удобного помещения вокзала, запретив появляться там под угрозой ареста.

Пришлось вернуться в «бомжатник»: в уличных некомфортабельных условиях легче прожить компанией. Оказалось, что за время ее отсутствия умерли четверо бомжей - видимо, от истощения и холода.

«Скорей бы и мне на тот свет попасть» - с тоской подумала Зита, и тут впервые мелькнула мысль: «А есть ли вообще «тот свет» и что будет после смерти?»

Она поделилась своими переживаниями с одной бомжихой, в прошлом кандидатом философских

наук, и та, чихнув несколько раз подряд то ли от холода, то ли от необычного разговора, глубокомысленно ответила, потирая озябшие руки:

— Если взять гипотезой, что есть Бог, то тогда наша душа бессмертна, как и Он. Но если Он действительно есть, то почему тогда не наведет порядок на созданной им Земле? Лично я уже ни во что не верю. А ты сильно не беспокойся: от этой житухи скоро будем на том свете, там все и узнаем.

Она разразилась громким хриплым смехом, который затем сменил долго непрекращающийся кашель.

Но Зите от этих слов легче не

стало. Все больше ее мучили вопросы: зачем она появилась на свет? Почему Бог, если Он есть, назначил для нее все эти беды? И вообще, есть ли в чем-то какой-то смысл?

Ей почему-то важно было узнать обо всем этом как можно скорее, и однажды она, недоверчиво подняв глаза к небу, сказала:

— Бог, я не знаю, существуешь ли Ты вообще... Но если Ты слышишь меня, постарайся дать знать мне об этом.

На следующее утро она, как обычно, отправилась на рынок, где иногда ей удавалось выпросить у торговцев кое-какую еду. Сегодня ей дали только одно подгнившее

яблоко. Протерев его о рукав куртки, Зита склонила голову, жадно впившись зубами в сочную мякоть и в этот момент увидела прямо перед собой чью-то протянутую к ней руку, держащую большой бутерброд.

Услышав приветливое:

— Возьмите, пожалуйста! - она подняла голову и обомлела: перед ней стояла бывшая жительница их села Марта, с которой она когда-то поддерживала дружеские отношения.

Правда, Марта уже давно переехала на новое место жительства и вряд ли знала о трагических событиях в ее жизни. Сейчас она смотрела на Зиту ласково, с сочувствием, но, видимо,

не узнавала ее.

— Здравствуй, Марта, - с волнением произнесла Зита.

Та в недоумении смотрела на нее несколько мгновений, затем в ее взгляде что-то промелькнуло и она, в изумлении охнув, тут же прикрыла рот рукой.

— Зи-и-и-та? - медленно, вопросительно, как бы надеясь, что ошиблась, произнесла бывшая односельчанка.

— Да, это я! - быстро согласилась та, поочередно откусывая то яблоко, то бутерброд. Они присели на скамейку, и Зита, удивляясь тому, что Марта совсем не стесняется сидеть с ней на виду у всех, подробно рассказала по ее

просьбе обо всем, что случилось.

Потом они долго молчали, потому что Марта тихонько плакала вместе с ней, и они не могли произнести ни слова, да это и не нужно было сейчас.

Давно Зите не было так хорошо на душе: впервые за долгие годы она ощутила искреннее сочувствие к себе. Какая-то острая льдинка в самой глубине ее сердца, казалось, оттаяла и теплой струйкой согрела всю внутренность.

— Ну ладно, спасибо за бутерброд, пойду я, - заторопилась она, - у тебя ведь дел, наверное, полно - не то, что у меня.

— Зита, послушай, - с волнением начала Марта, - к

сожалению, я не могу пригласить тебя к себе, потому что у меня неверующий муж, да еще с таким характером. Но я прошу тебя прийти к нам в церковь, а там мы что-нибудь придумаем в смысле жилья.

— Ты что, стала верующей? - удивилась Зита.

— Да, я теперь христианка, - с радостью ответила Марта, - верю, что и тебе Господь скоро откроется: ведь наша встреча не случайна.

У Зиты вдруг сильно забилось сердце: сейчас она вспомнила свое первое неуклюжее и маловерное обращение к Богу. Так, значит, Он действительно существует? Он услышал ее короткую молитву и так быстро ответил на просьбу.

— Я обязательно приду в церковь, - решительно ответила она, - можешь не сомневаться.

Во время первого же посещения христианского собрания Зита покаялась перед Богом в своих грехах и обратилась к нему всем сердцем. Счастливая, она шла к дому, где жил сын: ей захотелось немедленно увидеть своих детей и рассказать им о том важном событии, которое произошло в ее жизни сегодня.

Вдруг Зита увидела, что навстречу ей идет бомж, в котором она сразу узнала одного из своих старых друзей по несчастью.

Когда она остановилась и поздоровалась с ним, он долго не

мог понять, что хочет от него эта улыбающаяся красивая женщина. С большим трудом он, наконец, узнал ее, и Зита с волнением рассказала ему о том, что совершил Бог в ее жизни.

— Да-а-а, - неопределенно протянул тот, продолжая недоверчиво разглядывать сияющую Зиту, - значит, ты из грязи - в князи.

— Точно! - рассмеялась она, совсем не обидевшись. - И ты так же можешь.

— Мне уже ничего не поможет, - отмахнулся он и равнодушно сообщил, - Кольку с Зинкой помнишь? Вчера дуба дали. Ночью-то мороз был сильный, а они

на крыше заснули, ну и замерзли насмерть. Ведь говорил им: пошли со мной в подвал! Я, Зитка, подвал люксовый нашел: тепло, и на ночь не закрывают. Да что теперь тебе рассказывать?

Махнув опять рукой, он пошел дальше, не попрощавшись, алчно озираясь по сторонам в поисках чего- нибудь для себя полезного.

А Зита, прикрыв глаза, со слезами молилась о нем и обо всех тех, кого теперь ей так хотелось привести к

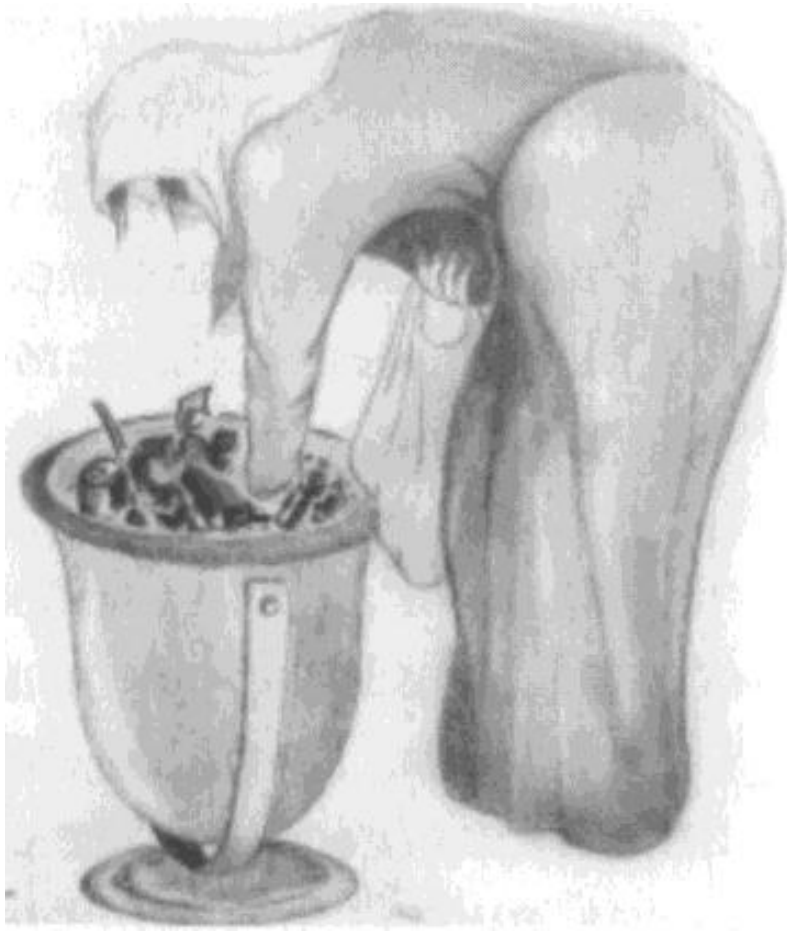
Господу, к Тому единственному, Кто силой Своей любви способен всех нас перевести из грязи - в князи!

Когда беда ворвется вихрем
В привычной жизни колею -
Приди в молитве к Богу тихо,
Излив пред Ним всю боль свою.

Лишь Он один утешить может,
Все зло ко благу обратив,
И понесет всю тяжесть ноши
С тобою до конца пути.

Страданья усмиряют гордость,
Полезна плоти теснота:
Через назначенные скорби
Душа касается Христа...

Чужая бомба

В этот день Таисия отпросилась с работы на два часа раньше, чтобы успеть к приходу мужа купить и приготовить что-нибудь вкусненькое. Вчера супруги после недельной «войны», наконец, примирились, и Тае захотелось отметить этот день.

Вообще-то с мужем Димой

Таисия жила неплохо. Он не пил, не курил, не изменял ей - по крайней мере, она ничего об этом не знала. Работал он прорабом на стройке и неплохо зарабатывал, но вспыльчивый характер Таи иногда приводил к ссорам. Правда, она быстро отходила и потом всеми силами старалась загладить свои проступки.

Их единственный сын Гена пошел в отца: спокойный, работящий, и по дому всегда поможет. Сейчас он заканчивал школу и собирался продолжить учебу в университете.

Напевая, Таисия выложила из хозяйственной сумки продукты и включила электроплиту. Для

праздничного стола она купила ореховый торт, который муж очень любил. Услышав, что входная дверь открылась, Тая поспешила в прихожую и с удивлением увидела входящего в квартиру Дмитрия: в руках он держал букет цветов.

— Ты уже дома? - удивившись в свою очередь, радостно спросил он, вручая ей цветы.

— Да! - лучезарно улыбаясь, ответила она. - Я отпросилась пораньше, чтобы приготовить для тебя праздничный ужин.

— Спасибо, родная, - Дима прямо разомлел от ее нежных взглядов и подошел, собираясь обнять жену.

— Нет, нет! - шутливо отстранилась она. - Сейчас мне нужно срочно на кухню. Входная дверь опять открылась: пришел Гена.

— Ты уже дома? - увидев мать, обрадовался и он.

— Да, и отец - тоже, м ответила она. - Ты, надеюсь, нигде не перекусывал? Я готовлю на ужин нечто грандиозное.

— Ого! - разглядывая выложенные на столе продукты, воскликнул Генка, - не переживай: я голоден как волк!

Тая чмокнула сына в щеку и невольно залюбовалась его красивым лицом и стройным станом: завидный жених вырос.

— Ма, смотри, я нашел классный фонарик: валялся никому не нужный возле шикарного автомобиля, - доложил сын, показывая ей свою находку.

— Ты как маленький, - ласково укорила она его. - А вообще, богатых сейчас много: выбрасывают почти новые вещи.

Гена отправился в комнату, к отцу, а Тая стала нарезать овощи для салата, поглядывая в духовку, где жарились куриные окорочка.

Дальнейшее было похоже на кошмарный сон. Раздался оглушительный взрыв. Какая-то сила приподняла Таю и отшвырнула в сторону. Она ударилась головой о стену и, потеряв сознание, больше

ничего уже не видела и не слышала...

Очнулась на больничной койке и не могла ничего вспомнить. Открыла глаза, но почему-то ничего не увидела: сплошная тьма. Ей стало очень страшно: что с ней случилось, где она находится?

Тая крикнула, но не услышала собственного голоса, и тут ее осенило: видимо, она потеряла зрение и слух. Но как это произошло? В памяти - полный провал.

Началось долгое мучительное лечение: бесконечные уколы, капельницы, операции... Наконец, Тая начала немного видеть и слышать, и первым делом спросила

у дежурной медсестры:

— Где мои муж и сын? Что со мной случилось?

— Не волнуйтесь, - взяв ее за руку, громко ответила молоденькая медсестра, - Ваши родные тоже лечатся и поэтому навестить Вас пока не могут... В Вашей квартире произошел сильный взрыв, поэтому вы все в больнице. Но здоровье Ваше восстанавливается: все будет хорошо.

Только через две недели, когда Тая начала требовать отвезти ее туда, где лечатся муж и сын, ей объявили, что они оба погибли еще в тот роковой день при взрыве.

Позже, когда к Тае начал

приходить следователь из милиции, он объяснил ей, что в фонарик, который нашел ее сын, была заложена взрывчатка: очевидно, кто-то хотел «убрать» владельца роскошного автомобиля, под колесом которого Гена на беду и нашел фонарик.

Больше месяца Таисия не могла ни с кем разговаривать. Глотая бесконечные слезы, тихонько постанывала: «За что? За что мне все это?»

Навещал ее только родной брат Володя: других родственников у нее не было, а сослуживцы зашли только пару раз - поохали и исчезли, хорошо хоть по больничному листу она получала немного денег,

которые уходили на лекарства.

Однажды Володя пришел очень озабоченный и, выложив из сумки много гостинцев, пододвинул ей какие-то бумаги:

— Подпиши!

— Что это? - спросила Тая, - ты же знаешь, я почти не вижу, а читать совсем не могу.

— Да обычная формальность, но без этого не обойдешься: сейчас городские хозяйства перезаключают договора с владельцами квартир: здесь заполненные бланки, просто подпиши, где я показываю - а не то придется штраф платить.

От других больных Тая уже слышала об этих новшествах и

поэтому спокойно поставила свои подписи на всех листах. И только выписавшись через месяц из больницы, она узнала, что в тот день подписала дарственную на свою квартиру, которая теперь полностью перешла в собственность ее брата Володи, так ловко обманувшего ее.

Знакомые предлагали Тае оспорить дело в городском суде, но для этого нужны были немалые деньги, которых у нее не было. К тому же она была уверена, что Володя все предусмотрел и уже ничто не поможет ей вернуть жилье. Когда после выписки из больницы Тая пришла в свою бывшую квартиру, брат не впустил ее даже

на порог.

Так для нее началась безотрадная жизнь городской «бомжихи», как называли тех, кто не имел своего жилья и определенного места жительства. В числе многих других бедняг Тая стала промышлять по мусорным бакам, стараясь разыскать то, что может принести хоть какие-то деньги: ведь теперь она была безработная (кто примет инвалида), а до пенсии по возрасту ей еще далеко.

Пыталась выхлопотать хоть небольшую пенсию по инвалидности, но ее все время отправляли из одной организации в другую и обратно: в конце концов, она так устала, что махнула рукой и

перестала туда ходить.

Собирала по мусоркам бумажные отходы, металлолом, бутылки. Все это нужно было извлечь из грязи мусорных баков, почистить, упаковать, а затем сдать за жалкие копейки в специальные пункты, если еще примут.

Спать нередко приходилось на крышах, под открытым небом, и Тая часто болела. Одна у нее была надежда: что от такой жизни она долго не протянет.

В ее измученном сердце болезненно пульсировала непрекращающаяся обида на весь свет и на Бога, если, как она говорила в себе, Он вообще есть.

И почему Он обошелся с ней так

жестоко? Неужели она грешнее других, которые живут припеваючи?

Однажды, когда Тая, как обычно дремала, сидя возле мусорки, чтобы не пропустить хороший «товар», кто-то осторожно положил ей руку на плечо. Испуганно открыв глаза, она увидела женщину средних лет, которая что-то проговорила, обращаясь к ней.

— Говорите громче, я плохо слышу! - прокричала ей Тая.

— Вам негде жить? - услышала она затем вопрос женщины.

— Как это вы догадались? - с усмешкой ответила Тая, закуривая «бычок» и стараясь понять, что этой незнакомке нужно от нее.

— Простите, - смущенно ответила та, стараясь говорить громко, - может быть, зайдете ко мне пообедать: там и поговорим.

Лицо у женщины было приятное, взгляд сочувственный.

— Ладно, идем, - быстро согласилась Тая. - Далеко?

— Да нет, совсем рядом, - женщина так обрадовалась, как будто ей вручили ценный подарок.

Зоя, так звали новую знакомую Таи, оказалась верующей, как и вся ее семья - муж и четверо детей. Таю приняли хорошо: накормили, дали возможность искупаться, подобрав для нее чистую одежду, и оставили ночевать. На следующий день, в воскресенье, все вместе

отправились на христианское собрание. Правда, Тае там не очень понравилось: хлопают в ладоши, притопывают, что-то выкрикивают: разве в церкви так себя ведут? Но отнеслись к ней там хорошо: дали одежду, немного денег и через несколько дней устроили ее в Дом престарелых. Конечно, по возрасту она туда не подходила, но, учитывая ее инвалидность, директор по ходатайству верующих согласился принять ее. Теперь у Таи была постоянная крыша над головой, и ей не нужно было заботиться об еде.

Но психологическая обстановка в пансионате была напряженной. Старушки и старички постоянно ссорились между собой. Крики,

ругательства доносились то из одной, то из другой комнаты, в которых жили по нескольку человек.

Тая уже тоскливо подумывала о том, чтобы вернуться в бомжи. Ей по-прежнему не хотелось жить... Но, однажды в пансионат пришли две христианки: Нина и Лина. Они обошли все комнаты, пригласив желающих собраться в одном помещении. Очень интересно рассказали о себе: о том, как приняли в свое сердце Иисуса Христа, и как после этого поменялась их жизнь. Сказали, что будут приходить еженедельно, в один и тот же день, в назначенное время. Всем очень понравился их рассказ, а Таю взволновала молитва

верующих: они от всего сердца в благоговении и в простоте обратились к Господу, высказывая все нужды и переживания. Затем они предложили всем вместе спеть во славу Божью и раздали песенники всем тем, у кого еще сохранилось зрение для чтения.

Нина с Линой приходили теперь регулярно: читали вслух Библию, терпеливо выслушивали жалобы и новости обитателей пансионата, приносили им скромные домашние гостинцы.

Однажды, когда верующие уже попрощавшись уходили, Тая догнала их во дворе и вызывающе спросила:

— А почему Бог так наказал

меня? Неужели я грешнее других?

Нина с Линой уже знали ее печальную историю. Они предложили ей присесть на лавочке. Затем Нина, открыв Библию, прочитала вслух:

— «Думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам, но если не покаетесь, все так же погибнете».

Затем она взяла Таю за руку и со слезами проговорила:

— Господь очень любит Вас! Мы не всё можем понять в Его действиях, но одно ясно: Он не желает, чтобы кто-то погиб, но

чтобы все покаялись и спаслись.

— Может быть, Вы сами хотите обратиться к Нему в молитве? - тихо подсказала Лина.

Тая согласно кивнула и, поднявшись, медленно произнесла:

— Передайте Богу, чтобы он избавил меня от курения и... вообще от других грехов. А еще... чтобы забрал у меня боль в сердце - о муже и сыне. Мне... так тяжело.

Она разрыдалась, закрыв лицо обеими руками. Верующие взволнованно помолились, попросив Господа услышать стон этой измученной души. Перед уходом Нина сказала Тае:

— Вы можете сами прямо обращаться к Богу: ради Сына

Своего Иисуса Христа Он слушает и принимает всех приходящих к Нему.

В этот же вечер, уединившись в пустой столовой, Тая, преклонив колени, сказала, с надеждой вглядываясь во тьму:

— Господи, я верю, что Ты слышишь меня. Я думала, что осталась совсем одна, и мне хотелось умереть. Но теперь я знаю, что есть Ты, Господь Иисус, и мне почему- то спокойнее. Помоги мне освободиться от страшной тяжести на сердце, но сначала выслушай меня: я хочу рассказать Тебе все-все...

В этот поздний вечер пансионерки занимались обычными делами: больные постанывали на

своих не очень удобных койках, стараясь заснуть при почти никогда не прекращающемся шуме; те, кто здоровы, смотрели телевизионные передачи в общем зале или просто переговаривались, удобно расположившись в креслах гостиной.

И только в темной столовой на первом этаже, куда никто не входил до утра, происходило великое таинство: еще один человек изливал свое сердце Богу, поверив в Его реальность, в Его присутствие.

Ангелы на небе радовались и ликовали, видя очередное чудо рождения нового человека. Тая ничего не видела вокруг: глаза ее были закрыты, а губы шептали

слова, которые тут же поднимались к Божьему престолу благодати.

Электрический свет в столовой был выключен, но в ней на мгновенье вдруг сделалось светло как днем. Тая открыла глаза и зажмурилась от яркого небесного сияния. Тихий голос в ее сердце сказал:

— Сейчас ты перешла из тьмы во свет.

Кто снимет боль с души,
Что давит словно камень,
Когда не в радость жизнь
И совесть упрекает?

Тоскливо - будто ночь
На сердце опустилась -

И из людей помочь
Никто тебе не в силах,

Не сможешь побороть
Ни страха, ни сомнений...
Вкуси, как благ Господь,
Склонив пред Ним колени.

Поверь, что снимет боль,
Освободив от груза,
Лишь Божия Любовь
Спасителя Иисуса.

Цена одной победы

«В день скорби моей ищу Господа...» Пс. 76:3

После тренировки Алексей с друзьями-футболистами зашли в безалкогольное кафе.

Стоял очень жаркий летний день, и парни заказали себе холодный сок и диетическое мороженое, а затем принялись шумно обсуждать

предстоящую поездку за границу - на международные соревнования по футболу.

Алеша с детства увлекался спортом. Он рос в семье верующих, и родители изо всех сил старались направить его к духовной жизни, но ему всегда неинтересно было читать Библию, ходить в церковь, выслушивать однообразные, как ему казалось, увещевания отца и матери.

До подросткового возраста он еще иногда уступал им, посещая по воскресеньям христианские собрания, но, повзрослев, полностью отвернулся от Бога и погрузился в свою самостоятельную, полную честолюбивых планов,

жизнь.

Теперь на первом плане у него был футбол, а на сердце - мечты о всемирной славе и наградах.

Окончив среднюю школу, Алексей поступил в физкультурный институт, одновременно тренируясь в известном футбольном клубе. Всего себя он отдал спорту, и считался ценным игроком, но почему-то это не давало ему удовлетворения. «Возможно потому, - часто размышлял он, - что я еще не достиг желаемой высоты в спорте...»

Родители печально наблюдали за сыном, много молились о нем, стараясь направить его на единственно верный путь служения

Богу, но он упрямо шел своей дорогой.

— Лешка, Лешка, оглянись влево, - шепнул ему вратарь Борис, с наслаждением поедая мороженое, - на тебя такая красавица смотрит.

Алексей повернул голову и сразу же встретился взглядом с красивой девушкой, сидевшей в одиночестве, недалеко от них. Она медленно отпивала что-то из стакана и, не отрываясь, смотрела на него, едва заметно улыбаясь.

У него сильно забилось сердце, но он тут же усилием воли стряхнул с себя возникшее желание подойти к ней для знакомства. Сжав зубы, он резко отвернулся.

— Ну и глуп ты, брат! - с сожалением прокомментировал его действия Борис, - если бы на меня она так посмотрела... Уж я бы не отвернулся.

— Пошел вон! - беззлобно отмахнулся Алексей, довольный, что справился со своим желанием, - у меня таких будет скоро - не сосчитать.

— Ну да, ты же у нас красавчик! - завистливо вздохнул Борис, который в глубине души восхищался

Алексеем: его привлекательной внешностью, целеустремленностью и возрастающими успехами в футболе.

До отъезда за границу

оставалось всего два дня. Парни тренировались изо всех сил: у них явно был шанс победить в предстоящих соревнованиях.

...С силой ударив по мячу, Алексей тут же сделал рывок вперед, чтобы получить следующую передачу: он был уже недалеко от ворот противника и, как обычно, стремился сам забить гол.

Но тут его нога зацепилась за что-то острое, и юноша упал лицом на землю. Правда, почти сразу же поднялся и увидел кровь чуть ниже колена. Но боль была незначительной, и Алексей продолжил игру.

Минут через двадцать боль усилилась, и ему пришлось

остановиться.

Когда тренер заменил его другим игроком, Алексей сел на скамейку и осмотрел рану: она оказалась довольно глубокой.

— Что же ты? Нужно было сразу обработать, - укорил его подошедший тренер, быстро в медчасть!

Рану пришлось даже зашить, после этого его на машине отвезли домой.

Алексей лег спать очень расстроенный: неужели он не сможет теперь поехать на международный турнир? Ведь он так ждал этого часа: успех и слава были почти в кармане.

Ночью боль в ноге усилилась,

поднялась высокая температура. Пришлось вызвать «скорую», и врач, осмотрев рану, заявил, что юношу нужно срочно отвезти в больницу.

Утром его пришли навестить тренер со всей командой, они были сильно расстроены его неожиданной болезнью: ведь Алексей был гордостью и надеждой футбольного клуба.

После их ухода он метался в постели и стонал не только от боли в ноге, но и от неосуществившихся планов.

«Почему, почему, почему так случилось?! - кричала вся его внутренность, а сам он смотрел вверх, - кому и что я сделал плохого?»

Но небо, к которому юноша обращался так вызывающе, молчало...

Родители не раз предлагали ему помолиться, попросить помощи у Бога, но он только отрицательно мотал головой и, упрямо сжав рот, в отчаянье думал: «Когда же я встану, когда, когда?»

Через некоторое время команда футболистов вернулась домой, посетили больного и радостно сообщили: первое место!

Но для Алексея это было как нож в сердце: ведь он непричастен к этому успеху, уплыла его слава.

Лечение не давало положительного результата: боли не проходили, температура не спадала.

Однажды в палату вместе с врачом вошли его родители. По их встревоженным лицам он понял: что-то случилось. Лицо у мамы было покрасневшим и немного припухшим.

С трудом приподнявшись на локтях, Алексей резко обратился к врачу:

— Что произошло? Говорите мне всё!

Врач переглянулся с отцом Алексея и проговорил:

— Завтра утром Вам назначена срочная операция: анализ крови показал, что рана дала некоторые осложнения.

Юноша бессильно упал на подушку и, закрыв глаза, закричал:

— Да что же это такое?! Почему все это случилось именно со мной?

На ночь ему ввели снотворное, и он, наконец, уснул, все время ощущая на своей руке нежные материнские поглаживания.

...Когда Алексей открыл глаза, солнце ярко светило в палату, рядом никого не было. Почему он лежит на высокой кровати? Видимо, ночью его перевезли в другое место. С чего бы это?

«Наверное, готовят к операции! - решил он, - что ж, придется все это перетерпеть... Ничего, я все равно встану, наступит мой звездный час!»

Рана на ноге сильно заныла. Ему хотелось погладить ее, чтобы

утихомирить боль, но он почему-то чувствовал сильную слабость во всем теле и не мог даже шевельнуться.

Дверь открылась и вошла мать.

— Сынок, ты уже проснулся? - осторожно спросила она, быстро подходя к нему и затем слегка коснулась губами его щеки.

— Когда будет операция? - с трудом произнес он, удивляясь своей слабости.

— Операцию уже сделали, - напряженно ответила мать, - ты был под общим наркозом, поэтому ничего не почувствовал.

Он в недоумении посмотрел на нее потом с облегчением вздохнул: «Ну и хорошо, значит все это уже

позади!»

— Мама, погладь мне немного больную ногу, она очень болит, - попросил Алексей, а у меня почему-то совсем нет сил подняться.

Когда после его слов мать заплакала, закрыв лицо ладонями, он сначала даже удивился: «Ну чего уж так сильно переживать?»

И вдруг страшная догадка, как острый нож, полоснула его прямо в сердце.

Он собрался с силами и с трудом сбросил с себя тонкое одеяло.

«Неужели это не сон, неужели это не просто кошмарный сон, а ужасная действительность? Неужели у меня теперь нет одной

ноги? Почему же тогда так ноет рана? Ах да, я и раньше слышал об этом: фантомная боль, то есть болит то, чего уже нет...»

Алексей долго неподвижным взглядом смотрел на пустоту, которая безжалостно заменила часть живого, такого дорогого ему тела.

Он даже плакать не мог, даже кричать был не в силах.

Наклонившись к нему, мать крепко обняла его и, покачивая как маленького, молилась, повторяя одни и те же слова: «Господи, помоги нам выдержать, не оставь, не покинь». Несколько ночей Алексей не мог спать, не помогали даже сильные снотворные. Через

неделю попросил отца:

— Принеси мне Библию.

Ни с кем почти не разговаривая, стал тихим, задумчивым. После выписки из больницы он целыми днями читал Библию, но когда отец попытался заговорить с ним о Боге, он мягко остановил его:

— Не надо, папа. Я хочу сам... дойти до всего.

Когда его пришли навестить друзья по футбольному клубу, Алексей отказался принять их.

— Передай, что я плохо себя чувствую, - попросил он мать.

В очередное воскресенье, когда родители, как обычно, стали собираться в церковь, он тихо сказал:

— Возьмите меня с собой!

К тому времени Алексей уже научился свободно передвигаться на костылях. В течение всего собрания он сидел бледный, как полотно, внимательно слушая проповеди, а в конце вышел вперед и в наступившей полной тишине объявил:

— Хочу покаяться перед Богом.

Затем он беспомощно огляделся вокруг. Служитель понял его мысль и предложил:

— Вы можете помолиться и стоя.

— Нет, нет, - торопливо ответил юноша, - я хочу обязательно преклониться перед

Господом.

Двое братьев помогли ему опуститься на одно колено и поддерживали его во время молитвы.

— Благодарю Тебя, Господи, - тяжело дыша от волнения начал молиться Алексей, - благодарю Тебя за этот трудный путь, которым ты привел меня к Себе. Я дорого заплатил за свое упрямство, но Тебе я стоил еще дороже. Спасибо, что Ты спас меня от грехов моих: ведь на пути к земной славе я мог погибнуть навечно, а теперь спасенной душой я хочу прославлять только одного Тебя, мой Спаситель!

После собрания он попросил

родителей пригласить к нему друзей из футбольного клуба и объяснил:

— Хочу извиниться за то, что несколько дней назад не желал их видеть, потому что завидовал их здоровью и славе. Теперь мое сердце чисто и свободно, и я хочу рассказать им о своей радости спасения.

Немного помолчав, он добавил со слезами:

— Я так мечтал победить в этих соревнованиях!

Услышав его слова, мать с тревогой взглянула на

сына, но он ободряюще улыбнулся ей и сказал:

— Но Господь подарил мне гораздо большую победу. Победу

над самим собой.

«...и сия есть победа,
победившая мир,

вера наша»

1 Ин. 5:4

Этот мир стремится к победам,
Погрязая в грехах все глубже...
В ад идут друг за другом следом –
Им Христос распятый не нужен!

Достигают почета, славы,
И к земному богатству рвутся,
Каждый хочет быть в чем-то главным
И не видят, куда несутся...

Время кончится очень скоро -
Все земные ценности рухнут.
Небо Бог даст Ему покорным,
Ко Христу протянувшим руки.

Тех, кто Богу себя отдали,
После смерти Он не осудит:
Золотые венцы подарит
Победившим себя в Иисусе!

Тихая бабушка

«Раздели с голодным хлеб твой» Ис. 58:7

Мы все очень радовались, когда бабушка Лиза согласилась переехать к нам, продав свою маленькую квартирку, где она жила одна. Особенно радовался я, хотя

для того, чтобы освободить для нее комнату, мне пришлось перебраться для ночевок на наш застекленный балкон.

Она была моей третьей бабушкой, но самой-самой любимой. Вы, наверное, удивитесь: как это у человека может быть три бабушки? Бывает и такое. Собственно говоря, она была родной сестрой моей бабушки по маме.

Мои первая и вторая бабушки уже давно умерли, но даже при их жизни все наши родственники любили бабушку Лизу больше всех.

Я родился и рос в семье верующих, но христианином быть не хотел. Слишком любил привольную мирскую жизнь. Мои родители,

старшие братья, да и все другие верующие, с которыми я иногда встречался у нас дома, постоянно призывали меня оставить беспорядочную жизнь, напоминали о грехах, взывали к моей совести, пугали адом, но мне все было нипочем. Я не верил в Бога и совершенно не стремился к святой жизни. И, скорее всего, мой кривой земной путь привел бы меня в вечную погибель, если бы не бабушка Лиза. Она тоже была христианкой, но никогда ни разу, ни одним словом не упрекнула меня ни в чем. Вообще она говорила очень мало. Голос у нее был тихий и приятный: какой-то теплый. Мы, дети, называли ее «тихая бабушка»

и часто просили ее рассказать какую-нибудь историю, которых она знала великое множество, и в которых главным действующим лицом всегда был добрый любящий Иисус Христос.

Своей семьи у бабушки Лизы не было, и она нередко приходила к нам, чтобы помочь маме, всякий раз принося гостинцы детям, хотя пенсия у нее была небольшая. «Тихая бабушка идет!» - заметив ее из окна, бывало, радостно кричал кто-то из детей.

В тяжелые послевоенные годы она спасала от голодной смерти всю нашу семью. Бабушка Лиза тогда почти сутками трудилась на фабрике, а всё заработанное

приносила нам. Мама тогда работать не могла из-за пятерых маленьких детей, а небольшого заработка отца на всех далеко не хватало. Бабушка Лиза, видимо, все отдавала нам, не оставляя себе почти ничего, и мы видели, что она очень похудела и ослабла. Но у нас, детей, всегда была пища! Вскоре заболел и умер отец, но третья бабушка продолжала кормить нашу семью.

Прошло несколько лет, и вот теперь, когда дела у всех поправились, и в наш дом пришел достаток, мама попросила «тихую бабушку» переехать жить к нам. И та сразу же охотно согласилась. Вообще, я заметил, что она никогда

ни с кем не спорила, легко подчиняясь другим в бытовых вопросах, и ни разу ни на кого не повысила голос. Глядя на ее жизнь, покаялись многие наши родственники, в том числе и мои братья; даже некоторые из соседей «тихой бабушки», наблюдая за ней, стали ходить в церковь и обратились ко Христу. Один я упорно держал осаду, изо всех сил цепляясь за жалкие фальшивые ценности мира.

Вырученные за продажу своей квартиры деньги, бабушка Лиза сразу отдала моей маме, коротко объяснив:

— Зачем они мне? Вам нужнее.

После ее переезда к нам в доме стало как-то по- особенному уютно. «Тихой бабушке» было уже за 70, но здоровье не пошатнулось, хотя ей пришлось много перенести. Она почти полностью освободила нашу маму от домашнего труда, и поэтому та после работы имела возможность хорошо отдохнуть и приготовиться к своему служению в воскресной христианской школе. А я даже оставил свои уличные развлечения и теперь торопился домой, желая застать «тихую бабушку» одну, чтобы побеседовать с ней, и даже немного ревновал ее к другим членам семьи. Она очень вкусно готовила, но я спешил побыстрее поесть, чтобы, как обычно, сесть с

нею у окна: она - с вязанием на стуле, а я - на маленькой скамеечке у ее ног.

Как мне нравились все ее рассказы, которые она рассказывала своим тихим голосом очень просто, но так, что они доходили до самого сердца! При этом она с любовью поглядывала на меня, а мне все больше открывался великий, чудный и любящий Бог, пославший в мир для нашего спасения Своего Сына Иисуса Христа. Постепенно я стал осознавать себя грешником: совесть болезненно пульсировала в моем измученном грехами сердце, напоминая совершенные мною неблаговидные поступки. Но в церковь я по-прежнему не ходил,

обеими руками держась за свою мнимую свободу.

По воскресеньям мы обычно обедали все вместе: «тихая бабушка» с нашей мамой и моими братьями возвращались после христианского собрания, а я в выходной день спал подольше, затем выходил немного позаниматься на спортплощадке, поджидая своих родственников из церкви.

Вот и в этот день, заметив их издалека, побежал навстречу. У мамы взгляд, направленный на меня, был как всегда печально-осуждающий. Мои братья тоже поздоровались со мной весьма сдержанно. А вот глаза «тихой

бабушки» по-прежнему сияли нежной любовью. Как обычно, она крепко прижала меня к себе и поцеловала. Правда, в этот раз я заметил, что она немного сморщилась, как бы от боли, но ничего не спросил. Я взял понести ее маленькую сумочку, чтобы как-то выразить свои чувства к ней: она это поняла и не воспротивилась. Вообще мы с ней хорошо понимали друг друга без слов.

В этот день обед был особенно вкусным или же я просто сильно проголодался, не позавтракав. Моя большая тарелка с наваристым борщом опустела, кажется, в одну минуту. Я огляделся, чтобы положить себе второе блюдо и вдруг

увидел лицо «тихой бабушки»: оно было встревоженно-виноватым. Тарелка с борщом перед ней стояла почти нетронутой.

— Почему ты не ешь? - удивленно обратился я к ней.

— Не могу... - тихо ответила она. Ее лицо побледнело, и меня вдруг кольнуло предчувствие какой-то беды.

— Вам плохо? - подскочила к ней мама.

Мои братья тоже прекратили есть и замерли, глядя на бабушку Лизу: ведь до этого она никогда не болела.

— Что-то мешает... в горле, - с трудом произнесла любимица нашей семьи.

Закрыв глаза, мама начала взволнованно молиться. Все остальные, включая меня, встали, молча присоединившись к ее молитве.

— Мне стало легче. Спасибо, родные! - виновато сказала «тихая бабушка» после того, как мы закончили молиться. Она торопливо поднесла ложку с борщом ко рту, но тут же, поперхнувшись, сильно закашляла и вдруг стала медленно сползать со стула, потеряв сознание...

Когда ее повезли в больницу, мама села с ней в «скорую», а мы с братьями последовали сзади в такси.

Пока шло медицинское

обследование «тихой бабушки», мы все ожидали в маленькой комнатке приемного отделения. Мама почти непрерывно молилась. Я тоже мысленно, всем сердцем, обращался к Господу и очень горячо просил Его об исцелении нашей бабушки. Появившийся перед нами врач, казалось, был чем-то недоволен.

— У нее рак кишечника, - сообщил он, - состояние тяжелое, оперировать бесполезно. Мы как будто онемели, не в силах произнести ни слова, а мама тихо заплакала.

— Будем обезболивать... до конца, - продолжил врач и с сочувствием посмотрев на нас,

добавил:

— Пищу принимать она не сможет и, видимо, умрет от голода.

Мы растерянно посмотрели друг на друга, а в моей груди забушевала какая-то буря злых чувств.

«Почему это случилось? - во гневе мысленно обратился я к Богу, - как же Ты мог это допустить? Ведь бабушка других спасала от голода, почему же она теперь должна умереть такой страшной смертью?»

Вся внутренность моя кипела, как вулкан, не желая принимать Божий безжалостный, как мне казалось, приговор.

— Ваша родственница попросилась домой, если вы не

против забрать ее из больницы, - врач вопросительно смотрел на нас, - настаивать на госпитализации мы не будем, потому что нет никакой надежды на выздоровление.

— Конечно, мы заберем ее, - едва слышно произнесла мама.

— Для обезболивающих инъекций к вам будет ежедневно приходить наша медсестра, - сообщил врач и, попрощавшись, поспешно ушел.

«Тихая бабушка» прожила еще только три дня. Больше всего меня поражало то, что она совершенно не изменилась. Так же застенчиво улыбалась, когда я подходил к ее постели, тем же тихим голосом подбадривала нас. Мне очень

хотелось остаться с ней наедине, как прежде. Но в ее маленькой комнатке постоянно был кто-то из нашей семьи или другие родственники. И все же я однажды задал ей вопрос, от которого меня прямо распирало:

— Бабушка! Почему Бог так несправедлив? Ведь ты многих спасала от голодной смерти, почему же теперь ты сама должна мучительно умирать от голода?

— Нет-нет, дорогой мой, - она с нежностью взяла меня за руку, - я совсем не мучаюсь. Благодарю Господа за то, что Он возложил на меня такой крест и верю, что все это ко благу. А ты иди, поешь чего-нибудь: ведь с утра

сидишь здесь со мной.

— Мы не можем спокойно есть, когда Вы голодаете, - со вздохом сказала мама, поправляя одеяло на ее постели.

«Тихая бабушка» обвела всех любящим взглядом и вдруг необычно громко сказала:

— Уверяю вас, что я не страдаю от голода, ведь скоро я буду вкушать в Небе пищу, которая несравненно лучше земной. У ног Христа...

Этих слов я не забуду никогда, потому что они были последними в ее жизни.

На следующий после похорон день я пошел вместе со всей семьей на христианское собрание и в

молитве покаяния отдал свое сердце Господу.

В этот день были хорошие проповеди, и я внимательно их выслушал. Но самой лучшей и громкой проповедью для меня стала жизнь моей «тихой бабушки», только это смогло растопить мое ледяное сердце.

Она и после своей смерти накормила голодного.

Здоровой пищи в грешном мире нет,

В неверьи продолжают гибнуть люди...

Непримиренных с Богом часто судим,

Но кто разделит с ними Божий

хлеб?

Кто жертвенно готов служить другим,
Своим благополучьем пренебрегши,
Не выбирая места, где полегче,
Спеша помочь хорошим и плохим;

Небесным Хлебом души накормить,
Голодных не оставив в небреженьи,
И, став для Бога жертвой всесожженья,
Любовию Христа всех одарить!

Неожиданный разговор

Семен Иванович уже третий год как вышел на пенсию. Они с женой жили в небольшом поселке, в нескольких километрах от областного центра.

Хозяйство имели небольшое, но все свое: и домик, и огород, и живность. В последнее время даже корову завели, хотя большой необходимости в этом не было. Дети уже взрослые, живут семьями отдельно, устроены неплохо.

А на днях сосед предложил Семену Ивановичу работу в городе: сутки отдежурить на почте, а трое суток - отдых, зарплата неплохая.

Семен Иванович сразу же и

согласился: здоровье у него еще крепкое, а деньги на дороге не лежат.

Первое дежурство прошло спокойно: работы немного, ночью можно и поспать. Утром пришла сменщица, с виду лет пятидесяти. Семен Иванович передал ей данные по дежурству... Анна Павловна, приняв смену, достала из сумки Библию, очки и положила их на стол.

— Вы что, верующая? - оживился Семен Иванович.

— Да, - приветливо кивнула Анна Павловна.

— Я тоже хожу в церковь, - с гордостью сообщил Семен Иванович. Он присел на свободный стул, решив задержаться еще на

несколько минут. - Раньше я и думать о Боге не хотел, - доверительно продолжил он, - много ездил на заработки, все разбогатеть хотел. А потом надоело. Жена у меня выпивает, деньги все равно не держатся, дети все разъехались.

Семен Иванович тяжело вздохнул. Он давно уже ни с кем не говорил о своей жизни, и сейчас ему приятно было видеть внимательный и участливый взгляд собеседницы. Он сразу понял, что она из тех, кто может выслушать, не перебивая. Семен Иванович редко встречал женщин, умеющих молчать хотя бы одну минуту.

— А недавно в нашем

поселке церковь построили, я зашел посмотреть, ну и теперь хожу туда все время: по воскресеньям, конечно... Я и со священником нашим знаком, он даже домой ко мне заходил - два раза.

Сообщив такой важный в его жизни факт, Семен Иванович добродушно спросил продолжавшую внимательно слушать его собеседницу:

— А вы какой веры будете?

Анна Павловна, улыбнувшись, ответила:

— В Библии написано, что есть одна только вера - евангельская, спасающая.

— Так вы баптистка? - испуганно отшатнулся Семен

Иванович.

— Я христианка, - спокойно объяснила сменщица,

— а как люди друг друга называют - это их дело. Ведь главное, Семен Иванович, возненавидеть грех и поверить в Своего Спасителя Иисуса Христа.

— Я тоже верующий, - торопливо заговорил Семен Иванович, - я даже уже не ругаюсь с соседями, как раньше.

— Это хорошо, - одобрила Анна Павловна, - но главное, чтобы вы примирились с Богом: покаялись в своих грехах и пошли за Христом, зная, что Бог вам все простил.

— А разве можно это знать? - удивился Семен Иванович.

— Конечно, можно. Бог дает такую уверенность в спасении каждому, кто, осудив себя, желает начать новую жизнь со Христом. Однажды в разговоре с одним старым человеком, которого звали Никодим, Иисус объяснил, что всем людям нужно родиться свыше, то есть от Бога, чтобы спастись.

— И как же вы родились от Него? - стараясь как-то задеть собеседницу, спросил Семен Иванович.

Он вдруг разволновался и даже покраснел. В глубине души он начал осознавать, что его вера какая- то поверхностная, не живая. Его мучило то, что он продолжал грешить. Хотя с соседями не

ругался, но зато сквернословил, иногда выпивал. После исповеди у священника облегчения не получал, наоборот, тяжесть на сердце увеличивалась. Кроме того, его смутило, когда он задал священнику вопрос по Библии, и тот не смог ответить а, разозлившись, накричал на него. А эта с виду простая женщина так хорошо разбирается в Библии, но вместе с тем скромна и не обижается на его язвительные выпады. Семену Михайловичу хотелось о многом расспросить ее, но какая-то сила заставляла его не уступать ей, противоречить, поэтому он сказал:

— Я совершенно не согласен с вами. Я тоже верю в

Бога, каюсь каждый день, знаю много молитв. Но я не так самоуверен, как вы.

Анна Павловна хотела что-то сказать, но он не дал ей, выкрикнув:

— Когда я слышу, что о Боге кто-то говорит плохо, я готов убить этого человека! Одному я так и сказал: «Не веришь - твое дело, но Бога не трогай!»

При этих словах Семен Иванович изо всех сил ударил кулаком по столу. Осознавая, что ведет себя неправильно, он чувствовал, что не может остановиться.

— А некоторые ведут себя так, что их и убить мало, - добавил он со злобой.

Анна Павловна, сочувственно глядя на него, молчала, и Семену Ивановичу вдруг стало очень стыдно. И он еще называет себя верующим? Ему хотелось исчезнуть, испариться с этого места. Опустив голову он размышлял: «А вообще, возможно ли жить так, как хочет Бог? Эта женщина говорила о каком-то рождении свыше. Но в церкви об этом ничего не говорили. Нужно внимательно прочитать всю Библию».

В дежурной комнате зазвонил телефон. Анна Павловна коротко переговорив с кем-то, положила трубку и мягко сказала:

— Семен Иванович, я рада, что мы могли поговорить о Господе.

Если хотите, приходите на собрание христиан в Молитвенный дом. Бог любит всех, но выбор делает сам человек.

— У меня есть, куда ходить, - вспыхнул Семен Иванович. Ему захотелось оскорбить эту женщину, сказать напоследок что-нибудь такое, чтобы она, наконец, тоже возмутилась, потеряв свое спокойствие. Но в этот момент он как бы услышал в своем сердце Божий голос, который сказал ему: «Что ты гонишь Меня?»

Сильно испугавшись, Семен Иванович вспомнил, что недавно читал в Библии книгу Деяний Апостолов и что именно с этими словами Господь обратился к

гонителю христиан Савлу, который позднее стал апостолом Иисуса Христа.

Семен Иванович резко встал и, не поднимая глаз на собеседницу, сказал:

— Простите меня, мне надо срочно уйти.

— Что случилось? - искренне удивилась Анна Павловна, - вам плохо?

— Я не могу понять, плохо мне или хорошо, только знаю, что мне сейчас предстоит очень важный разговор, - он замялся, но потом всё-таки добавил, - разговор с Богом...

Анна тоже встала, и когда за Семеном Ивановичем закрылась

дверь, она начала горячо молиться Господу за того, кто впервые услышал Его голос.

Пусть не ослабнут в молитве сердца
В нашем сраженье за близких и дальних.
Те, кто за них свою душу отдали,
В небе получат награду венца.

Пусть не ослабнут в молитве сердца,
Чтоб не лениво мы жизнь проводили,
Но во Христе силы зла победили,
Чтобы окрепло в нас сердце бойца.

Пусть не ослабнут в молитве сердца,
К небу взывая словами и духом,
Бог приклоняет к молящимся ухо –
Подданных Царствия слушает Царь.

Пусть не ослабнут в молитве сердца!
Слышит Ходатай имен скорбный список,
Видит склоненных пред Господом низко
И по молитве смирит гордеца.

Пусть не ослабнут в молитве сердца,

Даже когда перемен мы не видим,
Даже когда очень больно обидят -
Да не опустим бессильно лица.

Пусть не ослабнут в молитве сердца
Ночью и днем, и во всякое время,
И по молитвам пусть сеется семя
Божьего Слова - рукою Отца.

Будем бороться в мольбе до конца,
Чтоб не нести среди близких потери..
Бог совершит чудеса лишь по вере –

Пусть не ослабнут в молитве сердца!

Плачет твоя душа

«Блаженны плачущие, ибо они утешатся» Мф. 5:4

День складывался неудачно. Уже с утра Мишка поссорился на работе с напарником: тот часто устраивал себе перерывы, отдыхал, а ведь получали они в конце дня поровну.

Их хозяин - «крутой», как называют сейчас частных предпринимателей, попался придирчивый: если ему что не нравилось - тут же снижал зарплату.

Сегодня они покрывали декоративной плиткой территорию

возле нового магазина, но дело двигалось медленно: напарник больше курил, чем работал. Мишка сердито высказал ему свое мнение, а тот - сразу петухом на него, ну и поцарапали друг друга...

А тут неожиданно хозяин как-то незаметно подъехал. Увидев дерущихся, он сразу же их рассчитал: велел больше не приходить, заплатив совсем мало.

С горя пошли сразу же в пивнушку, и там, восстанавливая мир и укрепляя дружбу, оставили все до копейки. С неохотой вышли из душного прокуренного зала и, распрощавшись, поплелись в разные стороны.

Напарник с семьей жил здесь, в

городе, и добираться ему было недалеко.

Мишка взглянул на наручные часы: еще и не очень поздно, начало двенадцатого ночи, но маршрутки в его «Водное» уже отъездились, да и денег у него - ни копья «Придется 11-ым номером, то есть ногами топать, - решил он, - часам к трем утра дойду. Конечно, мать опять беспокоиться будет: «Где это сын застрял? Не случилось ли чего?»

Мишка иногда прислушивался к себе: что это у него там внутри давит? Однажды подумал: может, совесть его так изводит? Да ведь он же не преступник, живет как все: никого не убил, много не украл.

Услышав сзади шум

подъезжающего транспорта, обернулся, вскочил и, побежав к дороге, замахал обеими руками в сторону ярко светящихся фар, при этом нисколько не надеясь на удачу: кто же решится подбирать ночью подвыпившего незнакомца, да еще и «за бесплатно»?

Но к удивлению Мишки микроавтобус подъехал к нему и остановился. Дверца открылась, и водитель, примерно его ровесник, приветливо поздоровавшись, спросил:

— Вам куда?

— В «Водное», - задыхаясь от засветившейся в сердце надежды, ответил он.

— Садитесь, мы как раз

будем проезжать это село, - радушно пригласил водитель.

Мишке показалось, что он даже протрезвел от радости, хотя почему-то не сразу смог попасть ногой на ступеньку микроавтобуса. Мужчина за рулем посмотрел на него внимательней и сказал:

— Только уговор: не сквернословить и не шуметь, в салоне - подростки. Мы - верующие, возвращаемся домой с благовестия.

Что такое «благовестие» Мишка не понял. Он с удовольствием устроился на свободное переднее сидение, заметив, что салон действительно заполнен детьми, которые, притихнув, наблюдали за происходящим.

— Есть, не ругаться, товарищ начальник! - весело ответил он, - Буду нем, как рыба.

— Зачем же такая крайность? - улыбнулся водитель, - если хотите, расскажите о себе, а потом мы поделимся с Вами радостной новостью.

— Хорошие новости я люблю слушать, - поудобнее устраиваясь на сиденье, отозвался ночной пассажир, - а о себе говорить не буду - не в милиции.

— Скажите хотя бы тогда, как Вас зовут. Меня - Андрей, - представился мужчина за рулем.

А меня - Мишка, - охотно ответил тот.

— Михаил, значит, -

подытожил водитель, но его собеседник упрямо повторил:

— Нет, Мишка я, просто - Мишка. Меня все так зовут. На Михаила я не тяну пока: жизнь у меня какая- то нескладная.

Тут мальчик с соседнего сидения протянул ему бутерброд с колбасой и открытую бутылку с минеральной водой.

— Спасибо! - поблагодарил Мишка. - Есть я не очень-то хочу, а вот водичку выпью с удовольствием.

К этому времени он уже совсем протрезвел и, разговаривая, напрягался изо всех сил, чтобы не выскочили плохие слова: пока получалось, хотя это было очень трудно.

— Радостная новость или Благая Весть, а по-гречески

— Евангелие - в том, что Иисус Христос умер за наши грехи, - начал объяснять водитель, - и поэтому всякого, кто принимает Господа как своего Спасителя, Бог прощает и дарит ему вечную жизнь.

— Вам бы священником работать. - беззлобно, от всей души откликнулся Мишка.

Услышав эти слова, подростки рассмеялись, а тот, что делился с ним едой и питьем, объяснил:

— А брат Андрей как раз и есть священник: он пастор нашей церкви.

— Да? - искренне удивился Мишка, - а почему же он тогда за

рулем?

— А он всегда нас возит на благовестие или общение, - раздался сзади чей-то звонкий голосок, - он вообще все может.

— Ну ладно, - вмешался водитель, - вы, ребята, лучше спойте, а наш гость послушает. Подростки запели, а Мишка, отдыхая в удобном кресле, с удовольствием слушал и удивлялся, что они так вдохновенно поют о Боге. И слова такие хорошие! Особенно ему понравилась песня о двух дорогах: широкой и узкой. Широкая дорога греха - пели дети - ведет в погибель, а узкая - в жизнь вечную.

Миша слушал и думал: «Так я и

знал, что я не на той, не на правильной дорожке: вот почему у меня все не ладится. Но ведь на другой дороге, на узкой, которая с Богом, нельзя грешить: разве у меня это получится? Ведь я тогда должен бросить и пить, и курить. Нет, это не для меня!»

Вспомнив о куреве, он занервничал: скорее бы добраться до своего села, в автобусе ведь не разрешат курить. Его вдруг стали раздражать все эти люди и их слова о Боге.

«Подумаешь, святые! - замелькали в голове мысли- стрелы, пускаемые чьей-то умелой рукой, - не нужно мне всё это, уж как-нибудь и сам проживу!» «Слышишь ты?

Плачет твоя душа! Жизнь не такая ей здесь, на земле, нужна» - вдруг услышал он слова очередной песни.

Мишка замер. Тугой, острый, как нож, комок перехватил горло. Все у него внутри взволновалось.

«А ведь точно: плачет моя душа, - согласился он, - плохо мне, очень плохо!» Он даже чуть не произнес вслух: «Помогите мне, добрые люди!» Но тут опять его смягченную раскаяньем душу пронзили раскаленные стрелы-мысли от лукавого: «Ты чего это разнюнился? В баптисты собрался? Да тебя ж засмеют все. И вообще, ты что, еще не понимаешь: опутывают тебя сектанты, хотят поймать в свои хитрые сети. Беги

отсюда быстрей».

— Эй, водитель, а ну останови! - зло прокричал Мишка и, уже не удерживаясь, добавил несколько грязных слов.

Микроавтобус остановился. Дети опять притихли. Водитель Андрей посмотрел на него с мягкой укоризной, но ничего не сказал.

— Давай, открывай двери, я ухожу, - нарочито грубо сказал ночной гость.

— Но до Вашего села еще далеко, - сообщил Андрей.

— Все равно, открывай, не надо мне ничего, - с вызовом, упрямо повторил Мишка, отводя взгляд в сторону.

— Как хотите, м с

сожалением отозвался водитель, открывая дверцу. Затем, повернув голову назад, сказал: «Давайте все вместе попрощаемся с нашим гостем».

— С Господом! м дружно пожелали в один голос подростки.

У него внутри опять что-то дрогнуло, заскулило, но злость еще не вся ушла и, выйдя из автобуса, он громко крикнул в открытые дверцы:

— Не плачет моя душа! Не надейтесь!

Микроавтобус медленно, как бы нехотя, двинулся с места. Тьма снова сжала Мишку со всех сторон. Он включил фонарик и пошел по дороге, уже ругая себя, что зачем-то

преждевременно покинул удобный бусик.

«Вот так и жизнь моя - может прерваться раньше, чем я думаю, - вдруг накатила мысль, - вот так и кончится моя кривая дорожка».

Он хотел со смаком выругаться: ведь теперь рядом никого не было, но почему-то не смог. Злость остыла, но на сердце как будто рана какая-то открылась: так больно стало, тяжело очень. Мишка вдруг заплакал, даже зарыдал, да так горько, как никогда раньше. Бывало, он всплакнет коротко, по-мужски, больше - из жалости к себе. Но сейчас это были какие-то другие слезы: он сознавал себя неправым пред Богом и плакал от своего

бессилия и вины.

Внезапно он почувствовал, что боль в душе стала утихать: эти слезы самоосуждения как будто смыли всю грязь с его встревоженного сердца.

«Слышишь ты? Плачет твоя душа,
Жизнь не такая ей здесь, на земле, нужна!...»

Эти осевшие в памяти слова сейчас были понятны и близки ему. На сердце стало легче. Вдали, наконец, замелькали редкие огоньки его родного села.

«Не все спят, скоро утро, уже поднимаются видно. Мать-то точно

ждет, достанется мне», - с какой-то неожиданной нежностью к ней подумал Мишка.

Огни села приближались, становились все ярче.

«Надо будет рассказать ей, что Евангелие - это, оказывается, в переводе - радостная весть».

Теперь он понял причину своего приподнятого настроения. Водитель Андрей говорил, что радостная новость в том, что Христос умер за грехи всех людей, в том числе и за его, Мишкины.

«Завтра, то есть сегодня, возьму у матери Библию, почитаю об этом подробнее, - решил он, - да и прощения у нее попрошу, скажу, не переживай, мол, я скоро, может, на

другой путь перейду, на правильный, только подожди немного, разобраться во всем этом надо».

Уже входя в свой дворик, он улыбнулся и подумал: «Еще вчера казалось, что для меня все кончено, а сейчас я знаю, что правильная жизнь моя только начинается: и все это - из-за радостной новости»

«...печаль ваша в радость будет».

Ин. 16:20

Неудачно прошел твой день?
Неудачно вся жизнь сложилась?
Есть для всех погрязших в беде
Весть о новой прекрасной жизни.

Не обманывай душу вновь,
Что тебе хорошо без Бога:
Ей нужна Христова любовь -
Ей противна твоя дорога.

Ты смеешься - душа скорбит,
Ты грешишь, а душа страдает
И, уставшая от борьбы,
По ночам от боли рыдает...

Если мучит тебя твой грех,
Ты поверь в хорошую новость:
Иисус пострадал за всех,
Чтобы в Нем ты родился снова.

Горько плачет твоя душа -
Не томи ты ее напрасно:
Сделай к Господу только шаг,

И печаль твою сменит праздник.

Однажды я воскресла!..

«Вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить; Я пришел для того, чтоб имели жизнь и имели с избытком» Ин. 10:10

Свою мать Аня помнила очень смутно: та погибла в автокатастрофе, когда девочке было всего два годика. Жила с отцом, но он часто уезжал по работе, постоянно был чем-то занят, и виделись они редко.

Однажды отец тяжело заболел и вскоре умер. Перед смертью рассказал дочери о том, что ее мать была гадалкой, ворожеей.

— Я ее даже боялся, - признался отец Ане незадолго до смерти, - как взглянет на меня иногда: аж мурашки по коже. Столько людей к ней приходило, двери в доме не закрывались... Да, зарабатывала она много, но жадная была к деньгам, ой-ой-ой: копеечку

на других не потратит. Да вот, не принесли они ей счастья: сама погибла еще молодой, и мне, видать, наворожила болезнь эту страшную.

С тревогой взглянув на дочь, добавил:

— Хоть бы тебя Бог помиловал. Живи, Анька, не поддавайся!

После смерти отца Аня нередко вспоминала эти его загадочные слова «...не поддавайся!» Кому же это она, интересно, должна не поддаваться? Жалела, что сразу не выяснила у отца, да теперь уже поздно.

Жила Аня уединенно, замкнуто, в небольшом, старенько

оставшемся от родителей домике. Почему-то не тянуло ее к общению с людьми. Даже со сверстниками вела себя обособленно. В школе ее называли Дикуньей. И вправду, хоть внешность у девочки была привлекательной, но характер - угловатый, замкнутый.

А когда после учебы устроилась швеей на фабрику - и там не обзавелась друзьями.

Свое восемнадцатилетие тоже отпраздновала в одиночестве. Часа три подряд смотрела разные телевизионные программы, а потом в беспокойстве легла в постель. В последнее время Аню часто мучила бессонница, а когда под утро засыпала, какие-то ужасы снились.

Пробуждалась в холодном поту, с тяжелой головой и лежала, напряженно вслушиваясь в звенящую тишину комнаты. Сердце громко колотилось, она боялась подняться с постели, потому что ей казалось, что в домике кто-то есть. Как-то, не выдержав, громко крикнула:

— Кто тут?

В ответ вдруг услышала тихий смех.

Аня резким движением включила боковой свет, но в комнате никого не увидела.

В этот день в честь своего 18-летия она купила дорогие для их краев фрукты - апельсины, которые очень любила, и устроившись в

постели с книжкой, с наслаждением погрузилась в чтение, отправляя в рот ароматные оранжевые ломтики апельсинов. Затем все- таки удалось уснуть, но среди ночи Аня проснулась: сердце сжималось от нехороших предчувствий.

Показалось, что кто-то дышит ей прямо в ухо.

— Мамочка! - вскрикнула от страха, включила свет и боязливо огляделась: никого. Так она лежала некоторое время, не в силах уснуть. Потом все-таки стала погружаться в тяжелую дремоту и вдруг ясно услышала спокойный, но не терпящий возражений голос:

— Вставай!

Противостать неведомой силе

Аня не смогла и послушно поднялась с постели. Она еще раз внимательно огляделась. Ночник хорошо освещал комнату, в которой по-прежнему никого не было.

— Одевайся! - последовала очередная громкая команда.

Аня поспешно взяла одежду, стала одеваться, но тот же голос нетерпеливо добавил:

— Быстрее! Выходи из дома!

Казалось, кто-то подталкивал ее в спину, и девушка почти бежала в том направлении, куда ее гнали.

Ночь, темнота, безлюдье...

Ане казалось, что она - просто действующее лицо в каком-то кошмарном сне.

У железнодорожного переезда, через который она раньше проходила уже много раз, голос велел ей остановиться. При слабом свете уличного фонаря зловеще поблескивали серебристые полоски рельсов. Последовала команда:

— Ложись!

Аня напрягла все внутренние и телесные силы, чтобы не сделать этого, но оказалась способной лишь еле слышно прошептать, леденея от нарастающего в груди ужаса:

— Нет! Нет! Я не хочу-у!

И тут же рабски-покорно легла на холодную, жесткую сталь рельсов.

— Не хочу-у-у! - еще раз уже не произнесла, а только всем существом беззвучно вскричала

Аня, услышав беспощадный стук вагонных колес. Совершенно не владея своим оцепеневшим от страха телом, она только как загипнотизированная смотрела на стремительно приближающиеся к ней огни поезда...

Очнулась Аня в больнице только на пятые сутки после операции по ампутации обеих ног: тяжело выходила из наркоза.

Узнав о том, что с ней случилось, она даже не заплакала: в ней как будто все омертвело. И тут же ухватилась за эту, как ей казалось, спасительную веревочку: самоубийство. Еще тогда, во время тяжелых ночей с кошмарными снами, у нее зрела мысль о том,

чтобы уйти из жизни. И вот теперь Аня решилась окончательно. Сделать это в больнице было невозможно, поэтому она с нетерпением ожидала, когда ее выпишут.

Как раз на праздник Пасхи врач сказал, что лечение приостанавливается, и Аню перевезли из больницы домой.

«Скорее, скорее. Нужно побыстрее все закончить» - лихорадочно торопила она себя саму, не желая больше ни минуты задерживаться в своей неудавшейся безрадостной жизни.

Когда Аня уже потянулась к приготовленному сооружению с веревочной петлей, то неожиданно

услышала громкий стук и вспомнила, что входная дверь не заперта.

Она замерла, раздумывая: ведь тот, кто стучит, может и войти, помешав ее планам. Торопливо спрятав свое страшное сооружение, Аня неохотно отозвалась:

— Кто там? Входите!

Дверь открылась, и в комнату вошла симпатичная девушка.

— Христос воскрес! Благодать и мир Вам! - произнесла она какие-то необычные слова.

Немного растерявшись, Аня неуверенно ответила:

— Спасибо, проходите.

— А остальным друзьям можно? - полюбопытствовала та, -

нас четверо.

— Можно, - удивленно разрешила Аня, - а вообще- то вы - кто?

— Мы - христиане, а сегодня ходим по домам, приглашая на пасхальное христианское собрание. И Вас тоже приглашаем, - сказала девушка.

Приоткрыв дверь, она кивнула, и в комнату вошли еще две девушки и юноша с гитарой в руках.

— Какое там для меня собрание? - с горечью ответила Аня, - вы же видите, какая я... Полчеловека.

— А у нас есть автобус, мы можем отвезти туда и обратно, - объяснил юноша, - хотите споем

Вам?

Аня согласно кивнула. В присутствии этих людей ей стало как-то спокойнее на душе.

«Пусть живет воскресенье Христово в сердцах

И изгонит сомненья и страх!

Он воскрес, и мрак ночи навеки исчез,

Он воистину в славе воскрес!» -

пели они с сияющими лицами, с любовью глядя на Аню, а ей казалось, что в комнате посветлело, и она то ли утвердительно, то ли вопросительно сказала:

— Вы, наверное, ангелы?

Они улыбнулись, а юноша

ответил:

— Мы - прощенные Богом грешники, дети Божьи, и Вас тоже Иисус приглашает в Свою семью. Ведь Он умер за всех и воскрес для нашего оправдания.

— А ведь я тоже почти уже умерла... Вы меня как будто с того света вытянули, - сказала она, но объяснять ничего не стала.

В общем, с согласия Ани на праздник Пасхи ее отвезли на христианское собрание, где она покаялась после первой же проповеди.

Когда после богослужения ее все поздравляли, она взволнованно повторяла:

— Сегодня и я воскресла -

со Христом!

После молитвенной беседы со служителями церкви закончились все ночные и дневные кошмары и страхи Ани. И потекла, побежала живительным ручьем ее новая сияющая жизнь с Господом.

...Прошло около двадцати лет. Однажды приезжий проповедник заметил недалеко от кафедры устроившуюся на специальном сидении безногую женщину, которая очень внимательно слушала проповедь и что-то записывала в блокнот.

После собрания он вышел из Молитвенного дома вместе с пресвитером церкви и увидел, как молодежь, усадив безногую на санки

и заботливо укутав ее теплой одеждой, повезла по заснеженной улице.

— Она верующая? Нелегко Вам с инвалидом, - сочувственно обратился приезжий проповедник к пресвитеру.

— Что Вы, - с радостной улыбкой ответил тот, - наоборот, сестра Аня для нашей общины - огромное Божье благословение.

— Что Вы имеете в виду? м удивился его собеседник.

Коротко поведав историю ее обращения к Богу,

пресвитер сказал:

— Она многие годы несет в церкви большое служение, трудится почти без отдыха, - заметив

недоумевающий взгляд проповедника, он объяснил, - сестра Аня приспособилась выращивать на своих грядках много овощей, которые затем консервирует и отправляет семьям миссионеров на Север и в другие места. В перерывах вяжет носки и шьет одежду для детей из многодетных семей. А еще...

Он на минуту замолчал, о чем-то задумавшись, а затем продолжил:

— Долгое время в распоряжении нашей церкви была только одна автомашина: ее старенький инвалидный «Запорожец» с ручным управлением. Благодаря тому, что сестра Аня возила меня по самым

отдаленным селам, многие верующие вовремя получали необходимую духовную помощь, а также могли участвовать в хлебопреломлении по заповеди Господней.

Братья еще долго беседовали о чудной благодати Божьей, которая сильна спасти каждого грешника и сделать его новым творением во Христе.

А в это время молодежь церкви привезла Аню домой. Как всегда, она пригласила их на чай. И пока сестры проворно накрывали на стол, все запели самый любимый Анин гимн - тот, через который к ее сердцу когда-то заговорил Сам Бог:

«Наш Спаситель из мертвых воскрес.

В Нем, лишь в Нем - радость в Нем,

В Нем вечная жизнь и любви полнота...»

Нередко на свои воскресные общения они приглашают соседей и знакомых. И тогда глядя на радостное, оживленное лицо безногой женщины, многие изумляются: «Чему она радуется, интересно?»

И в ответ на их безмолвные вопросы, Аня приветливо спрашивает:

— Хотите, расскажу, как однажды я воскресла?

Христос воскрес! Вот в чем надежда
Для человеческой души -
Оставь свой образ жизни прежний
И ко Спасителю спеши!

Он воскресит твой дух поникший,
И в сердце изольет Любовь:
Измученных грехом Бог ищет,
Рождает к вечной жизни вновь.

Христос воскрес - звучит как песня.
Оправданы - благая весть!
Чтоб нам быть в Небе с Богом вместе,
Христос воистину воскрес!

Научившись любить

«...побеждай зло добром»
Рим. 12:21

Лидия сочувственно смотрела на дочь, которая продолжала выкрикивать свои обвинения, впрочем, уже более безобидным тоном:

— Почему молчишь? Мама, это ведь твоя вина в том, что отец ушёл от нас! Да, он нашёл другую, потому что ты ударилась в религию

и стала непохожа на саму себя! Это же невозможно выдержать! Неужели ты не можешь верить в Бога как-то по-человечески и не раздражать других своей овечьей покорностью?

Лидия продолжала молчать, и Юля горько добавила: - Ты теперь всех любишь, даже папину совратительницу? Но какая от этого польза, если наша семья разбита? - зарыдав, она выбежала из комнаты, хлопнув дверью.

Недавно муж Лидии заявил ей, что уходит к другой, потому что не желает иметь жену-сектантку. В её новом облике Павла раздражало всё: ненакрашенное лицо, скромный гардероб и даже её кроткие ответы на его бесчисленные обвинения.

Когда год назад жена сообщила, что уверовала во Христа, он только снисходительно усмехнулся, не подозревая, что всё это будет так серьёзно. На его собственной фирме, которая торговала недвижимостью, в последнее время дела пошли так хорошо, что Павел собрался приобрести для своей семьи дом, а пока они жили в небольшой трёхкомнатной квартире. Дочь Юля в этом году заканчивала среднюю школу, и он собирался помочь ей продолжить учёбу в престижном коммерческом институте, постепенно вводя её в управление фирмой. Павел уже подыскивал для дочери подходящего мужа. Но Лидия своим

неожиданным религиозным поворотом грозила испортить все его планы. Самым тяжёлым ударом для Павла было то, что она отказалась являться с ним на банкетные приёмы к очень влиятельным лицам - деловым партнёрам Павла.

Некоторое время он ещё терпел, надеясь, что её увлечение Богом мимолётно, и скоро всё встанет на свои места. Но не тут-то было! Жену как будто подменили: она потеряла интерес ко всем развлечениям и даже к телевизору. И хотя Лидия с каким-то новым энтузиазмом продолжала заниматься домашним хозяйством, она почему-то стала сильно раздражать Павла.

Убедившись в том, что к былому возврата не предвидится, он хладнокровно всё обдумал и для начала решил начать свою жизнь с другой женщиной.

Кадры для своей фирмы подбирал он сам, и молодую красивую бухгалтершу Майю недавно принял на работу с очень высоким окладом - с учетом её участия в загородных пикниках, разумеется, наедине с ним.

Она оказалась неплохим специалистом и удачной находкой. Майя с радостью довольствовалась кратковременными личными встречами со своим обаятельным шефом. Поэтому, когда он предложил ей сойтись в

гражданском браке, не желая пока официально разводиться с Лидией, Майя в ответ восторженно обвила его крепкую шею белоснежными ручками. Своей дочери Павел предложил переехать к ним с Майей в новый дом, либо снять для неё отдельную квартиру: этим он хотел ещё больше досадить Лидии.

Юля очень любила отца, но будучи по натуре доброй и справедливой, не захотела оставлять мать в одиночестве. В глубине души она восхищалась новым обликом матери, её спокойным, мягким поведением, но признаться в этом не желала никому, и даже себе самой.

Изредка она «нападала» на

мать, обвиняя её в расколе семьи, но в ответ та молча, понимающе поглядывала на дочь, и все огненно-колкие упрёки Юли быстро теряли свою остроту. Однажды Юлия решила сходить с матерью на христианское собрание и, зная, что все там одеваются скромно, специально нарядилась, как на дискотеку, а для лица использовала двойную порцию косметики. Когда они пришли в Молитвенный дом, Юля выбрала себе место отдельно от матери, поближе к кафедре, и вызывающе смотрела на сидящих рядом верующих, готовясь дать резкий отпор на все их упрёки. Но они приветливо улыбались, как будто не замечая её ярко-

раскрашенного лица и стянутого узким коротким платьем полуобнажённого тела.

В проповедях Юля мало что поняла, но нечто, очень важное, ещё не осознанное всё же коснулось её сердца, которое вдруг быстро-быстро забилось, как испуганная птица в клетке. Ей уже было стыдно своего вида, хотелось провалиться сквозь землю, и когда все склонились для молитвы, она торопливо пробравшись к выходу, выскользнула за двери.

С отцом Юля виделась довольно часто: обычно они договаривались о встрече заранее. Но однажды она пришла в его новый дом без предварительного телефонного

звонка и, встретив там Майю, наговорила той кучу дерзостей. А затем ушла, несмотря на торопливые уговоры отца.

Дома она начала было язвительно описывать матери Майину внешность, не скупясь на оскорбительные слова, но Лидия сразу же остановила её:

— Доченька, я прошу тебя никогда не говорить о Майе плохо. Юля в недоумении взглянула на мать и насмешливо спросила:

— Может быть, ты её очень любишь?

— Да, - спокойно ответила Лидия, - я молюсь о ней с любовью.

— Ну, знаешь ли! - Юля старалась подобрать подходящие

слова и чувствуя, что внутри у неё всё кипит, тем не менее понимала, что мать говорит правду. Но остановить себя не могла.

— Ну знаешь ли, - решительно повторила она, - это даже ненормально! Любить свою соперницу - это какой-то абсурд.

— Ненормально - с чьей точки зрения? - поинтересовалась Лидия.

— С общечеловеческой! - недовольно выкрикнула Юля, - да и зачем ей твоё жертвенное всепрощение? Она грубая материалистка: нагло украла у нас папу и теперь победно порхает по шикарному особняку. Мы скорбно вздыхаем, а она - счастлива, и ей

совершенно наплевать на твою возвышенную любовь.

— Ничто, построенное на неправде, не может принести человеку истинную радость, - печально ответила Лидия, - думаю, что эта бедная душа мучается в совести своей, но с грехом расстаться очень нелегко...

— Мучается? - насмешливо зазвенела высоким голоском Юля, - да ты бы видела её сияющую физиономию!

— Бурю в сердце не всегда заметно, - возразила мать, - а наша совесть - неподкупный судья. Я желаю Майе только добра и счастья, но уверена, что в её душе нет покоя.

На этот раз Юля промолчала.

Она чувствовала, что противная, злая буря бушует в её сердце, а вот мать - совершенно спокойна и доброжелательна. «Странное всё-таки это христианское учение, - подумала она, укладываясь вечером спать, - платить добром за зло, любовью за нелюбовь: зачем это нужно, кто это оценит? Нет, мне гораздо проще и понятнее: око за око, зуб за зуб».

Но собрания в Молитвенном доме Юля продолжала посещать, хотя в последнее время часто уходила с середины: живое слово Бога начинало открывать жалкое состояние её природного сердца, а она, ещё не видя любви Того, Кто хотел помочь ей, испуганно убегала

от Него.

Однажды позвонил отец.

— Доченька, - взволнованно начал он, и Юля изумилась: так он называл её впервые. - Случилась беда, - торопливо продолжал отец, - Майю сбила машина, она в реанимации. Звоню из Америки, я здесь по делам фирмы, приехать домой смогу только завтра. Ты не могла бы сейчас же пойти в больницу? Ведь у неё совсем нет родственников...

Сердце Юли триумфально забилось: «Вот так, Майечка, чужих мужей уводить». Но тут же изнутри её вдруг обдало стыдливым жаром, а в памяти всплыли Божьи слова: «Не будь побеждён злом, но

побеждай зло добром». Да-да, она слышала их на последнем христианском собрании и тихонько прошептала тогда: «Как бы я хотела научиться этому. Боже, избавь от зла, которое во мне». Юля вздрогнула, осознав: выходит, Бог услышал эти её слова и, значит, ответил.

— Хочу всех любить! - со стоном обратилась она к Нему всем сердцем, - только любить...

— Доченька, с кем ты разговариваешь? Почему не отвечаешь мне? - растерянно повторял отец, - сможешь ли ты пойти к Майе: ей очень нужна помощь.

— Да, папа, - твёрдо и

спокойно ответила Юля, - я сейчас же пойду к ней и сделаю всё, что нужно.

...В реанимацию её впустили сразу же, видимо, приняв за родственницу. Но сначала молодая врач, отозвав Юлю в сторону, осторожно предупредила:

— Не говорите ей ничего, но... надежды нет. Мы уже ничем не можем помочь.

Майя была в сознании. Увидев Юлю, удивлённо приподняла брови и с трудом произнесла:

— Спасибо, что пришла. Я умираю... Передай своей маме, что прошу у неё прощения за всё: пусть не держит в своём сердце зла, Бог и так наказал меня за мой грех перед

ней. И ты тоже - прости, если можешь.

Майе было очень тяжело говорить и, закончив, она устало прикрыла глаза.

И тогда Юля склонилась и слегка коснулась губами её щеки.

— Что это? - встрепенулась больная. Широко открыв глаза, она испуганно спросила:

— Как ты можешь? Меня?

— Это тебе наш с мамой ответ, - тепло глядя на неё, сказала Юля.

Майя беззвучно плакала, отвернувшись к окну. Дверь в палату открылась, вошла Лидия.

— Мама? - удивилась Юля, - как ты узнала?

— Отец позвонил, - тихо ответила та, - он переживает, что ты можешь обидеть Майю и попросил меня прийти сюда.

Лидия и Майя впервые видели друг друга. Их взгляды встретились: в одном были страх и растерянность, в другом - дружелюбное сочувствие.

— Здравствуйте, Майя, - поприветствовала её Лидия.

— Разве Вы не ненавидите меня? - едва слышно произнесла Майя, отведя глаза в сторону.

— Нет, так же, как не может ненавидеть Тот, Кто живёт во мне, - просто ответила Лидия.

— И во мне, - вдруг эхом, почти шепотом отозвалась Юля.

Лидия удивлённо повернулась к ней и всё поняла: глаза дочки сияли неземным светом.

— Слава Господу! - воскликнула Лидия и, обратившись к Майе, приветливо сказала:

— Всё будет хорошо. Сердце мне подсказывает: Вы поднимете сь. Тревожно зазвонила Майина мобилка. Лидия взяла телефон с тумбочки и подала больной.

— Павел? Не волнуйся, всё хорошо, - виновато поглядывая на своих посетительниц, ответила Майя, - я говорю, всё очень хорошо: чувствую себя значительно лучше... Рядом со мной твои жена и дочь. Да, да, твоя семья... Не волнуйся, у нас

всё в порядке.

Выслушав его ответ, продолжила:

— Нет, Лидия сказала, что я не умру. Я тоже это чувствую: Бог даёт мне время исправить ошибки... Передаю телефон твоей жене.

Лидия приложила трубку к уху и услышала взволнованный голос мужа:

— Лида, сможете ли вы меня простить?

Юля тревожно смотрела на мать, но увидев, что она, счастливо улыбнувшись, заплакала, воскликнула:

— Ура, папа возвращается к нам!

— Лида, почему ты

молчишь? - обеспокоенно переспросил Павел, - конечно, я сделал большую глупость, но жить без вас не могу. Прости меня ради твоего Бога. Возможно, я не совсем безнадёжен для Него... Согласен на то, чтобы вы меня сильно побили, только умоляю: примите к себе.

— Нет, дорогой, - рассмеявшись, ответила, наконец, Лидия, - бить тебя мы точно не будем и примем, как принял нас с Юлей Господь: только с любовью.

Выбираю Небо

«Ты дал мне познать путь жизни...» Деян. 2:28

Поздним вечером Витька

возвращался из города домой - в свое небольшое горное селеньице.

Хотя ему было всего двенадцать лет, он почти всю неделю работал на ферме, помогая отчиму, а один раз в неделю, в свой выходной, ездил в город, чтобы немножко развлечься.

Добирался туда с трудом - на «попутках» и пешком, потому что денег на дорогу у него не было.

В городе ему нравилось всё: многолюдье, магазины с интересными и необычными товарами, мороженое, которое продавали почти на каждом углу и которое он очень любил.

На развлечения и мороженое надо было заработать, и Витька,

прибыв в город, сразу же вставал у пешеходного моста, где было многолюдно, повесив на грудь картонную табличку с надписью, которую сделал сам: «Люди добрые, помогите, кто чем может! Родители умерли, болею, не пожалейте пару копеек для круглого сироты. Бог вас вознаградит».

Этот жалостливый текст он позаимствовал у одной нищенки, которую встретил с подобной же табличкой на груди, когда однажды с отчимом ехал в электричке.

В протянутую им шапку с козырьком изредка падали мелкие монеты. Некоторые прохожие, дав милостыню, участливо вздыхали: «Бедняга!». Другие сердито

отчитывали и называли обманщиком.

К обеду обычно собиралась небольшая сумма, и Витька, пересчитав свой капитал, с нетерпением бежал в знакомую столовую, где покупал порцию горячего супа и сладкие пончики с маленьким кусочком джема внутри.

Почти всегда у него еще оставались деньги и на одну-две порции развесного мороженого, которое он ел очень медленно, с большим наслаждением, прогуливаясь по красивой городской набережной. Затем, тяжело вздохнув, аккуратно выбрасывал бумажки от мороженого в урну и с неохотой шел в сторону вокзала. Его

«выходной» заканчивался. Предстояло решить еще одну сложную задачу: без денег добраться до родного села, что всегда удавалось ему более или менее успешно.

Вообще-то возвращаться домой ему не хотелось, потому что там его никто не ждал. Когда-то у него были родителели, которые любили его. Но после того, как отец неожиданно заболел и умер, мать вышла замуж за другого. Отчим попался строгий, придирчивый, часто со злостью бил Витьку ни за что. Кроме того, у него было двое взрослых сыновей, которые тоже нередко издевались над беззащитным мальчиком. Мать, боясь отчима, за сына не

вступалась. Вскоре во время работы на ферме она по неосторожности прикоснулась к оголенному электропроводу. Спасти ее не удалось.

После ее смерти отчим вскоре женился на их разведенной соседке, и таким образом Витька оказался среди чужих, да еще и враждебно к нему настроенных людей.

У мачехи тоже был сын, и теперь, объединившись, трое «законных» сыновей часто обижали Витьку.

На ферме, где мальчик работал подсобником отчима, он выполнял тяжелую и грязную работу, но денег ему отчим не давал, забирал всю зарплату, заявляя:

— Скажи «спасибо» за то, что я тебя, пасынка, кормлю и одеваю.

...На этот раз Витьке очень повезло: водитель грузовика, к которому он обратился на автовокзале, собирался ехать как раз в сторону его села и согласился подвезти мальчика, да еще и расставаясь с ним, подарил целый рубль (две порции дешевого мороженого в вафельных стаканчиках). Очень довольный, Витька спрятал деньги в потайной карманчик курточки и, сердечно поблагодарив своего благодетеля, спрыгнул с высокой ступеньки грузовика и поспешно зашагал в сторону своего села, которое было

уже совсем недалеко.

Еще только начинало темнеть, и поэтому Витька издалека увидел на окраине села большую палатку. «Что это значит? Откуда она взялась?» - в недоумении думал он, а, подойдя ближе, увидел прикрепленную к палатке надпись: «Христос - Спаситель мира».

Из палатки вышли двое мужчин - пожилой и молодой. Они приветливо поздоровались с мальчиком, а один спросил:

— Ты из этого села?

— Да! - коротко подтвердил Витька и поинтересовался: - А что здесь будет - цирк?

— Нет, не цирк, - добродушно объяснил мужчина

постарше, - с завтрашнего дня всю неделю здесь будут проходить христианские собрания. Начало - в шесть часов. Приходи и ты: Иисус Христос любит тебя и хочет примириться с тобой. Хочешь, мы прямо сейчас расскажем тебе о Нем?

Витьке очень хотелось бы остаться здесь с этими добрыми людьми, но, заметив, что тьма вокруг сгущается, он испуганно спросил:

— А сколько сейчас времени?

— Половина девятого, - взглянув на ручные часы, ответил молодой мужчина.

— Ой, достанется мне! -

вскрикнул мальчик и тут же помчался в сторону села.

Он-таки действительно в этот вечер ощутил на своем худеньком теле крепкую руку отчима, который сначала зло отругал его за позднее возвращение, а затем дал ремня под язвительные реплики трех «законных» сыновей.

Но во время экзекуции Витька вдруг вспомнил те чудесные слова, которые недавно услышал от благовестников - «Иисус Христос тебя любит», и это помогло ему перенести тяжелое испытание.

На следующий день он так старательно трудился на ферме, что к назначенному часу успешно отпросился у отчима и побежал к

палатке.

В первый день народу собралось немного. Мальчик не очень-то понимал то, о чем говорили проповедники, но вот пение христианской молодежи ему очень понравилось.

После собрания он нерешительно подошел к юноше с гитарой и попросил:

— Напишите мне слова песни про две дороги...

Молодой человек, улыбнувшись, кивнул и попросил

Витьку немного подождать. Через несколько минут к нему подошла какая-то девушка и протянула ему листок с записанными словами песни.

Всю неделю мальчик аккуратно посещал христианские собрания: у него был неплохой слух, и он с удовольствием подпевал молодежи, которая с большой любовью относилась к нему и встречала его по вечерам как хорошего друга.

Наступил последний день благовестия. Сегодня проповедники особенно настойчиво призывали почти всех собравшихся здесь сельчан к покаянию, но помолиться об этом захотела только одна старушка, которая, выйдя вперед, в слезах попросила у Бога прощения за свои грехи.

Витька тоже почувствовал в сердце угрызения совести, вспоминая кое-какие свои проступки,

но выйти помолиться при всех не решился.

Поздно вечером, когда христиане уже убрали палатку, он долго помогал им собирать вещи и грузить их в автобус. На прощание молодежь подарила ему христианский песенник.

На следующий день, в свой «выходной», Витька, как обычно, на «попутках» кое-как добрался до города. Но почему-то в этот раз ему стыдно было просить милостыню. Он уже и табличку приготовил, но встать на привычном месте с протянутой рукой так и не смог. Прежде, чем спрятать табличку в сумку, он перечитал текст, написанный на ней, и подумал: «Тут

написано, что я болею, но ведь это неправда. Все остальное - правда, а это - обман. Может быть, поэтому мне трудно сегодня просить деньги?»

Он начал рыться по карманам, ища ручку или карандаш, чтобы закрасить слово «болею», но так ничего подходящего не нашел. Настроение у него испортилось. На подаренный водителем грузовика рубль он купил две порции мороженого, но даже съеденное лакомство не принесло ему удовольствия. «Какой идешь ты из дорог?» - вдруг вспомнил он слова из своей любимой песни.

«Какой дорогой я иду?» - спросил Витька сам себя и неожиданно

понял: «Плохой - то есть той, которая ведет в ад! По хорошей, правильной дороге идут только христиане, в том числе и те, которые приезжали к нам. Раз я не с ними, значит я - на другой, плохой дороге, которая закончится адом. Ведь так поется в песне».

Мальчику стало не по себе и он тихонько сказал:

— Господи, я не хочу в ад. Переведи меня, пожалуйста, на другую, хорошую дорогу.

Сейчас он очень жалел, что не решился выйти с покаянием в палатке.

Витька вдруг со страхом подумал о смерти и удивился: ведь раньше он совсем не боялся её, и даже

хотел поскорее умереть из-за своей тяжелой, беспросветной жизни. Теперь же, когда он поверил в Бога и в то, что есть ад, он очень испугался.

«Подумай, что тебе дороже:
Дар неба, сердца чистота -
Иль может, жизнь в грехах, пороках,
Где мрак, обман и пустота?» -

стал тихонько напевать мальчик и тут же понял, что это сейчас Сам Бог обращается к нему с этим вопросом.

Витька вскочил со скамейки и, глядя в небо, твердо сказал:

— Я подумал, Господи!

Выбираю Небо, Иисуса Христа, но только я не знаю, как мне перейти на Твою хорошую дорогу.

В эту же минуту он впервые в жизни услышал в своем сердце голос Бога, который сказал: «Я услышал тебя, прощаю и ставлю на путь, который ведет в Небо. Теперь Я всегда с тобой».

Витька едва не задохнулся от радости: вот Он, оказывается, какой - Иисус Христос - живой, любящий, всемогущий!

Домой он возвращался очень счастливый, хоть и голодный: поесть ему так и не удалось. Но зато теперь был уверен, что он уже на другой дороге: на Божьей. Рассказать бы об этом кому-то!

Попутная машина довезла его только до середины пути. Если никто не остановится, придется долго идти пешком. Но, переполненный радостью, он шел и пел: «Сегодня время есть все взвесить,

Подумать, подвести итог:

Что жизнь твоя здесь в мире весит?

Какой идешь ты из дорог?»

Из темноты появились две фигуры. Подвыпившие парни подошли к мальчику и приказали:

— А ну, спой еще раз!

Тревожно поглядывая на них, он послушно пропел всю песню, а припев со словами: «Одна дорога - в Небо к Богу, Другой ты только в ад

пойдешь!» - повторил дважды.

— Да-а-а, - неопределенно протянул один из парней, выслушав до конца, - философ ты, однако.

— Не философ, а христианин, - спокойно объяснил Витька и, не удержавшись, с радостью сообщил:

— Я сегодня с Богом примирился.

— Ну, а с нами сейчас поссоришься, если не отдашь все деньги. - грозно заявил второй, направляясь к мальчику.

— У меня нет ни копейки, - простодушно объяснил тот и попросил, - отпустите меня, я очень спешу домой.

— Вот, я тебе! - погрозил

ему пальцем первый и, резко притянув к себе Витьку, начал быстро шарить по карманам. Ничего не найдя, сорвал с него куртку и бросил ее на землю. Осмотрев другую одежду, раздраженно крикнул:

— Пустой чемодан!

Витька наклонился, чтобы поднять курточку, но в этот момент второй парень неожиданно со всего маху ударил его в лицо носком своего тяжелого ботинка. Мальчик отлетел назад и, упав навзничь, неподвижно замер.

— Эй, малый! Хватит спать, вставай. Я просто пошутил, - встревоженно обратился к нему ударивший его парень. Увидев, что

Витька продолжает лежать без движения, оба подошли и склонились над его окровавленным лицом. В этот момент мальчик открыл глаза и, увидев своих обидчиков, с трудом произнес:

— Вам тоже нужно... перейти... на другую дорогу... Прощаю вам... и всем...

Парни долго тормошили мертвое тело Витьки, надеясь, что он только притворяется.

— Бежим скорее, - наконец осознав то, что произошло, крикнул первый.

— Беги, если хочешь, - хмуро ответил полностью протрезвевший второй, - да ты и не виноват почти. А я... я хочу ответить

перед людьми и Богом. Может быть, Он и Меня когда-то простит.

— Ты что, совсем свихнулся? Никто тебя не простит! Засудят на пожизненно, а может и - «вышка». Беги скорей, а я, кореш, тебя не выдам.

— Нет, не хочу. Пусть - «вышка», но в ад не хочу. Этот малый так пел про две дороги, у меня слова из сердца не выходят... - сказал второй.

— Точно свихнулся! Ну и иди на эшафот, герой, только обо мне - ни слова, убью! - со злостью крикнул первый и исчез за большими кустами.

Его товарищ молча посмотрел ему вслед. Затем он наклонился, и

бережно подняв Витькино тело, медленно пошел вперед - туда, где кончалась тьма, и из-за высоких деревьев проглядывал какой-то необычный в этом мрачном лесу свет.

Какой дорогой ты сейчас идешь?
Есть только две - тебе известно?
Широкая - где правят тьма и ложь.
А узкая - путь в Небо крестный.

Тебе, возможно, нравится шагать
Мирской дорогой развлечений -
Не видя злобного врага,
Плывешь по бурному теченью.

Коней дороги этой - вечный ад,

Хоть ты пока не видишь это;
Идя во тьме греховной наугад,
Пренебрегаешь Божьим светом.

Земные прелести вкусить спешишь
И расточаешь дни беспечно –
Когда на этом оборвется жизнь,
Шагнешь в мучительную вечность.

Сегодня еще можно путь сменить,
И во Христе увидев Бога,
Пред Ним в мольбе колени преклонить,
Избрав небесную дорогу.

Я назвал тебя по имени...

«...не бойся, ибо Я искупил тебя, назвал тебя по имени твоему, ты - Мой»

Ис. 43:1

Седой лежал на холодном полу тюремной камеры- одиночки, подавленный, внутренне совершенно разбитый... Вчера ему был объявлен приговор: пожизненное заключение. «С одной стороны, — тоскливо размышлял он, - это вполне заслуженно, ведь я убил человека, а с другой - как же я смогу выдержать здесь столько времени? Как?» Он перевернулся со

спины на бок, дрожа от холода. «Сейчас мне только 23, значит впереди 20... 30... (а может и больше) мучительных лет заточения». Седой застонал и еще теснее прижался всем телом к цементному полу. В камере имелись нары, но он решил лежать и спать только на полу: возможно, размышлял он, таким образом можно будет заболеть воспалением легких и умереть.

Ему припомнился сиротский дом, где он родился и провел свое детство. «Седой! Пасуй сюда!» - звенели мальчишеские голоса. Любимая игра - футбол - детям разрешалась только раз в неделю, и уж тогда они отводили душу! В

остальные дни мальчиков нагружали разнообразной работой, чтобы даром хлеб не ели. Кличку «Седой» ему дали за белоснежную прядь в черных, как смоль, волосах на голове. Ох, и покуролесил же он в своей недолгой еще, одинокой жизни.

После выпуска из детского дома - пьянки, наркотики, женщины, групповое воровство... Ах, как он спешил насладиться всеми «прелестями» этого мира! А для чего же еще дана жизнь?

«Есть только миг между прошлым и будущим; Именно он называется жизнь!» - театрально покачивая головой, басил в микрофон певец в ресторане, где

Седой с шиком тратил наворованные деньги. А слова этой очень популярной тогда песенки были девизом его жизни.

Переживал он и неудачные дни, когда не на что было и хлеба купить. Никто из друзей ему в это время не помогал, и он все больше утверждался в мирской мудрости: «Человек человеку - волк. Ничего прочного, ничего искреннего нет и быть не может. Пользуйся подходящим моментом - вот и вся философия». Как-то одна девица, с которой он проводил время на море, с опаской отодвинувшись от него, спросила:

— Седой, почему ты такой жестокий? Даже когда ты

улыбаешься, я боюсь тебя.

Он усмехнулся и, закурив, быстро отвернулся в сторону, чтобы она не увидела набухшие в его глазах слезы. Затем, справившись с комом в груди, постарался сказать небрежно, как обычно:

— Я не жестокий, я просто злой... А почему это, красотка, ты не называешь меня по имени? Ведь я сказал тебе, как меня зовут.

— Да как-то... - замялась та, успокоенная его доброжелательным тоном, - понимаешь, тебе твое имя совсем не подходит. Седой - лучше.

При ударе он не рассчитал, и чуть не разбил ей переносицу. Она долго плакала от боли и обиды, делая холодные примочки, а Седой

с ненавистью думал: жестокий не он, а жестока жизнь, которая не дала ему ничего хорошего, а только отняла: родителей, детство, благополучие. Да еще и имя...

...Он даже не заметил, как дверь камеры открылась, и поэтому вздрогнул, увидев возле себя какого-то мужчину.

— Вы не могли бы немного поговорить со мной?

Незнакомец сказал это почти умоляюще, но Седой взглянул на него враждебно. Спокойное, приветливое лицо, скромный костюм, в руках - толстая черная книга. «А-а! - понял он, - это спасатель».

К нему уже несколько раз

направляли проповедников Библии, но он всем наотрез отказывал, не давая даже слова сказать.

— К сожалению, я не имею права выставить Вас отсюда, но слушать о Боге не желаю, уходите! - с раздражением крикнул он и отвернулся лицом к стене.

— Как Вас зовут? - все же спросил посетитель.

Седой резко вскочил и, сверкая злобным взглядом, сквозь зубы проговорил:

— Разве Вам не понятно? Я не желаю «спасаться». У меня нет охоты слушать Ваши басни о Боге. Но на Ваш вопрос я отвечу: у меня нет имени. У меня ничего нет.

— Прекрасно, - невозмутимо

ответил мужчина, - если Вы понимаете, что у Вас ничего нет, то Вы именно тот, кто может все получить.

Седой подозрительно посмотрел на посетителя и с презрением сказал:

— Ваши «гуманитарии» мне тоже не нужны: ни еда, ни одежда: ни-че-го! Я не хочу жить, я хочу побыстрее умереть.

«Зачем я ему это сказал? - тут же с досадой подумал он, - сейчас начнет уговаривать стать верующим. Как это все скучно и нудно...»

— Вы знаете, когда мне исполнилось 15 лет, я тоже решил умереть. Родился я в детдоме, -

начал, было, проповедник.

— Вы родились в детдоме? - Седой с удивлением внимательно посмотрел ему в глаза.

— Да, в детдоме для сирот, и я даже не знаю, кто мои родители. У меня тоже ничего не было, даже имени. Дело в том, что в детдоме дети обычно дают друг другу клички: меня называли «Волк», это от моей фамилии Волков. А фамилию мне подобрали в сиротском доме и - точно оказалось: с детства я как волчонок был - злой, всем старался навредить.

— Человек человеку - волк, - неожиданно вставил Седой, изумляясь совпадению их судеб.

— Да, и я так думал, -

согласился посетитель, - много бед в жизни натворил, за несколько дней не расскажешь, да и не стоит теперь об этом. Несколько минут они молчали, вспоминая каждый свое.

Седому уже очень не хотелось, чтобы проповедник сейчас ушел. Он даже был готов просить его остаться, чувствуя, что тот может сказать ему что-то очень важное.

— Вы не хотите, чтобы я говорил о Боге, - продолжил тот, - поэтому я скажу Вам о Пути, Истине и Жизни. Есть путь, встав на который человек начинает видеть Свет; есть Истина, познав которую, становишься другим; и, наконец, есть Жизнь, приняв которую, человек обретает бессмертие и

настоящее счастье, и, конечно, Божью любовь. Вы сказали, что у Вас нет имени, а я назову имя Того, Кто может дать Вам все самое лучшее, и имя - тоже. Это Иисус Христос, Который изменил и мою жизнь.

...Ночью Седой проснулся от холода, но, покосившись на нары, упрямо остался лежать на полу.

Вспоминая разговор с проповедником, попытался рассердиться. «Он, видите ли, нашел любовь и истину». Тут он понял, что очень завидует этому явно счастливому человеку, тоже бывшему детдомовцу. «Да, он явно имеет что-то стоящее. И я, и я хочу!» - без слов вскричало его

сердце.

— И ты, Святослав, можешь получить эту новую жизнь.

Голос был незнакомый, очень мягкий. Кто это - знающий его настоящее имя? Он почти не дышал: впервые за столько лет к нему обратились, назвав его по имени. Но ведь в камере больше никого нет. Вдруг он все понял. И тогда, впервые склонив колени, едва прошептал:

— Господи! - осознав, что его слышат, нерешительно продолжил, - что мне делать?

Ответ прозвучал почти одновременно с его вопросом:

— Только прими Мою любовь к тебе.

Утром охранник открыл окошко, чтобы поставить тарелку с едой, и заглянул в камеру. На полу узника не было, он безмятежно спал на нарах. Охранник громко постучал. Проснувшись, заключенный воскликнул:

— Слава Богу, это не сон!

Он взял еду и вежливо поблагодарил работника, который после этого с удивлением спросил:

— Седой, тебе что, приговор пересмотрели?

Тот уже с аппетитом приступил к еде с не очень приятным запахом. Услышав вопрос, он прервал трапезу и приветливо ответил:

— Да, небесный суд полностью простил мне все

преступления. Это главное. А земное наказание я смогу теперь перенести с Господом. Кстати, мое имя - Святослав. Седого уже нет, он умер. И еще - простите меня ради Христа за мою прежнюю грубость и оскорбления.

— Чудеса Божьи, - только и ответил изумленный охранник, с большой неохотой закрывая маленькое окошко одиночной тюремной камеры.

«...не бойся, только веруй...»

Евангелие от Луки 8:50

Мир отбирает всё, и даже имя.
Считая жертвы, радуется враг.

Но всех раскаявшихся Небо примет:
Не прогляди открытых Божьих врат.

Не бойся, грешник, - говорит Спаситель, -
Не бойся, только искренно поверь,
Ты слаб, но у Меня есть много силы:
Я пред тобой открыл спасенья дверь.

Ты за бортом и никому не нужен:
Ты нужен Мне, ты дорог для Меня!
Тебя тоска или обида душит?
Приди к Тому, Кто может бремя

снять.

Сидишь в тюремной камере убогой?
И этот свет тебе уже не мил?
Есть для тебя благая весть у Бога:
Мой друг, спасенье во Христе прими!

И отступило отчаяние

«...рука Твоя поведёт меня, и удержит меня десница Твоя»

Пс. 138:10

После обеда все улеглись спать, а Лидия собралась идти в центр города, где было много магазинов. Дом престарелых, где она жила уже

четыре года, находился на окраине. На воротах красовалось заковыристое название: «Территориальный центр помощи одиноким гражданам пожилого возраста». Правда, у многих обитателей этого печального заведения было немало близких родственников, не без усилий «сдавших» сюда своих сопротивлявшихся, но бесправных старичков и старушек. Избавившись таким образом от обременительного ухода за ними, а заодно завладев их жилплощадью (нередко - отдельной), проворные детки навсегда исчезали из поля зрения покинутых родителей, которые всё равно простив им всё, ежедневно

тоскливо выглядывали в окна, напрасно ожидая своих любимых чад.

Лидию «сдал» сюда её 35-летний внук Юра. Свою единственную дочь, умершую от тяжёлой неизлечимой болезни, она похоронила пять лет назад, тогда же и сердце своё загнала: никак не могла смириться с её скоропостижной смертью, не спала ни днём, ни ночью, а сильные антидепрессанты не успокоили, но напротив, почти добили и без того слабое сердце.

После смерти мужа, а потом и дочери, Лидия жила одна в небольшой отдельной квартирке.

Но единственный теперь для неё «свет в окошке» - внук Юра - вдруг

попросил:

— Давай, бабуля, поселю тебя в Территориальный центр для одиноких: там ведь много таких, как ты, вместе доживать вам будет веселее. А квартирку твою я продам: мне машина нужна позарез...

Да так пристал, так пристал! И жестами кое-как объяснял ей, и на бумаге писал: ведь она, Лидия, глухонемая от рождения. Дочь-то её всегда лучше понимала и объясниться легко могла, а вот внук не силен в языке для глухонемых - в сурдопереводе.

Ну, конечно, уступила ему, согласилась на переезд, а как же иначе: ведь любимый единственный внучек.

Дом престарелых сразу показался ей тюрьмой: комнатка тёмная, плохонькая, на четыре койко-места, кормят кое-как, пенсию почти всю забирают. Денег на руки дают совсем чуть-чуть, а нужд всяких так много: и лекарства надо подкупить, и моющие средства, и кое-что из продуктов.

Опять же обстановочка - лучше не спрашивайте: друг у друга все воруют, кто что может, постоянно ссоры, крики.

Правда, она, Лидия, глухонемая, и потому не слышит ни плохого, ни хооошего.

Но нервы-то не стальные и - тоже иногда в «разборки» приходится ввязываться, ну и

обижают её, конечно, больше всех, а ещё и издеваются, смеются, когда она руками машет, стараясь что-то объяснить, защититься.

И так больно у Лидии на сердце становится, что бежит в «дежурку» и, разгорячённая, утирая слёзы, суёт медсестре бумажку с Юркиным телефоном: звони, мол, да побыстрее!

А та, покрутив диск, то ли обманывает, то ли правду говорит, кто же её знает, но только всегда объясняет ей, что телефон не отвечает. Да Лидия и не надеется на отзывчивость внука. Квартирку-то её он давно продал, машину купил: зачем ему теперь 82-летняя больная бабка?

А жить здесь - тоска. По вечерам, когда изредка между обитательницами комнаты короткие минуты мирной передышки, они, видать, друг другу начинают сердце изливать, что-то из прошлого вспоминают, а на неё, Лидию - ноль внимания: ведь не слышит ничего, и сказать не может. А ей ещё горше: хоть бы умереть скорее, что ли!

Но вот на днях женщина какая-то зашла, поздоровалась и беседу завела. А что ей, Лидии, до этого?

Но незнакомка к ней обратилась. Лидия в ответ нахмурилась и печально показала ей на своё ухо, потом - на губы: мол, глухонемая я. Женщина вдруг сразу же легко «заговорила» с ней на языке

сурдоперевода...

От неожиданности Лидия аж заплакала и, счастливая, стала отвечать жестами, торопливо рассказывая обо всех своих бедах, не успевая промокать платочком набегающие слезинки.

Посетительница объяснила, что её зовут Таня, что она христианка и теперь будет постоянно приходить к ним для чтения Библии каждую среду.

Лидия теперь этого дня как праздника ожидала. Таня им Слово Божье читала, вместе рассуждали, молились.

Жить им стало легче, уже почти не ссорились. Вскоре одна из женщин в их комнате покаялась, а

потом и водное крещение приняла.

Лидия тоже уже много знала из Библии, но кое в чём еще сильно сомневалась.

— А как же я буду верующей, если даже молиться вслух не могу? - жестами спросила она Таню.

— Говорите с Ним сердцем, - ответила ей та, - ведь Он «слышит» и знает все наши мысли.

Но в душе Лидии вдруг появилась какая-то злая противодействующая сила.

«Ведь я никогда Бога не видела и не слышала, - сердито размышляла она, - как же я могу верить в то, что Он меня слышит и всё обо мне знает? И вообще, где

Он был, когда я дочку свою похоронила и когда любимый внук меня, как ненужный хлам, перевёз в этот противный Дом? Нет-нет, не могу я верить, что Он есть, да ещё и любит меня...»

...Сегодня Лидия собралась в центр города по такому поводу: в честь Дня инвалидов ей в качестве подарка выдали небольшую сумму денег, на которую она собиралась купить хорошее мыло и шампунь для мытья волос. Такую роскошь им здесь не выдавали, а Лидия всегда любила быть опрятной и благоухающей.

Из-за больных ног она ходила очень медленно, опираясь на старенькую трость, но радовалась и

этому: её соседки и этого не могли и с большим трудом передвигались только по комнатам.

На автобус решила не садиться, чтобы сэкономить деньги и зайти ещё в кафе, где продавали дешёвые пирожные с заварным кремом: это лакомство Лидия могла позволить себе очень редко.

Предвкушая предстоящее удовольствие, она даже чуть ускорила шаги, наклоняясь вперёд своим грузным телом и тут вдруг - р-раз! Деревянная тросточка, на которую она опиралась, переломилась в середине, и несчастная рухнула лицом вниз с высоты своего немалого роста.

Переулок, в который Лидия как

раз перед тем свернула, был совершенно безлюден, поэтому её падения никто не увидел, а кричать она, ясное дело, не могла.

Попробовала пошевелиться и обрадовалась: кажется, ничего не сломала. Но как же теперь подняться? С её больными ногами и руками это просто невозможно...

Лежать было неудобно. Почувствовав холод, Лидия стала всерьёз переживать: как бы не простудиться!

И тут она вспомнила: в последний раз Таня рассказывала, что Бог близок к каждому: она читала им псалом из Библии, где говорится о том, что Он окружает человека сзади и спереди и хранит

его от зла.

Тогда Лидии не очень верилось во всё это, но сейчас она впервые всем сердцем горячо взмолилась:

— Господи, если Ты действительно видишь, что я упала, то помоги мне встать.

И тут же почувствовала, как чьи-то сильные руки бережно помогли ей подняться и встать на ноги.

В недоумении Лидия огляделась вокруг, но никого не увидела.

«Видно, Бог и вправду рядом, - с изумлением подумала она, - кто бы ещё мог мне помочь?»

Но взглянув на свою сломанную трость, растерянно продолжала размышлять:

«А дальше-то как? Ведь я теперь

не смогу и шага сделать... Надо бы новую палочку купить, но где их продают, и как мне дойти до магазинов? Да и денег у меня совсем немного...»

В переулок завернул мужчина средних лет и энергично направившись прямо к Лидии, подошёл, молча взял её под руку и решительно повёл вперёд.

Почему-то совсем не испугавшись, она послушно пошла с незнакомцем, который, видимо, зная, что его спутница - глухонемая, без разговоров вёл её по улицам, сворачивая то вправо, то влево.

Наконец, они остановились перед небольшим магазинчиком. Мужчина ловко помог ей преодолеть

несколько ступенек лестницы, и они вошли в помещение.

Лидия сразу же увидела на полках трости и другие товары для инвалидов. Она радостно повернулась к своему спутнику, чтобы поблагодарить его хотя бы взглядом, но он уже куда-то исчез.

Теперь её очень волновало: хватит ли денег на эту нужную покупку? Лидия выбрала подходящую ей трость, и очень удивилась: цена оказалась совсем невысокой. Опираясь на новую удобную палочку, Лидия радостно направилась в парфюмерный магазин: после покупки трости у неё каким-то образом осталось ещё достаточно денег. А в кафе она

купила не дешёвое пирожное, а чудесное слоённое колечко с настоящим сливочным кремом, да ещё хватило на порцию кофе с молоком!

Возвращаясь в Дом престарелых, она размышляла об удивительных делах Божьих. Ей очень хотелось побыстрее встретиться с Таней, которая должна была прийти завтра, чтобы рассказать ей о своём открытии: Бог слышит и молитвы глухонемых! Его невидимые руки подняли её, когда она упала, а затем мужчина, которого Он послал, привёл её в нужный магазин. Бог помог ей купить всё, о чём она даже не мечтала. Оказывается, Он действительно

всегда рядом, и сейчас Лидии было стыдно за своё прежнее неверие...

«Да, скорее бы встретиться с Таней!» - опять подумала она. Лидии не терпелось побольше узнать о Том, Кто так заботливо помог ей в беде и Чьи невидимые руки теперь вели её в прекрасную новую жизнь.

Ласточкино гнездо

Ласточка построила гнездо

прямо над дверью в «дежурку» крупного предприятия, вход в которую был со двора. Через короткое время в гнезде появилось три птенца. Вытягивая вверх тонкие дрожащие шеи, они издавали слабый жалобный писк и раскрывали клювики в ожидании пищи. Их родительница часто подлетала к гнезду и аккуратно вкладывала в один из трех широко раскрытых клювов крошечку еды, которую ей удавалось найти. Потом она опять улетала в поисках корма, а детки терпеливо ожидали ее возвращения.

Стояли теплые, солнечные, весенние дни. Небо влекло к себе ласточку своей безупречной

голубизной и бесконечным простором: как ей хотелось вольно летать в нем, воспарить высоко над землею, купаясь в ласковых лучах солнца. Но... некогда, некогда! Внизу ее ждали голодные птенцы, и потому она неустанно трудилась, с любовью выполняя свой родительский долг: никогда не возвращаясь к гнезду пустой и не ошибаясь в том, кому из малышей вложить в клювик добытую пищу.

Не знала ласточка, какая опасность надвигается на ее нехитрую постройку.

Однажды начальник, который проходил через служебный вход в свой кабинет, поднимаясь по лестнице, услышал громкий птичий

щебет. Он поднял голову и увидел ласточкино гнездо и три широко раскрытых клювика.

Начальник недовольно нахмурился и вызвал дежурного:

— Что это такое? - грозно спросил он, глядя куда-то в сторону и тыча указательным пальцем в направлении ласточкиного гнезда.

— Где, что? - растерялся дежурный, который хорошо знал строгий нрав начальника.

— Вы еще спрашиваете? Немедленно убрать это безобразие! - спохватившись, что он и так слишком долго беседует с таким незначительным в его глазах подчиненным, начальник важно шагнул вперед и исчез за дверью

служебного входа.

Дежурный, пожилой мужчина пенсионного возраста, посмотрел ему вслед, задумчиво почесал затылок и взглянув на птенцов, пробормотал:

— Еще что придумал! Не буду я грех на душу брать. Не нравится ему гнездо - пусть сам и убирает его.

На следующее утро, поднимаясь в свой кабинет, начальник опять услышал птичий писк и, подняв голову, увидел на том же месте зеленоватое, как будто сплетенное из веток, ласточкино гнездо, а в нем - три беспомощно дрожащие головки птенцов.

— Как? Что такое? -

угрожающе прорычал начальник, - дежурный! Из комнатки сторожей выскочил молодой крепкий паренек.

— Не выполняете приказ! Всех уволю! - увидев его, крикнул начальник, - чтобы сегодня от этого гнезда и следа не осталось!

Бросив гневный взгляд на подчиненного, он рывком потянул на себя дверь и быстро скрылся за нею.

Дежурный долго не раздумывал: он хорошо знал, что начальник слов на ветер не бросает. Раздобыв лестницу и молоток, он поднялся вверх и, закрыв глаза, чтобы не видеть попискивающих птенцов, сильно ударил по гнезду. Но к его изумлению, оно не разрушилось,

более того, от него не отлетела даже маленькая крошка. Только птенцы замолчали, подслеповато глядя на стоящего перед ними человека.

«Интересно, что у них за стройматериал? - удивленно размышлял дежурный и опасливо потрогав гнездо указательным пальцем, заключил: - похоже на цемент».

Для спокойствия совести он стукнул по гнезду еще пару раз, но ласточкин дом был неподвижен, как скала.

Вернувшаяся к этому времени мама птенцов носилась над головой дежурного как коршун, и он торопливо спустился с лестницы.

«Не буду больше трогать это гнездо - его, наверное, Бог защищает, - решил он, - пусть начальник даже уволит меня, но я больше до него не дотронусь».

Когда на следующее утро начальник, поднимаясь по лестнице к служебному входу, увидел перед собой прежнюю картину - гнездо и поднятые вверх три клювика - он прошел к «дежурке» и рывком открыл дверь. В этот день дежурила пожилая женщина. Она сидела за столом и читала Библию.

Начальник, который никогда не здоровался с подчиненными такого низкого уровня, начал общение с грозного крика:

— Все! Увольняю всех вас!

— За что? - спокойно осведомилась женщина.

— Еще смеете спрашивать? - он зло взглянул на приветливое лицо дежурной, - за то, что не выполнили приказ о сносе этого птичьего гнезда, - при этих словах он брезгливо дернул головой вверх, - пишите заявление об уходе и занесите мне. С этими словами начальник вышел из «дежурки», сильно хлопнув дверью.

Через несколько минут дежурная вошла в его кабинет.

— Извините, но такого заявления я писать не буду. Ваше право - уволить меня, если есть за что. И если... Вам Бог позволит. А чем Вам помешало ласточкино

гнездо? - простодушно поинтересовалась она. От слов дежурной начальник сначала как будто онемел, но потом воскликнул:

— Как Вы смеете так говорить со мною? Зоопарк устроили на предприятии, а теперь еще и религию разводите: «если Бог позволит!» Всех разгоню! Идите пока на рабочее место!

После ее ухода начальник вызвал к себе начальника отдела кадров, чтобы посоветоваться с ним, по какой статье можно уволить верующую дежурную, посмевшую противоречить ему. Остальных сторожей он решил наказать лишением их премии. Но подобрать подходящую статью для увольнения

они так и не смогли. Свои обязанности дежурная выполняла безупречно, на работу никогда не опаздывала, все сотрудники отзывались о ней хорошо.

— Ладно, идите, - недовольно отправил он из кабинета начальника отдела кадров, - сам все решу. Не знаю только, за что Вам деньги плачу.

Затем начальник вызвал к себе постоянно пьяного рабочего Ваську, которого терпел только по одной причине: тот всегда соглашался выполнить любую, даже самую грязную работу.

— Немедленно сломаешь гнездо над комнатой для сторожей! - резким тоном приказал он

вошедшему в кабинет ухмыляющемуся рабочему.

— Премию не забудьте, господин начальник! - обильно выдыхая пары алкоголя, хрипло захохотал Васька.

— Пошел вон! - нахмурив брови, процедил начальник, добавив скверное слово.

Рабочий мгновенно исчез из кабинета.

Обычно начальник после рабочего дня уходил через другие двери, поэтому выполнение приказа решил проверить завтра утром, хотя ни капельки не сомневался в том, что рабочий все исполнит: никогда еще Васька не подводил его.

Однако в конце дня тот без стука

ввалился в его кабинет. Испуганная секретарша пыталась остановить его, но безуспешно. Таким пьяным начальник еще не видел его.

— Господин мой, не ломается это гнездо ваше, - Васька едва выговаривал слова, вцепившись в спинку шикарного кресла, - только не бейте меня! - закричал он, увидев лицо хозяина кабинета и, спотыкаясь, выбежал за дверь.

Начальник почувствовал вдруг, как сильно он устал. К тому же этот день был приемный: много посетителей, много спорных вопросов, да еще из правительства позвонили, предупредили, что на днях состоится серьезная проверка

работы предприятия. От всего пережитого голова у него просто раскалывалась: не помогали ни таблетки, ни кофе, ни услужливые улыбки молодой красивой секретарши.

— Домой! - коротко бросил он водителю служебной машины и, откинувшись на мягкие подушки автомобильного кресла, мечтательно задумался о предстоящем домашнем отдыхе.

Возле особняка, где жил начальник со своей семьей, стояли какие-то люди. Среди них он увидел взволнованную жену. Она выбежала к его машине:

— Дорогой, в нашем доме появилась большая трещина, может

рухнуть второй этаж! Слава Богу, что я вовремя заметила опасность и вызвала аварийную строительную службу. Нам нужно будет на время поселиться у мамы.

Начальник потрясенно смотрел на свой, как он думал, крепкий дом. Вокруг него сновали люди. Руководитель аварийной бригады разрешил им под охраной своих людей войти в дом, чтобы взять необходимые для временного переселения вещи. Затем он пообещал, что работы по устранению аварийного состояния дома будут вестись ускоренно, но вернуться хозяева смогут не раньше, чем через два месяца.

— Дом ваш построен

правильно, непонятно, откуда появилась опасная трещина в стене, - поделился он своими размышлениями, - такое впечатление, что по дому кто-то сильно ударил сверху...

Начальник вздрогнул и с опаской посмотрел на небо.

Ночью ему так и не удалось заснуть. «И зачем я вчера Ваську вызвал? - с досадой на себя думал он, - теперь могу и я без дома остаться, видно с Богом шутки плохи...»

Долго он еще ворочался на скрипучей тещиной кровати, соображая, как восстановить злополучное гнездо, если перепуганный его угрозами Васька

все-таки разломал его.

Утром в 6 часов начальник был уже у служебного входа. С облегчением взирал он на невредимое гнездо и на то, как ласточка-мать, уже привыкшая к присутствию людей, вкладывает крошку еды в один из раскрытых клювов.

От радости начальнику захотелось даже погладить этих птенцов. Сердце его как-то непривычно умилялось и трепетало, впервые осознав Бога, как Творца и заботливого Небесного Отца всей живущей твари.

Когда начался рабочий день, он сразу же вызвал к себе своего первого заместителя, и каким-то

новым, чуть приглушенным голосом вежливо попросил:

— Пожалуйста, составьте приказ о награждении денежными премиями всех наших сторожей и этого... Ваську-рабочего.

Заместитель в недоумении посмотрел на начальника и записав всё, осторожно спросил:

— А на каком основании составить приказ о премиях? Немного подумав, начальник ответил:

— Запишите так: «За выполнение особого задания в условиях, опасных для жизни».

Заместитель удивленно посмотрел на него:

— Но ведь все они не

выполнили ваш приказ о сносе гнезда.

Хозяин кабинета с несвойственной ему доброжелательностью взглянул на своего подчиненного, улыбнулся и спокойно ответил:

— Мой приказ? При чем здесь я? Все они «на отлично» исполнили приказ другого Начальника - Самого Главного над всеми начальниками, - при этом он благоговейно встал из-за стола и посмотрел вверх.

Вслед за ним встал и его первый заместитель...

Подмена

«Мы вошли в огонь и в воду, и Ты вывел нас на свободу» Пс. 65:12

Милка, зачем опять так напилась? Брось ты эту гадость, умрешь же скоро, - запричитала Оленька, открыв дверь и впуская в комнату едва держащуюся на ногах сестру.

— Цыц, малявка! - с трудом произнося слова, отмахнулась от нее Милка. Держась за стенку, она кое- как добрела до своей кровати, рухнула на неприбранную постель и тут же уснула.

Морщась от отвратительных запахов, наполнивших маленькую комнатушку, Оленька тоже легла: Милка, как обычно, вернулась домой среди ночи и разбудила ее своим стуком в дверь.

Сестры были близняшками. Как две капли воды похожие внешне, они разнились характерами. Милка по натуре - огонь-девка, а Оленька - тихоня с мечтательным взором.

Девушкам было уже по шестнадцать. Их произвела на свет

спившаяся, без определенного места жительства женщина, которая умерла сразу после родов. Они не знали имени ни ее, ни своего отца. Росли в детдоме, откуда в возрасте двенадцати лет успешно сбежали, до изнеможения устав от бездушных наказаний и скудной, как они называли «собачьей» еды. Первое время бродяжничали, ходили по квартирам, жалостливо рассказывая, если не захлопывали перед носом дверь, о своих несчастьях.

Одна сердобольная бабушка, снабдив их поношенной одеждой и вкусными пирожками с капустой, шепнула по секрету, что недалеко стоит заброшенный деревянный

домик, где последним жил какой-то бомж, который совсем недавно умер.

— Если еще никто не занял, считайте, что вам повезло, - торопливо наставляла старушка, сочувственно поглядывая на их одинаковые личики. - Там, вроде бы, и из вещей что-то есть, и печка. А к себе не могу вас взять: сама на птичьих правах у дочки с зятем...

За её спиной раздался грозный голос, и она испуганно захлопнула дверь. А близняшки на скорости сбежали вниз, чтобы пирожки и одежду не отобрали.

Подсказанная старушкой времяночка оказалась неплохой. Правда, вместо печки они

обнаружили только старенькую керосинку. Зато в небольшой комнатушке стояли две кровати, стол и даже табуретка. В обшарпанном шкафу с восторгом нашли кое-что из постельных принадлежностей и кухонной утвари.

— Хозяйственный, видать, мужик был! - заливаясь смехом, разглядывая каждую находку, воскликнула Милка.

Довольная, она носилась по комнате, переставляя вещи. Выбрав себе кровать поновее, застелила её рваным клетчатым пледом, найденным в шкафу.

— Подключайся! - весело крикнула она сестре, которая растерянно озиралась по

сторонам, - возьми ведро и сходи за водой: надо пол помыть.

— А если нас выгонят? - тихо спросила Оленька.

— Да кому нужна эта халабуда? - уверенно выкрикнула Милка. - Воюй: там во дворе колонка. Да и керосину бы где-то раздобыть, печку нашу зажечь.

Так они и обрели крышу над головой.

К немалому удивлению Оленьки никто их не выгонял. Видно о негодном сарайчике забыли: ведь в нём - ни света, ни воды, только шаткие стены да крыша.

Начали искать работу, чтобы как-то прокормиться, да где там! В условиях кризиса многие маялись

без заработка, а они - без документов - кому нужны-то?

Милка первое время бодрилась и Оленьку старалась поддержать:

— Чего нос вешаешь? Продержимся! Гляди, сколько на мусорках выброшенных бутылок, бумаги, железа. Только не ленись: собирай и сдавай: да мы с тобой еще и разбогатеем, малая, - так снисходительно она называла сестру, чувствуя себя по какой-то причине старшей.

На большой загородной свалке они нашли детскую коляску и приспособили её под перевоз тряпья и макулатуры в пункты приёма вторсырья. Но разбогатеть им не удавалось. Платили копейки: едва

на хлеб хватало. А тут ещё беда пришла. Один мужик, с которым близняшки встречались у мусорных баков, положил глаз на Милку и начал её потихоньку спаивать.

Иногда, перепутав сестёр, он подходил к Оленьке, но та испуганно отскакивала от него, выкрикнув:

— Я - не Милка!

Мужик удивлённо переводил взгляд с одной сестры на другую и хрипло хохотал:

— Надо же. Ещё не выпил, а в глазах уже двоится.

Пьяная Милка неестественно добрела и заплетающимся языком наставляла сестру:

— Ты, Оленька, зря не пьёшь. Вон какая скучная всегда. И

правда ведь, жизнь у нас с тобой собачья... Вот ты и глотни хоть разок этой радости: увидишь, как рукой снимет тоску, и - море по колено. Васька мне сегодня полбутылки с собой дал. Добрый он, - она протянула спиртное к Оленькиному лицу, но та категорически замотала головой:

— Не-а, не буду. И ты не пей: ведь тебя и так уже в милиции записали, теперь в тюрьму могут посадить.

Два месяца назад, после какой-то пьяной разборки, Милку поставили на учёт в милиции и предупредили, что в следующий раз наказание будет строже.

— В тюрьму - так в тюрьму:

там хоть харчи казённые, - усмехнулась Милка и, достав папиросу, таинственно мигнула одним глазом:

— Может, хоть это попробуешь?

— Нет, и курить не буду, - упрямо отмахнулась Оленька.

— Пожалешь, - пьяно протянула Милка, - папироска-то ведь не простая, а с начинкой. Золотая. Ладно, я её на завтра сберегу.

Оленька тогда в этих делах не разбиралась и не знала, что сестра уже и к наркотикам пристрастилась: коноплю курила.

Однажды вечером, когда Оленька жарила на керосинке

картошку, Милка вбежала в комнату с бледным перепуганным лицом и сообщила:

— Сейчас менты поганые явятся.

— Милиция? Зачем? - растерялась Оленька, - выгонять нас отсюда? Я же говорила...

— Да нет, - сморщилась Милка, - не затем...

Вдруг она упала на колени перед сестрой и с плачем

взмолилась:

— Выручи меня!

— Да что случилось-то? - изумлённо спросила та, и Милка лихорадочно затараторила:

— Слышь, там в углу - мешок с коноплей, выкинуть я уже

не поспею: они по пятам идут, Ваську уже схватили. Очень тебя прошу, скажи, что мешок твой: тебе на первый раз ничего не будет, ты ведь не на учёте в милиции. А меня точно заграбастают: как пить дать!

Дверь резко распахнулась, вошли двое милиционеров. Один, увидев мешок в углу, схватил его и грозно спросил:

— Чей?

Но тут, разглядев двух сестёр, удивился:

— Да вы что, близняшки? А ну-ка, кто из вас у нас на учёте?

— Я, - сдавленно ответила Оленька, - и мешок - мой.

Протокол составили быстро и её увели.

Только на суде, когда Оленьке объявили срок тюремного заключения - пять лет строгого режима - она растерянно заплакала, а сердце обожгла горькая обида на сестру: «Обманула меня, обманула...»

Несмотря на развратный образ жизни сестры, Милку она очень любила и жалела: ведь единственная родная душа. Но теперь, после её хитрого предательства, Оленька как будто омертвела: всё внутри стало бесчувственным, неживым.

...Сокамерницы научили её играть на гитаре, и вскоре она уже громко пела в блатной манере тюремные куплеты. К концу срока

«Лёха», как переименовали её подруги по несчастью, уже не могла обойтись без выпивки и наркотиков, которые предприимчивые зэковки доставали умело и регулярно.

А ещё - в заключении Оленька забеременела и родила мальчика. Сколько не допытывалось начальство как это произошло, от кого? - ничего от неё не добились. Так что пришла в тюрьму одна, а вышла - с двухлетним сыночком Славиком.

— Оленька, это ты? - испуганно встретила сестру Милка, с опаской глядя на огрубелое лицо сестры и непонимающе переводя взгляд на мальчика, которого сестра держала за руку.

— Нет, Пушкин, - зло сверкнула взглядом Оленька, - скажи спасибо, что я не одна теперь, а с сыночком: убила бы за твою подлость!

— Только не дерись, - боязливо заканючила Милка, с опаской поглядывая на свою неузнаваемую, одетую по-мужски сестру, - слугой тебе буду до гроба.

— То-то, - удовлетворённо хлопнула её по плечу Оленька, - кровать побыстрее найди для сынка моего: потесниться придётся.

Милка кивнула головой на внимательно разглядывающего тёмную комнатушку Славика и без слов помчалась выполнять задание.

Позже она рассказала сестре,

что после ареста её и Васьки, места себе не находила: совесть мучила, что так предательски Оленьку вместо себя в тюрьму отправила. Да что уже переменишь? А тут, промышляя по мусоркам, Библию нашла: толстую, почти новую. С крестом на чёрной обложке.

— Надо же какие гады есть: святые книжки выбрасывают, - отвлеклась на минутку от рассказа Милка, но сестра её нетерпеливо оборвала:

— Давай, ври дальше.

— Не обманываю я, чистую правду говорю: книжка эта сначала будто кипятком меня ошпарила, а потом - словно кто-то рану обвязал, ожег этот маслом смазал, - мягко,

совсем не похожая на себя, поведала Милка.

— Правда, я мало что поняла там, - призналась она, - но с наркотой и пьянством завязала. Точно говорю! Эх, если б ещё кто объяснил, как в ту, другую, жизнь войти. В книжке-то этой, сестричка, Христос о другой жизни рассказывает, и всё о любви, да о любви говорит: а где и как это всё найти? Если б кто объяснил...

— Ладно, хватит! - резко остановила её Оленька и насмешливо продолжила, - Оставь эти сказки: никакой любви нет. Может... в книжках только. Ты лучше думай, как теперь мальчишку прокормить и нам с тобой с голоду

не сдохнуть: я ведь теперь работник плохой.

Через несколько дней Оленька сильно занемогла: ослабевший организм требовал хорошей пищи, лечения, а где ж всё это взять? Ночью она поняла, что умирает и позвала Славку:

— Сынок! Сыночек!

Тот проснулся, подошел к её кровати. Глядя на багровое лицо матери, которая силилась что-то сказать, заплакал:

— Мамочка, не умирай...

Сердце её вздрогнуло, и она впервые обратилась к Небу:

— Бог, если Ты есть, или подними меня, или сразу умертви. Душа стонет, так мальчишку жалко.

Неужели тоже сиротой останется?

Вдруг сразу крепко заснула, а утром поднялась бодрой, лёгкой: как будто и не было болезни. Но только нестерпимо хотелось уколоться. Впервые почувствовала при этом стыд: ведь вчера Богу молилась, и Он помог. А она, как свинья, опять грязи ищет. Однако не в силах сопротивляться жгучему желанию, властно обратилась к Милке:

— Вот немного денег: пойди-ка побыстрее, принеси мне уколоться. Ты ведь знаешь, где... Только быстрее, малявка!

Милка хотела что-то возразить, но не посмела. Встретившись взглядом с Оленькой, поняла: та сейчас вне себя и может сделать

что угодно. Поэтому молча взяла деньги и ушла.

— Быстрее, я сказала! - опять услышала она себе вслед.

Прошёл час, потом два, но Милка не возвращалась. Оленьке стало так плохо, что она, вся мокрая от пота, скрипя зубами, только шептала страшные ругательства в адрес сестры, стараясь не разбудить спящего Славку.

«Что же могло случиться? - размышляла она в отчаянном нетерпении, мучительно стеная от невыносимого состояния: всё тело, казалось, разламывается на куски. - Может быть, Милка сама укололась на мои деньги и потому не возвращается? Но ведь она

убеждала, что завязала с этим».

Не в силах больше терпеть, Оленька, опустив голову, взмолилась:

— Бог, Ты есть, теперь я знаю: ведь Ты уже один раз ответил мне. Сейчас прошу: умертви меня, не могу выдержать этой пытки. Я гадкая женщина и не имею права обращаться к Тебе, но помоги мне ещё только один раз.

К своему изумлению она почувствовала, что ужасная ломка в теле проходит, а желание уколоться ослабло. С трудом поднялась, чтобы приготовить еду сыну, который уже проснулся, а потом опять упала на кровать.

Милка вернулась только

вечером: глаза её сияли.

«Точно, укололась. Я так и знала», - досадливо подумала Оленька, но злости на сестру почему-то не было.

— Родненькая моя, ты даже не представляешь, что со мной произошло! - воскликнула Милка и подсев на кровать, нежно взяла сестру за руку.

— Да что с тобой? - напряженно спросила та, пытливо глядя в лицо Милки. Никогда раньше сестра не называла её так.

— Когда я вышла из дома, то в отчаянье стала думать о том, как мне быть, - взволнованно начала свой рассказ Милка, - покупать тебе наркотики я ни за что не хотела:

видела, что ты совсем ослабла, этот укол бы тебя добил. К тому же меня опять начала мучить совесть: ведь это я во всём виновата, из-за меня ты попала в тюрьму. Я шла по улице и даже не замечала, что плачу. И тут меня остановила какая-то женщина. Спросила, что случилось, не может ли она чем-то помочь? Вот я и выдала ей всё- всё. Знаешь, у неё было такое лицо... Ну, в общем, доброе. И когда я рассказывала, она плакала вместе со мной. А потом сказала, что идёт сейчас в церковь, на христианское собрание. Предложила мне пойти с ней и объяснила, что там можно помолиться и за тебя. Да я на всё была готова, лишь бы ты не умерла.

Но когда мы туда пришли, и началась проповедь, я вдруг поняла, что сама нуждаюсь в помощи, что я грешница перед Богом и сначала мне у Него нужно выпросить прощение. В общем, покаялась я. И Христос простил и принял. А потом все за тебя молились. Оленька, я понимала, что очень задерживаюсь, что ты ждёшь и волнуешься. Но я знала, что Господь тебя не оставит и поможет! А сейчас, родненькая моя, я и у тебя прошу прощение за то, что тогда подставила тебя милиции, да и за всё остальное - прости ради Христа!

Слушая Милку, Оленька беззвучно плакала и гладила по голове Славика, который замер,

прижавшись к матери всем тельцем, а потом тихо сказала:

— Так вот, значит, почему моя ломка закончилась: за меня молились святые люди. Неужели Он и меня может простить?

— Может, родненькая, - подтвердила Милка, - Он хочет быть нашим Отцом.

— Значит, мы с тобой уже не будем сиротами? - поднимаясь с кровати, спросила Оленька.

— Конечно нет! - воскликнула Милка, - у нас будет вечный Отец и семья братьев и сестёр.

...В этот вечер произошло чудо приобретения и Оленькиной души, когда она в покаянии обратилась к

Богу.

— Как хорошо, что я назвала сына Славкой, - обрадованно сказала она, наблюдая, как сынок поднимался с колен: малыш действовал по примеру мамы, - теперь и он будет славить Бога.

— А я радуюсь тому, что раньше мы с тобой были одинаковыми только снаружи, а теперь - близняшки и по духу, - объявила Милка, обнимая Оленьку.

Мы похожи в Иисусе Христе
Друг на друга природою новой:
Он нас в праведность Божью одел
И омыл водной банею Слова.

Место есть за Господним столом
И для тех, кто из «чёрного списка».
Ждёт тебя, блудный сын, Отчий дом.
Даже если ты пал очень низко...

Ищет Бог изнемогших душой.
Никудышних, пропащих, ничтожных...
Для таких в мир Спаситель пришёл.
Он не праведным - грешным - поможет.

Извлечёт из глубокого рва
И на стон покаянья ответив,
Восстановит в сыновьих правах,

Разорвав сатанинские сети.

Зиночкино счастье

«Но человек рождается
на страдание, как искры,
чтоб устремляться вверх»

Иов 5:7

— Катя... Катя... Катя... - в полном отчаянии повторяла Зинаида, глядя на побледневшее лицо четырнадцатилетней дочери, которая неподвижно лежала на постели.

Глаза больной были закрыты и, казалось, она уже не дышит.

— Нет! Нет! Родненькая моя! - не осознавая, что делает, Зина несколько раз с силой

встряхнула исхудавшее тело девочки.

Та с трудом приоткрыла глаза и едва слышно проговорила:

— Мамочка, зачем ты меня вернула? Я ухожу от тебя, мама...

— Нет, доченька! Я не хочу! Я не отпущу! - в исступлении закричала Зина, но Катя опять закрыла глаза и затихла уже навсегда.

Недавно у дочери Зинаиды обнаружилась серьезная болезнь. Сделали срочную операцию, но медицина оказалась бессильной.

И вот теперь ее любимое дитя, ее кровиночка, ушла туда, куда для нее, Зинаиды, вход пока был закрыт.

Плакать она уже больше не

могла, и только обхватив обеими руками голову, медленно раскачивалась из стороны в сторону, тихонько постанывая, как раненый зверек.

И за что все это ей? Ведь только год назад внезапно, от инфаркта, скончался ее старший сын Игорь. После женитьбы он переехал в другой город, к жене. Детей родить не успели...

И двух мужей своих Зина пережила. После смерти первого решила остаться вдовой, но тут такой хороший человек попался: не пьет, не курит, хозяйственный и заботливо-внимательный, жену звал только Зиночкой. Но надо же: и он вдруг заболел и умер. «Видно,

сглазил меня кто-то, - с горечью решила она, - нет, не видать мне в жизни счастья».

После похорон дочки Зинаида предложила Косте, своему единственно-оставшемуся из детей:

— Сынок, давай продадим нашу хибарку и купим хоть однокомнатную, но с удобствами. Нет у меня уже сил ни за водой ходить, ни печку топить.

Жили они, хоть и в центре города, но в маленьком, барачного типа домике без водопровода и теплосети. Носить воду и растапливать дровами печь приходилось Зинаиде. Костя по дому ничего не делал: связался с какой-то разведенной, старше его,

да еще и с ребенком, и почти все время у нее пропадал.

Но на предложение матери продать их развалюху и купить квартирку откликнулся охотно. Сразу взялся за дело и через некоторое время нашел богатого покупателя, который дал за неказистый домик неплохую сумму: ему, конечно, не эта хибара нужна была, а участок земли в центре города, где он собирался что- то строить.

Новый владелец снисходительно разрешил им еще немного пожить на прежнем месте, пока не приобретут квартирку. Костя заверил мать, что у него уже есть на примете несколько неплохих вариантов, но затем он неожиданно

исчез в неизвестном направлении со всеми вырученными от продажи домика деньгами. Узнав об этом, новый владелец приказал Зине немедленно освободить купленное им жилье.

Так она оказалась на улице, в прямом смысле этого слова, присоединившись ко все возрастающей армии городских бомжей, то есть опустившихся людей «без определенного места жительства». Теперь у нее не было ни семьи, ни крыши над головой: хорошо, хоть небольшую пенсию по возрасту недавно стала получать.

Большую часть дня Зина проводила на железнодорожном вокзале. В зале ожидания ей

удавалось иногда поспать в тепле на удобном кресле. Но со временем, милиционеры, заприметив ее, стали выгонять несчастную на улицу, угрожая:

— Еще раз появишься здесь - повезем в участок.

Однажды она стояла возле большого супермаркета и пила горячий чай из пластмассового стаканчика, размышляя, где бы сегодня переночевать: на улице было очень холодно.

— Зина, это Вы или нет? - вдруг услышала она чей- то знакомый голос.

Она чуть не поперхнулась чаем: так давно никто не называл ее по имени.

Подняв голову, увидела перед собой свою бывшую молоденькую сотрудницу Марию.

— Да, это я, - подтвердила Зинаида и поведала свою горестную историю.

Слушая ее, Мария, казалось, о чем-то напряженно размышляла и, наконец, предложила:

— Хорошо. То есть, конечно, для Вас - ничего хорошего. В общем, Вы можете поселиться у меня: я ведь по-прежнему без мужа... Будете присматривать за моей трехлетней дочкой, ну и, конечно, готовка-уборка тоже за Вами: я ведь работаю целыми днями. А пенсию свою переведите на меня: зачем Вам деньги? Питаться будем

вместе, и одежду я дам, у меня полные шкафы, а размер у нас с Вами вроде бы одинаковый. Ну что, согласны?

Выбирать Зине было не из чего, она быстро кивнула, мечтая об одном: поскорее вытянуться на нормальной кровати с постелью и уснуть без опасения, что на нее внезапно обрушатся удары милицейской резиновой дубинки.

Поначалу новая жизнь показалась ей раем: тепло, своя постель, в квартире все удобства. Но работа по дому, включая уход за малышкой Танечкой, полностью легла на Зинины плечи: хозяйка иногда и по ночам где- то гуляла, любила «веселую» жизнь.

Через какое-то время Мария стала своих кавалеров домой приводить: напившись, они то громко ссорились, то среди ночи начинали петь и хохотать, не давая отдохнуть ни Зине с Танечкой, ни соседям, которые безответно стучали в тонкие «хрущевские» стены...

Пришлось Зинаиде опять на улицу вернуться: не стало сил терпеть такую жизнь, да и безденежье надоело: Мария всю ее пенсию забирала, и копейки не выпросишь, даже на лекарство.

В общем, перевела Зина опять пенсию на себя. Танечку миленькую, к которой очень привыкла, со слезами поцеловала, сложила в

сумку свои скромные пожитки и навсегда захлопнула за собой дверь квартиры, где провела шесть нелегких лет.

Еще перед уходом, обдумывая дальнейшую жизнь, решила: «Пойду в Красный Крест, может быть, закуток какой-нибудь помогут найти». Уж очень не хотелось ей опять на вокзал и, тем более - на крыши многоэтажек, где обычно спят бомжи. Да и ноги стали болеть.

Выслушав Зину, работница Красного Креста объяснила, что здесь ей могут немного помочь одеждой и продуктами, но жилья у них нет. Посоветовала сходить в горсобес - организацию, обслуживающую пенсионеров.

И вот тут ей повезло. Участливая инспекторша отдела социальной помощи малообеспеченным после беседы с Зиной протянула ей исписанный лист бумаги и сказала:

— Пойдите по этому адресу: там недавно открылся центр помощи бездомным пенсионерам, правда, стационарных мест уже нет. Но Вы все-таки попросите директора, он человек мягкий, может быть, что-то придумает.

С директором Зина сначала никак не могла начать говорить: она со страхом смотрела на него, опасаясь отказа. Выслушав, наконец, ее сбивчивый рассказ, тяжело вздохнув, он проворчал:

— Ну где мне всех вас

размещать? На голове, что ли?

А затем, встав, подошел к ней и с грубоватой лаской, по-отцовски, погладил по голове и сказал:

— Не плачь, что-то придумаем... На улицу не выгоню. И так уж настрадалась. Уже через полчаса ей поставили койку в небольшой комнатке, где уже проживали три женщины. Так начался для Зины новый этап несладкой интернатской жизни.

Много пережившие обитатели пансионата часто не ладили меж собой. Каждого привела сюда нелегкая дорожка, да и характер к старости, как правило, не улучшается.

Ссоры, крики, «разборки» были

здесь привычным явлением. Скоро Зина стала своей в этой, ставшей ей родной, среде обездоленных. Научилась защищать себя в случае необходимости, только драться, как другие, не могла: из-за сильной болезни ног она почти все время проводила в постели, изредка поднимаясь для того, чтобы поесть или же для другой необходимости.

Часто вспоминала о своем сыне Косте: жив ли? А если жив, то где он сейчас? Иногда от обиды на сына до боли перехватывало в горле: как же он мог так поступить с ней? Оставить мать на улице, сбежать с деньгами и за все эти годы даже не поинтересоваться, как она тут? Если, конечно, он жив.

Зина испытывала противоречивые чувства: ей было трудно простить и одновременно пронзительно жалко свое родное, неизвестно где скитающееся, дитя. Если только он еще где-то ходит по земле...

«Только Бог знает, жив ли сын мой», - многократно шептала она по ночам, ворочаясь с боку на бок. И однажды подумала: «А если Он знает, как бы спросить у Него об этом? И вообще, слышит ли Он нас, людей?»

Зина всегда считала себя верующей: ведь она с детства верила, что Бог есть. Было время, и храм посещала по праздникам, да и молитвы кое-какие помнила, правда,

не полностью. Вот и теперь Зина зашептала, напряженно сморщив лоб: «Отче наш, сущий на небесах...»

Довольная, что дошла до конца, повторила еще раз, а затем осторожно спросила:

— Господи, а Костя-то мой жив?

Замерла, вслушиваясь в тишину ночи, но так и не получив ответа, подумала: «Видно, далековато Бог от нас, не слышит... Да и кто я, чтобы Он со мной разговаривал?»

Повернувшись на бок, Зина погрузилась в тяжелый сон. А утром, сразу после завтрака, в их комнату вошла дежурная медсестра с какой-то женщиной лет пятидесяти и

тоном массовика-затейника игриво сказала:

— Ну, золотые мои, к вам гостья. Об Иисусе Христе будете слушать?

— Будем! - почти хором дружно ответили обитательницы комнаты. Изголодавшиеся по общению с людьми, они готовы были слушать о чем угодно, только бы хоть на время забыть свое одиночество.

— Серафима, - поздоровавшись, представилась гостья.

— Красивое имя, старинное, - уважительно отозвалась одна из пансионерок, благожелательно поглядывая на

женщину, - да Вы присаживайтесь на кровать, у нас тут стульев нет.

Серафима интересно рассказала о себе: о том, как до 42 лет жила в грехах, а потом стала читать Библию и как поняла, что она грешница пред Богом. Теперь, заключила она, когда Христос её спас, желание сердца: рассказать об Иисусе всем, чтобы и другие получили спасение и полюбили Его.

Все охотно слушали: до этого никто не говорил им о Боге так просто и понятно. А еще женщинам очень понравилось, что Серафима поинтересовалась их житьем-бытьем и с неподдельным вниманием долго слушала обо всех интернатовских бедах и

приключениях.

У Зинаиды сердце защемило, когда гостья назвала ее Зиночкой: так ласково ее называл когда-то только второй муж.

Когда в конце беседы Серафима поднялась и коротко помолилась вслух, благодаря Бога за общение, Зина вдруг громко, с каким-то надрывом зарыдала.

— Что с тобой? - в недоумении обратилась к ней соседка по койке.

— Ничего. Вы все равно не поймете, - отозвалась та и взглянула на Серафиму, ожидая и от нее подобного вопроса.

Но гостья молча смотрела на нее с такой любовью и сочувствием, что

Зина поняла: она действительно настоящая верующая. А может быть, Сам Бог прислал её к ней, Зине?

«Выходит, Он все-таки слышит нас» - задумчиво решила она.

Серафима стала приходить часто. Обычно она читала отрывок из Библии, а затем они вместе размышляли над прочитанным. Однажды Зина нерешительно сказала:

— Я тоже хочу помолиться вслух.

Серафима кивнула, как будто совсем не удивившись. Все встали. Зине казалось, что сердце сейчас выскочит: почему-то очень тяжело было произнести то, что

переполняло ее. Наконец, она с трудом произнесла:

— Господи, спаси мою душу грешную.

Больше она не в силах была ничего добавить: и так чуть сознание не потеряла от напряжения.

После ухода Серафимы одна из пансионерок вдруг язвительно обратилась к Зине:

— Ты думаешь, что лучше всех, если помолилась? Если бы Сима (так женщины называли между собой Серафиму) узнала, что ты выпиваешь, то она не была бы к тебе так добра.

— Замолчи, несчастная, - грозно отозвалась Зина, - я все грехи брошу, мне Бог поможет!

— Как же, поможет, - передразнила ее та, нисколько не испугавшись, - горбатого могила исправит.

Зина крикнула в ее сторону еще несколько оскорбительных слов и насмешница, наконец, угрожая, что разберется с ней, вышла из комнаты.

Ночью Зинаиду стала сильно судить совесть: и за всю прошедшую жизнь, и за сегодняшний скандал с соседкой по комнате. Долго лежала без сна, мучаясь и терзаясь от соделанных ошибок и преступлений.

Затем, с трудом поднявшись с кровати, взмолилась всем измученным сердцем:

— Господи, прости... Если

можешь...

Когда почувствовала, как внутри воцарилась тишина, удивленно прошептала:

— Как море после бури.

Утром она смущенно попросила у своей обидчицы прощения: та была так изумлена, что только несколько раз открыла и закрыла рот, но так ничего и не ответила. А когда пришла Сима-Серафима, Зина все подробно рассказала ей о себе и о своих выпивках, а затем добавила:

— У меня будто внутри кто-то поселился и подсказывает: «Вот так делай. А вот этого - не надо».

— Это Иисус Христос, - объяснила Серафима, - теперь Он будет жить в твоем сердце и

поможет тебе побеждать плохое. Только слушайся Его во всем, не огорчай.

Зина быстро прижала обе руки к груди, как бы опасаясь того, что Господь покинет ее.

— Он никогда не расстанется с тобой, если ты сама не оставишь Его, - вдруг сказала Серафима.

Зина изумленно смотрела на нее: и как только Сима могла прочитать ее мысли? Тут вдруг ее осенило: ведь и в ней, Зине, и в Серафиме живет Бог. Это Он все слышит и все понимает. И отвечает на их молитвы: теперь она была в этом уверена.

«Иисус и о Косте мне все

скажет, - подумала Зина, - если захочет...» Впервые она не почувствовала в сердце никакой обиды на сына. Все прежние бури утихли. Ей казалось, что волны Божьего омовения подняли вверх и выбросили куда-то очень далеко всю грязную пену ее грехов. А теперь через нее к другим потечет чистая, живая вода вечной жизни.

— Дорогие мои, я ухожу, - попрощалась Серафима, - кто что хочет к следующему разу?

Обычно она приносила им что-то вкусненькое. Вот и сейчас перед уходом спросила об их желаниях.

— Я хочу... - медленно начала Зина, и все, даже Серафима, удивленно посмотрели на нее: ведь

раньше она ничего не просила, - я хочу извиниться перед всеми, кого обижала. Хочу всех любить, как любит меня мой Господь. Хочу стать доброй и мягкой. Хочу жить для Бога.

Зина стояла рядом с Серафимой: глаза у обеих сияли одинаково счастливым светом, они сейчас были похожи друг на друга, как родные сестры. Да они и вправду стали родными - во Христе Иисусе, своем Спасителе и Господе.

Крутые повороты

«Сокрушайтесь, плачьте и рыдайте: смех ваш да обратится в плач, и радость - в печаль; смиритесь пред Господом, и вознесет вас»

Ик. 4:9-10

Раньше, еще до моего обращения к Богу, мы с Дарьей были близкими подругами, даже работали на одном предприятии. Как поется в одной песне:

Труд небольшой, но делали,
Вместе огнем горели,
Вместе ночами белыми

В синюю даль глядели.

Правда, белых ночей в нашем краю не бывает, а в остальном - похоже.

Но после моего уверования во Христа дороги наши разошлись. Дарья только короткое время выдержала мои пламенные речи о необходимости примирения с Богом.

— Хватит с меня моей матушки! - так однажды подвела она итог нашей дружбе.

Инна Леонидовна, мать Дарьи, уже много лет посещала церковь, но вела почти мирской образ жизни: любила выпить пива, с удовольствием смотрела телевизор. К тому же она постоянно была чем-

то недовольна: то цены высокие, то здоровье подводит. Инна Леонидовна страдала сахарным диабетом и во время обострения болезни становилась особенно раздражительной и ворчливой. Иногда она уговаривала Дарью пойти в церковь, обратиться к Богу, но та с вызовом отвечала:

— Зачем? Чтобы превратиться в такого же нытика, как ты? Вообще-то она мать любила, но слышать от нее о Боге не хотела.

Когда мы с Дарьей познакомились, около двадцати лет назад, ей было сорок, но своей семьи она не имела. Когда мать особенно донимала ее своими жалобами и слезами, она убегала в

гости к дяде, маминому брату, который жил со своей женой в соседнем доме. Здесь всегда царило веселье. Детей у супругов не было, и они, как говорят, жили в свое удовольствие.

Дядя Жора работал в то время каким-то небольшим начальником на обувной фабрике, был общепризнанным шутником, любителем веселых застолий. Любил немного выпить, вкусно закусить и, как он сам выражался, хорошо отдохнуть среди хороших людей. Его жена Зоя была миловидной, разговорчивой и тоже любила ходить в гости, а также принимать гостей у себя дома. Свою племянницу Дарью они просто

обожали и всегда приглашали ее на свои шумные застолья.

Вырвавшись из скукоты материнских «охов» и «ахов», Дарья с удовольствием проводила время со своими веселыми и денежными родственниками.

Иногда Инна Леонидовна пыталась говорить им о Боге. Брат слушал ее молча, не возражая, но и не соглашаясь. А вот Зоя всегда насмехалась над ее верой, бросала колкие остроты. Когда мать Дарьи перед едой коротко молилась, прося Божьего благословения, Зоя, в отличии от других присутствующих, никогда не вставала и демонстративно отворачивалась от всех.

Однажды Дарья позвонила мне и пригласила в кафе.

— Это в честь чего? - осторожно поинтересовалась я, внутренне молясь и прося у Господа указаний, как поступить.

— В честь нашей прошлой дружбы! - рассмеялась она и задушевно сказала, - ты знаешь, Элка, я так жалею, что мы с тобой расстались! Ты была отличной подругой. Я так и не нашла тебе замену. Даже если при встрече ты опять начнешь мне проповедовать, я не возражаю, уж очень хочется тебя увидеть.

Однако тогда разговора о Боге не получилось. В кафе было очень шумно, звучала громкая музыка, и я

даже пожалела, что согласилась прийти в такое место.

После этого мы не виделись несколько лет, и все это время я усердно молилась о моей бывшей подруге.

И вот недавно одна сестра по вере сообщила мне, что Инна Леонидовна с дочкой сильно заболели. Дарью даже увезли в больницу, а мать - одна дома. Конечно, я сразу же позвонила матери Дарьи. Услышав мой голос, она очень обрадовалась, но затем, как обычно, начала жаловаться:

— Ой, Эля дорогая, всё у нас плохо: живем-то без мужей, а тут еще и болезни навалились. Я за Дашеньку очень переживаю: ее

отвезли в больницу с сильнейшим воспалением легких.

Когда я предложила ей помощь, она ответила:

— Спасибо, милая. Я уж привыкла сама за собой ухаживать, хоть и передвигаюсь с большим трудом.

Дарья-то весь день на работе, приходит уставшая, да еще по вечерам убегает из дома от моего ворчания. Но помощь твоя и вправду нужна. Георгию, моему больному брату, нужно бы обед отнести и помочь ему в самом необходимом. Этим все время Дарья занималась.

— А что с ним? - поинтересовалась я, удивляясь

тому, что Инна Леонидовна не упомянула о его жене.

— Парализовало его частично... Год назад, когда Зоя еще жива была.

— А от чего она умерла? - удивилась я, - на вид Зоя была здоровой и крепкой.

— Это правда, - подтвердила Инна Леонидовна, - здоровье у нее всегда было отличное: за всю жизнь она, по-моему, только один раз к зубному врачу обращалась. А вообще я ее не любила, какая-то она была...

Мать Дарьи замялась, подыскивая нужное слово, и я, не желая участвовать в осуждении, воспользовалась короткой паузой,

чтобы направить нашу беседу в другое русло:

— И что же с ней случилось?

— Сначала Зоя начала вдруг все забывать, путать. После работы даже дорогу к дому с трудом находила. В таком состоянии однажды упала в яму и после этого слегла. Дарья полгода промучилась с ней: несколько раз за день приходилось постельное белье менять. А говорить с ней невозможно было: она как будто разума лишилась. Врачи даже диагноз не могли поставить. Потом написали, что умерла от опухоли мозга, - охотно рассказала Инна Леонидовна.

— О Боге вы ей говорили перед смертью? - спросила я.

— Да где уж там! - воскликнула моя собеседница. - Даже когда Зоя соображала хорошо, и то слышать об этом не хотела, а только насмешничала, а уж во время болезни она вообще ничего не понимала. Что- то лепетала, хуже грудного дитяти, а умирала долго и тяжело - в сильнейших мучениях.

Инна Леонидовна попросила меня помочь отнести обед ее больному брату Георгию. Она сказала, что одну меня, без нее, он не впустит, потому к дяде Жоре мы отправились вместе. В одной руке я несла сумки с едой, а другой поддерживала с трудом

передвигающуюся Инну Леонидовну.

— З-заходите, з-заходите, з-заходите, з-заходите! - заикаясь, многократно повторяя одно и то же слово, открыл нам дверь пожилой мужчина в помятом пиджаке. Он с тревогой разглядывал меня.

— Это Эля, подруга Дарьи, - громко разъяснила ему Инна Леонидовна, с трудом переводя дыхание после ходьбы по лестнице

— Здравствуйте! - так же громко поздоровалась я, но дядя Жора, потеряв ко мне интерес, жалобно затянул на одной ноте:

— Дарья, Дарья, Дарья, Дарья... - при этом он пристально смотрел на свою сестру.

— Дарья в больнице, я ведь тебе уже говорила, - недовольно проговорила Инна Леонидовна, обувая домашние тапочки. Одна рука у дяди Жоры совсем не действовала, поэтому опираясь другой, тоже ослабевшей, на палочку, он кое-как пробрался вслед за нами на кухню.

Сделав всё необходимое, мы собрались уходить. Я внутренне помолилась и решила все-таки почитать дяде Жоре небольшой отрывок из Библии. Инна Леонидовна одобрила мое намерение, но сказала, что вряд ли брат что-то воспримет:

— Ведь он и в здоровом состоянии не хотел в церковь

ходить.

Но Дядя Жора согласился послушать меня и даже сам принес мне Библию из комнаты. Открыв книгу Деяния святых Апостолов, я медленно прочитала два стиха из 17-ой главы: «Итак, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться; ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых».

Дядя Жора слушал молча, вонзив в меня острый, напряженный взгляд. А когда я закончила - он резким движением вдруг хлопнул

распростертой ладонью по своей голове и с плачем прокричал:

— Я не понимаю! Я ничего не понимаю! Я ничего не понимаю! Когда он немного успокоился, я сказала ему:

— Я буду молиться о Вас, и Вы тоже попросите Господа, чтобы Он помог Вам понять Его Слово.

Он сосредоточенно выслушал меня и жалобно произнес:

— Я один, я всегда один...

Вскоре он сердито попросил, глядя на Инну Леонидовну:

— Идите, идите, домой.

На следующий день я поехала в больницу навестить Дарью. Она очень обрадовалась:

— Как давно я тебя не

видела! Спасибо, что пришла, но как ты узнала?

Я коротко объяснила ей. Лицо Дарьи было сильно осунувшимся, взгляд - тоскливым. Она рассказала, что у нее сложное воспаление легких, предстоит длительное лечение, но мест в больнице не хватает, поэтому через неделю ее выпишут долечиваться дома. Я сказала ей, чтобы не беспокоилась за своих - я постараюсь помочь им в эти дни. Узнав, что я уже посещала дядю Жору, Дарья задумчиво произнесла:

— Вот какие крутые повороты случились с нами.

Я промолчала, а моя бывшая подруга, вздохнув, сказала:

— Курить хочется, а нельзя. Тут и заняться нечем.

Я предложила ей два номера «Забытого Алтаря», рассказала, что в них печатают и мои рассказы. Она радостно удивилась, с охотой взяла их, а молодая женщина на соседней койке неожиданно попросила:

— Дайте и мне эту газету почитать.

Дарья спросила:

— А здесь есть твой стих о том, как Отец выбегает навстречу больной дочери?

Я в недоумении посмотрела на нее:

— Откуда ты знаешь это стихотворение?

Она объяснила:

— Ты что забыла? Ведь сама читала его мне несколько лет назад.

Изумленная и обрадованная тем, что Дарья так хорошо запомнила стихотворение, в котором говорится о Божьем прощении, я сказала:

— Здесь его нет, но он напечатан в другом номере. Если хочешь, я потом принесу его тебе.

Она охотно согласилась.

Через короткое время я опять навестила Дарью в больнице и принесла ей другие номера «Алтаря», в том числе и с тем стихом, который она запомнила.

— Спасибо, что не забываешь о моей маме, - горячо поблагодарила Дарья, - она звонила

мне и сказала, что ты заходишь к ней и помогаешь по хозяйству.

— Это нетрудно, - ответила я, - Инна Леонидовна почти все делает сама, хоть и медленно. Но вот дядя Жора... Ему действительно тяжело во всех отношениях. Хуже всего то, что он не может, по-видимому, свободно размышлять. Так хочется, чтобы он все-таки смог поверить Богу.

Дарья нахмурилась и тихо сказала:

— Я тоже не могу верить. Газеты твои хорошие, но верить в Бога я не могу. Как-то ходила с матерью в церковь и видела там эдаких «верующих». На одной - шуба, наверное, тысячу долларов

стоит, не меньше. А сколько у нас сейчас нуждающихся, бедных. Не нужно мне такое христианство!

Мы еще немного поговорили на другие темы, но перед уходом я все-таки сказала ей:

— Ты знаешь, я думаю, что никто не пришел бы к Богу, если бы смотрел на людей, пусть даже и верующих. Все мы сами по себе слабые люди и много ошибаемся. Но Христос может дать человеку силу не грешить, стать новым творением. Он сказал: «Придите ко Мне...». Не смотри на людей, лучше постарайся увидеть Иисуса. Увидеть своим сердцем.

Дарья помолчала, затем со вздохом ответила:

— Не знаю... Возможно...

Через неделю ее выписали домой долечиваться. Я еще раз навестила ее, она очень тепло встретила меня, приглашала заходить еще. Не знаю, что сейчас происходит в сердце Дарьи, ведь Сердцеведец - только Господь. Дядя Жора - в еще худшем состоянии: почти не может говорить.

Но я отчаянно молюсь о них и знаю, что Господь сделает все возможное для того, чтобы они спаслись во Христе. Если только они сами пожелают этого.

Пока собиралась отправить в редакцию этот рассказ, пока писала к нему стихотворение, дядя Жора и Инна Леонидовна (имена их

изменены) отошли в вечность. Хочется верить - в вечность к Богу. На попечении Дарьи теперь её больной 94-летний отец. Мы часто созваниваемся с ней, она охотно слушает мои короткие «проповеди», но пока еще упрямо пытается идти по своей нелегкой земной дороге без Христа.

Ты идешь по жизни беззаботно -
Кажется без Бога можно жить.
Но придут крутые повороты,
И поймешь: ты в жизни лишь грешил.

От беды, обрушившейся громом
Нет спасенья - плачь или молчи.
Бог устроил эти повороты.

Только сердце не ожесточи!

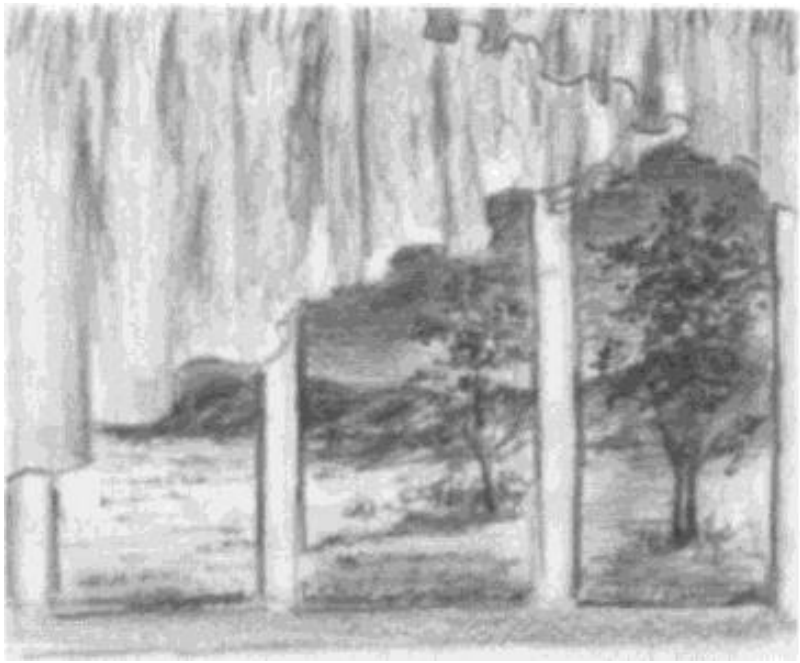
Если в нем сейчас темно и пусто,
Будто бы перед обрывом ты,
В буре жизни повернись к Иисусу –
Жаждущим Он даст живой воды.

Смех мирской пусть сменится рыданьем,
Сердце ради Бога восскорбит -
И тогда в блаженном покаяньи
Дух спасенный ко Христу взлетит.

Строптивая попутчица

«Бог одиноких вводит в дом, освобождает узников от оков, а непокорные остаются в знойной пустыне»

Псалом 67:7

До отхода поезда оставалось еще добрых полчаса. Антонина медленно шла по перрону с небольшой дорожной сумкой в руке.

Ее красивое лицо, изящная стройная фигурка, подчеркнутая модной одеждой, привлекала внимание мужчин, но заметив хмурый взгляд девушки, они без слов проходили мимо.

Наконец, она подошла к купейному вагону и легко поднявшись по ступенькам, быстро нашла свое четырехместное купе, где уже расположились трое пассажиров.

Мельком взглянув на них, она недовольно поморщилась и, укладывая сумку в багажный отсек, раздраженно подумала: «Ну и компания!»

Пожилая пара, видимо муж с женой, оживленно беседовали друг

с другом, а третий пассажир, мужчина средних лет, сидел у окна, читая журнал.

«Наверняка, старички не умолкнут всю дорогу, - метнув в их сторону недоброжелательный взгляд, размышляла Антонина, снимая туфли на высоких каблуках и переобуваясь в удобные спортивные тапочки, - а этот тип у окна несомненно всю ночь прохрапит...»

Ехать предстояло полторы суток, и ей так хотелось отдохнуть после тяжелой ссоры с Валерой.

Поезд еще стоял на перроне, и она с надеждой посмотрела за окно, надеясь, что он все-таки придет: ведь знает и номер поезда и вагон.

У Антонины с Валерой были серьезные планы о совместной жизни, но теперь эта ужасная ссора из-за пустяка отодвинула все на неопределенный срок.

У нее вдруг заныло сердце в предчувствии чего- то недоброго. Торопливо достав из маленькой сумки детектив, она устроилась на свободном месте у окна напротив мужчины с журналом.

«Какой-нибудь инженеришка из захолустья», - презрительно подумала Антонина, мысленно оценив на двойку его ничем не примечательную внешность.

Поезд, наконец, тронулся.

Старички продолжали самозабвенно беседовать друг с

другом: казалось, они никого не замечают.

«Хоть бы этих воркующих голубков поскорее сон сморил, что ли», - язвительно подумала Антонина.

Она многократно перечитывала одни и те же строчки, тщетно пытаясь увлечься сюжетом детектива.

— Извините, молодой человек, может быть, Вы сможете разрешить наш спор? - с улыбкой обратился старичок к «инженеру».

При всех своих тяжелых душевных переживаниях Антонина не могла удержаться от короткого смешка: тоже мне, молодого человека нашли, ведь ему же

минимум сорок пять!

Ей самой на днях исполнилось двадцать и потому всех, кому за тридцать пять она считала староватыми.

«Инженер» и глазом не моргнул по поводу ее смеха, хотя она могла поручиться, что он ясно понял его причину.

— Пожалуйста, расскажите о ваших трудностях, - добродушно отозвался он на вопрос старичка.

— Да вот, сейчас по телевизору все время рассказывают о... галадере или... как его правильно назвать, Маша? - обратился тот к супруге.

— Колайдере, Миша, колайдере, - снисходительно

поправила она мужа и, обращаясь к мужчине с журналом, продолжила:

Это, знаете ли, такое устройство. Вобщем, ученые хотят устроить взрыв, чтобы доказать, что наша планета когда-то возникла именно таким образом: то есть от столкновения каких-то там частиц.

— Я тоже слышал об этом, - кивнул головой «инженер», - кстати, «колайдер» в переводе с английского как раз означает - «столкновение».

— Да, да, именно так! - оживился старичок, - как хорошо, что Вы в курсе дела. Я сразу догадался, что Вы ученый человек. Объясните же нам, разве это разумно: производить искусственный взрыв?!

Некоторые ученые опасаются, что в результате этого может образоваться огромная, озоновая дыра, в которую вылетит всё живое. Неужели им разрешат это сделать?

«Инженер» собрался было ответить, но супруга старичка не дала ему этой возможности.

— Никто никуда не вылетит! - компетентно заявила она, - я, например, верю другим ученым, которые убедительно доказывают, что после этого взрыва атмосфера вокруг Земли обновится: все станет чистым и здоровым, как при сотворении мира.

— А вы знаете, как в действительности появилась наша Земля? - удалось, наконец, вступить

в разговор «инженеру».

— Как? Наверное, постепенно: от примитивного к высшему... - неуверенно проговорил старичок.

Его супруга вообще не дала никакого ответа.

— Если хотите, я прочитаю вам, что об этом написано в Библии, - предложил «инженер», - но сначала давайте познакомимся: меня зовут Владимир.

— А нас - Мария Петровна и Михаил Степанович, - представилась сразу за обоих его энергичная пожилая собеседница.

После этого все трое как будто договорившись, повернулись к Антонине, уткнувшейся в книжку, и

Мария Петровна любезно обратилась к ней:

— Извините, милая, возможно мы мешаем Вам своими разговорами? А как Ваше имя?

— Ах, занимайтесь, пожалуйста, своими делами и оставьте меня в покое! - «выстрелив» в них возмущенным взглядом, Антонина опять опустила лицо к раскрытой книге.

— Как же так можно? - растерянно спросила Мария Петровна, но супруг сделал жене знак молчать и успокаивающе погладил ее руку.

Оба выжидающе смотрели на Владимира, и он, раскрыв Библию, начал читать:

— В начале сотворил Бог небо и землю...

Когда он заканчивал стих «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его», Антонина вдруг резко подняла голову и бросив на него презрительный взгляд, насмешливо спросила:

— Как Вы можете верить в эту чепуху?

Супруги неодобрительно посмотрели на нее, потом - вопросительно - на Владимира, заметив, кстати, что он совсем не рассердился.

— Это не чепуха, а Божье Слово: а Оно есть истина, - спокойно ответил Владимир.

Поезд, вздрогнув, остановился, и в этот момент в их купе заглянул мужчина со всклоченными волосами и красным опухшим лицом. В одной руке он держал недопитую бутылку с пивом, а другой - вцепился в дверь, с трудом удерживаясь на ногах. Оглядев всех мутным взглядом, пробормотал, едва выговаривая:

— Звини-те, пр-стите, леди и жентльмены... Сё, сё, я ушел!

Кое-как оторвавшись от двери, он действительно двинулся дальше, удивительно ловко отпив на ходу из бутылки.

— По образу Божию, говорите? - зло обратилась Антонина к «инженеру», - Истина, да? И этот алкаш - тоже подобие

Божие?

С опаской глядя на ее разгневанное лицо, супруги постарались незаметно отсесть подальше.

— Да, Бог создал нас по Своему образу и подобию, - подтвердил Владимир, но когда люди, преступив Его повеление, впустили грех в свое сердце, человечество изменилось не в лучшую сторону.

— Перестаньте рассказывать басни - сморщившись, как от зубной боли, прервала его Антонина, - при чем тут грех? Каждый имеет голову на плечах и сам способен решать свои проблемы. Этот алкаш напивается

просто потому, что ему так хочется, а скажем, вот дедушка, - при этом она мотнула головой в сторону затаившихся супругов, - предпочел остаться трезвенником и довольствоваться подкаблучным положением в семейной жизни. При чем здесь Бог? Все очень элементарно, и не морочьте людям голову!

После этих слов Антонина захлопнула свой детектив и достав пачку сигарет, вышла из купе.

— Как она смеет так разговаривать со старшими! - тяжело дыша, возмутилась Мария Петровна.

Но Владимир опять открыл Библию. В отсутствии молодой

соседки они хорошо побеседовали на тему сотворения мира, после чего супруги сообщили, что через полчаса прибывают на свою станцию.

Решив пообедать в вагон-ресторане, Владимир сердечно попрощался со своими попутчиками и вышел из купе.

Пройдя два вагона, он вдруг увидел в тамбуре Антонину, которая в одиночестве курила, глядя сквозь мутное стекло на однообразно-унылый пейзаж.

Заметив Владимира, она язвительно произнесла:

— Ах, от Вас никуда не скроешься. Разыскиваете для себя новые жертвы? Старичков, видимо,

совсем уморили?

Она постаралась незаметно вытереть слезы, но Владимир мягко спросил:

— У Вас что-то случилось? Не могу ли я чем-нибудь помочь?

Сузив глаза, Антонина сердито ответила;

— Ой, только не стройте из себя Христа! Вот я Вас, кстати, и проверю сейчас. Вы мне денег можете одолжить? Сто гривен... Я не шучу, правда: кошелек забыла второпях у ...родственника, а теперь не смогу добраться от станции до дома.

— А Вы в каком городе живете? - спросил Владимир, доставая из кармана деньги.

— Ну вот, начинается! Зачем Вам это знать? С милицией собираетесь разыскивать, если долг не отдам?

— Почему же Вы делаете такие поспешные выводы? - добродушно спросил Владимир и протянув ей крупную купюру, добавил:

— Этого хватит?

— С головой, - кивнула Антонина, небрежно спрятав деньги в карман джинсов, а живу я в N. (она назвала большой город), но лучше Вы оставьте мне свой адрес: я сама вышлю Вам долг.

— Не беспокойтесь, я не бедствую, - ответил Владимир, - примите это как подарок от Бога!

Кстати, я Ваш город хорошо знаю: учился там в университете пять лет.

— Вы инженер? - живо поинтересовалась Антонина.

— Нет, по профессии врач, по призванию - христианин, - ответил он.

— Ну, все равно, - опять нахмурившись сказала девушка, - инженер - врач человеческих душ. Ваше право, конечно, верить во все эти сказки. Но насчет меня - не напрягайтесь: не сдвинете с места. Я уверена, что каждый в состоянии сам справиться со своими проблемами, а Бог тут совершенно ни при чем...

Заметив, что Владимир хочет что-то сказать, торопливо добавила:

— Я же говорю: не старайтесь меня переубедить, это бесполезно! А за деньги - благодарю: не каждый бы дал.

Владимир отправился обедать, а когда вернулся в купе, старичков уже не было; они вышли на своей станции. Вместо них сидели новые пассажиры: две пожилые женщины.

Антонина опять пристроилась у окна со своим детективом.

Ночь прошла спокойно: к своему удивлению она хорошо выспалась. После завтрака Владимир протянул ей какой-то листок бумаги, похожий на открытку.

— Что это? - удивилась Антонина и взяв листок, прочитала сверху: «Христос - Спаситель мира».

Вы что же, опять за свое?

— Это трактат о Божьем спасении с адресом молитвенного дома в Вашем городе, - коротко объяснил Владимир, - возможно, когда-нибудь Вы захотите посетить христианское собрание.

— Никогда, доктор! И не надейтесь; гипнозу не поддаюсь! Впрочем, открытку возьму: в память о Вашем добром поступке христианина, который не оставил ближнего в беде, - взглянув на часы, Антонина торопливо добавила:

— Мне уже скоро выходить.

Вернувшись домой, она разобрала вещи из дорожной сумки, а затем, наткнувшись на трактат с адресом молитвенного дома,

усмехнулась и, скомкав, бросила в бумажную урну возле письменного стола: «Зачем это мне?»

Несколько дней Антонина напряженно ожидала звонка своего жениха, а потом, не выдержав, позвонила сама. То, что она услышала, ее потрясло. Совершенно чужым голосом Валера попросил больше не беспокоить его и не искать встреч, сообщив, что полюбил другую и вскоре намерен жениться.

Ей казалось, что все это происходит не с ней, а с кем-то посторонним. На следующий день Антонине позвонила ее мать и сказала, что очень плохо себя чувствует. Мать с отчимом жили

отдельно, в последнее время ее часто мучили боли в желудке. Антонина срочно поехала к матери и настояла на том, чтобы ее отвезли в больницу. После обследования обнаружился рак в запущенной форме. Назначили срочную операцию во время которой мать умерла.

«Я сильная, я все выдержу!» - твердила себе Антонина, но чувствовала, как быстро почва уходит из- под ее ног: как жить дальше, когда почти одновременно она потеряла двух самых любимых людей!

После похорон матери одна «услужливая» подружка Антонины сообщила ей, что была в том городе,

где живет Валера, и встретила его «с такой красавицей, такой-растакой и они оба прямо сияют от счастья: такая пара!»

Когда Антонина поняла, что катастрофически тонет, погружаясь душой в беспросветную тьму, и ей не за что зацепиться, перед глазами вдруг всплыло лицо «инженера-врача человеческих душ». Имя его она, правда, забыла, но зато помнила, что он дал ей адрес молитвенного дома. Это оказалось тем слабеньким лучиком света, который чудом пробился на черное дно ее отчаявшейся души.

«Ой, так я же этот листок сразу тогда выбросила» - горестно екнуло сердечко Антонины. Она бросилась

к письменному столу и не ожидая ничего хорошего, схватила урну для бумаг, которую уже не раз опорожняла. К самому дну как будто приклеился какой-то скомканный листок бумаги. Антонина нетерпеливо схватила его, разгладила непослушными пальцами и шепотом прочитала: «Христос - Спаситель мира». А внизу - тот самый желанный адрес.

Каким образом сохранился этот листочек, она не понимала, а только повторяла вслух и беззвучно - всем сердцем - «Христос - Спаситель мира». Спаситель...

Когда впервые она пришла на христианское собрание, то села сзади, отдельно от всех, исподлобья

поглядывая на окружающих, колючая как ежик.

Но как только зазвучало Слово Божье, сердце Антонины дрогнуло, смягчилось, затосковало и возжаждало Того, голос Которого она впервые услышала.

Не в силах устоять перед потоком Его любви, перед реальностью Его присутствия, перед незримо протянутыми к ней руками Иисуса, она поднялась и шагнула к Нему навстречу...

Через несколько недель было назначено крещение, и Антонина в числе других радостно готовилась к этому событию. Жизнь обрела смысл, засияла всеми цветами радуги. На этот праздник в церкви с

нетерпением поджидали какого-то известного служителя Божьего.

Он приехал уже в день крещения и когда поднялся на кафедру для проповеди, Антонина, взглянув на него, потрясенно замерла: это был тот самый «инженер», ее бывший попутчик.

После крещения она, вся сияющая, с цветами в руках подошла к нему со словами:

— Приветствую Вас, дорогой брат!

— Мир Вам, сестра, поздравляю, - приветливо ответил тот.

— Не узнаете? - с улыбкой продолжала Антонина.

— Признаться, нет. А разве

мы знакомы? - удивленно спросил служитель.

— Ну вот, а еще... «инженер-врач человеческих душ», - укоризненно произнесла она, - такую большую работу со мной в поезде провел, такие грубости от меня перетерпел и - все забыл! Как же это, а?

Услышав знакомые интонации, Владимир внимательно посмотрел на свою собеседницу и вдруг изумленно воскликнул:

— Так это ... Вы!

Убедившись, что перед ним действительно его бывшая строптивая попутчица, он несколько раз повторил:

— Слава Богу, слава Богу...

— И я благодарю Господа, что дал мне возможность попросить у Вас прощение за свое глупое поведение и... наверное, вернуть долг? - вопросительно взглянула на него Антонина.

— Я же сказал Вам, что это подарок от Бога, а все наши глупости и ошибки Он простил и забыл: не будем и мы вспоминать об этом, сестра, - ответил служитель, горячо приветствуя свою новую родственницу по вере крепким рукопожатием.

Не устоять без Бога в этой жизни,
Хоть говорим: «На все способны сами!»

Но стоит лишь чего-нибудь лишиться,
Рыдаем безнадежными слезами...

Плод нашей независимости - гордость:
Плод горький, очень вредный и невкусный!
Но плоти чужда Господу покорность -
Дела ее мы пожинаем грустно!

Когда проводит Бог долиной плача,
И мы себя во свете Неба судим,
Тогда Он в жизни всё переиначит,
Грехи простит и навсегда

забудет.

О, не останьтесь Господу чужими...

Покорным Богу Иисус - награда!

Ведь без Христа нет счастья в этой жизни,

И без Него вся Вечность будет адом.

Самое дорогое

«Достигайте любви...»
1Кор. 14:1

Нина поднялась еще до рассвета. Долго безмолвно молилась, вытирая горькие слезы. Потом заглянула в детскую и, убедившись, что все пятеро сладко спят, отправилась на кухню сварить

себе кофе. Вспомнилось, как вчерашним утром муж, собираясь на работу, зло крикнул ей:

— Меньше молись - больше трудись! На ужин - чтобы были пельмени.

— Олег, ты же знаешь, мяса у нас нет и денег - тоже, - спокойно ответила она, войдя в прихожую.

— Меня это не интересует, - раздраженно отозвался он, - а пельмени - чтобы были, как штык.

Даже не взглянув на жену, Олег вышел из дома, хлопнув дверью.

На сей раз Нина не смогла удержаться: расплакалась, да так, что даже детей напугала. Прибежала к маме вся проснувшаяся детвора и сначала в

недоумении замерла на пороге, а затем и детки солидарно присоединились к ней дружным ревом.

Спохватившись, Нина торопливо утерла слезы и громко воскликнула:

— Повторяем праздничную песню!

Она начала:

— День воскресенья - миру спасенье...

А дети тут же охотно подхватили:

— Славная весть: дивный Спаситель воскрес!

В церковной воскресной школе, которую они посещали, готовилась музыкальная программа к Пасхе, и дома дети часто разучивали песни вместе с мамой.

Пельмени Нина все-таки приготовила. В морозилке было еще два куриных окорочка, из которых она собиралась сварить суп для всей семьи. Правда, фарша получилось совсем немного: слепив десятка два пельменей, она положила их в холодильник, чтобы вечером сварить на ужин. А для всех остальных приготовила овощной суп.

Но муж не вернулся домой ни вечером, ни ночью. Такое случилось впервые.

И вот сейчас Нина сидела на кухне за чашкой кофе и в звенящей тишине предрассветного часа с тревогой думала о том, что же это могло с ним произойти...

Скоро поднимутся дети, и начнется ее обычный нелегкий день забот и бесчисленных хлопот. Обычный? Нет, совсем нет! Ведь Олег впервые не пришел ночевать. Возможно, остался у кого-то из друзей... А если с ним какая-то беда?

В последнее время он все чаще возвращался домой навеселе, а зарплату давал ей уже не полностью, с каждым месяцем все больше оставляя себе на личные нужды.

Когда Нина попробовала осторожно объяснить ему, что ей не хватает денег на самые необходимые покупки, Олег раздраженно ответил:

— Сама виновата: кто тебя заставлял заводить дома целый детский сад? Если Бог дал тебе эту идею, то пусть и заботится о вас.

Удивительно, что она все равно любила и жалела мужа, твердо веря, что Тот, Кто производит в ней эти чувства, непременно приведет и его к спасительному прозрению. «А что, если он сейчас - с какой-то женщиной?» - вдруг мелькнула неприятная мысль, но она тут же молитвенно отогнала ее.

Допив кофе, Нина взглянула на часы: в семь она решила позвонить Марине, своей подруге из церкви, и попросить ее прийти, чтобы вместе помолиться об исчезнувшем Олеге. Но было еще очень рано и пока дети

спали, она решила спуститься на первый этаж и посмотреть, нет ли чего в почтовом ящике: вчера у нее так и не хватило на это времени. Накинув на себя куртку, Нина открыла входную дверь, шагнула за порог и в изумлении замерла. В углу лестничной площадки, свернувшись в калачик и по-детски подложив руки под щеку, безмятежно спал ее дорогой муж. Она нарочно громко хлопнула дверью, и Олег, тут же проснувшись, поднял голову и непонимающе уставился на нее, щурясь от яркого света лампы.

— Что тебе? Откуда взялась? - наконец, в недоумении пробормотал он.

— Пойдем домой, -

дружелюбно предложила Нина, - там поговорим...

— А-а, так я дома! - ухмыльнувшись, сориентировался Олег.

Недовольно сморщившись, он презрительно отвернулся от ее протянутой руки и, охая, поднялся, потирая затекший бок. По-хозяйски привычно распахнув дверь своей квартиры, шагнул в прихожую, не глядя на вошедшую вслед за ним жену.

— Почему ты ночевал на площадке? - мягко обратилась к нему Нина, собирая испачканную одежду для стирки.

— Потерял ключ от квартиры, - мрачно ответил Олег,

разглядывая себя в зеркале.

— Но ведь можно было позвонить в дверь, - решилась продолжить разговор Нина.

— Я так и сделал, но ты мне не открыла, - агрессивно заявил он.

— Не слышала никакого звонка, - удивленно сказала Нина.

— Еще бы! - насмешливо хохотнул Олег, направляясь в ванную, - Ведь ты или молишься так, что никого уже не слышишь или же песни поешь со всей оравой. Где ж тебе меня услышать?

Он победно захлопнул за собой дверь в ванную, а когда вышел оттуда, взбодрившись после любимого холодного душа, с наслаждением вдохнул манящий

запах свежесваренных пельменей.

Увидев мужа, Нина быстренько выпроводила из кухни набежавшую детвору и подала ему завтрак. Пельмени оказались вкусными, и быстро справившись с большой порцией, Олег молча показал жене, что ждет добавки.

— Больше нет, - объяснила она.

— Пока я мылся, все с детворой уплели? - нахмурившись, укорил ее глава семейства.

— Нет, мы еще не завтракали, - ответила Нина, - а пшенная каша доваривается. Немного пельменей я приготовила только для тебя, фарша было маловато...

Олегу вдруг стало по-настоящему стыдно: ну почему он упорно продолжает терзать ту, которую любит так сильно, что она об этом даже и не догадывается? О, если бы только не её такое серьезное увлечение Богом! Он решил никогда не признаваться жене в том, что мучительно ревнует её к Иисусу Христу: это было бы слишком нелепо и смешно.

Перемены во внешности и характере Нины еще больше влекли Олега к ней, но он убедил себя в том, что она уже не любит его, потому что отдает все свои лучшие чувства только Богу. Заметив сейчас Библию на подоконнике, с досадой подумал: «Не расстается с Ним ни

на минуту», а вслух сказал:

— Пусть Бог научит тебя не оставлять мужа полуголодным...

— Может быть, ты поешь еще каши? - предложила она.

— Если ты решила пошутить, то очень неудачно. Клюйте свое пшено сами, - сердито сказал Олег, поднимаясь из-за стола.

После того, как он ушел на работу, Нина с детьми позавтракали, а затем устроились в гостиной, чтобы как обычно порассуждать над отрывком из Библии. Прочитав о воскресении Иисуса Христа, она спросила детей:

— Верите и вы, что Господь умер за наши грехи и воскрес, чтобы

мы жили вечно с Ним?

— Да! - один за другим радостно восклицали дети, и даже самая маленькая Зиночка, которой еще никак не покорялась трудная буква «р» громко сказала:

— Велю!

— А я знаю, что мы тоже после смерти воскреснем, - торжественно заявил пятилетний Алеша.

— Да, каждый, кто верит в Иисуса Христа и старается не грешить, воскреснет, как и Он, - подтвердила Нина.

— Значит, папа не воскреснет? - печально спросила шестилетняя Таня, - ведь он не верит в Бога и приходит домой

пьяный. Мы будем жить на Небе без него?

— Я надеюсь, что Бог спасет нашего папу, если мы с вами будем молиться о нем и любить его, - ответила Нина.

В течение дня она время от времени прерывала свою бесконечную домашнюю работу, чтобы повторить с детьми пасхальные стихи и песни, которые они готовили к завтрашнему собранию.

Вечером Нина начала гладить одежду, приготовленную для праздника, и услышав, что дверь в прихожей открывается, поняла, что это Олег: утром он взял запасной ключ от квартиры. Она поспешила

навстречу, удивляясь его непривычно-раннему возвращению. Но муж только недовольно взглянул на нее и, небрежно обронив: - Ужинать! - отправился в ванную.

Нина поспешила в кухню, радуясь тому, что успела приготовить вкусный борщ, да еще и с мясом, которое ей сегодня принесла в подарок подруга Марина. Заметив, что Олег, как обычно, подвыпивший, она молча накрывала на стол.

— Ты что, онемела? - раздраженно спросил он, - хоть голос подай: или ты уже кроме Бога, никого не замечаешь?

— Вчера ты повелел мне побольше молчать, - ровным

голосом напомнила Нина, поставив перед ним тарелку с борщом.

— А сегодня велю говорить! - повышенным тоном произнес Олег, - и не умничай в моем доме.

В эту минуту до кухни донеслось ликующее детское пение: «...вспоминаем мы чудо чудес: Иисус, наш Спаситель, воскрес!»

— И детям голову заморочила, - зло покосившись на жену, сквозь зубы произнес он, открывая бутылку водки.

Выпив большой стакан водки, Олег понюхал соленый огурец и опять положил его на место, отодвинув от себя тарелку с борщом. Увидев, что он наливает

второй стакан, Нина тихо попросила:

— Не пей больше...

Ухмыльнувшись, он медленными глотками, не отрываясь, опорожнил все до дна и, резко повернувшись к ней, приказал:

— А ну, сядь!

И когда она послушно опустилась на указанное им место, Олег поспешно заговорил, прожигая ее взглядом:

— Слушай, богомолка, скажи честно, ты там случайно ни с кем в церкви ...не подружилась? Какой магнит тебя туда тянет? Неужели ты веришь во всю эту фантастику, типа «умер - воскрес» и прочее? Скажи правду: обещаю, бить не буду. Но если соврешь,

пеняй на себя...

— Божьи слова - не фантастика, а истина, и все твои подозрения напрасны.

Он постарался скривить рот насмешливой улыбкой, но на самом деле восхищенно любовался женой. Ее лицо было удивительно красивым, хотя косметикой она уже не пользовалась. Мягкий лучистый взгляд Нины чуть ли не привел Олега в смущение. Но тут его голова закружилась от выпитого, и он нарочито небрежным тоном начал излагать свой, заранее продуманный план:

— Может, и не врешь. Но я решил: всё, разбегаемся мы с тобой. Квартира моя, так что придется

тебе, пока разменяю ее, перебраться с детворой к твоим родителям. У них хоть и тесновато, но тебе будет лучше: они ведь тоже богомолы...

Чувствуя, что язык деревенеет, а голова как будто наливается свинцом, Олег с трудом добавил:

— Что молчишь? Собирай вещи и выметайтесь!

— Прямо сейчас? - тихо спросила она.

— Сию минуту! - скомандовал он, - со всем детским садом.

— Хорошо, мы уйдем, - согласилась Нина и вышла из кухни.

Через несколько минут Олег, качаясь, с трудом добрался до

детской и, увидев, что жена одевает малышей, заплетающимся языком проговорил:

— Можешь взять на память самое дорогое для тебя и - счастливого пути!

...Проснувшись, Олег огляделся и, с трудом разглядев в полумраке незнакомые круглые часы на стене, расстроенно подумал: «Всё, в наркодиспансер угодил. Видно меня «в отключке» где-то подобрали и сразу сюда на лечение...». Он постарался рассмотреть, есть ли кто-то еще в комнате, но тут открылась дверь. Вошедший осторожными шагами направился к нему, и Олег беспокойно крикнул:

— Кто вы?

— А-а, да ты уже проснулся, - с облегчением произнес знакомый голос, и он увидел перед собой Ивана Павловича, отца Нины.

— Откуда вы взялись? - недоуменно спросил Олег, - И что вы здесь делаете?

— Собственно говоря, я у себя дома, - добродушно пояснил тесть. - Как ты себя чувствуешь?

— А что здесь делаю я? - продолжал допытываться Олег, не ответив на вопрос.

— На эту тему тебе лучше, наверное, поговорить со своей женой, - посоветовал Иван Павлович и вышел из комнаты.

Постанывая и крепко сжимая обеими руками гудящую от

похмелья голову, Олег поднялся и присел на кровати. Дверь опять открылась, и в комнате появилась Нина.

— Что случилось? Почему ты здесь? - подозрительно взглянув на нее, спросил он.

— Разве ты не помнишь? - спросила она, - Вчера вечером ты выгнал меня с детьми из дома, и поэтому нам пришлось перебраться к моим родителям.

— А каким образом здесь оказался я? - обратился к ней Олег.

Поднявшись с кровати, он подошел к зеркалу, но, взглянув на себя, тут же с отвращением отвернулся.

— Отец помог мне довести

тебя до такси, - ответила Нина.

Олег изумленно повернулся к ней и с возмущением сказал:

— Сейчас вспомнил: я действительно выгнал вас... Но как ты посмела привезти сюда и меня?

— Ты ведь разрешил мне взять с собой из дома самое дорогое. Вот я и взяла тебя, - невозмутимо объяснила она.

Он долго молчал, не отрывая взгляда от ее лица, а потом, отвернувшись, медленно произнес:

— Самое дорогое... Неужели это правда?

Пока он справлялся с внезапным приступом кашля, Нина, подав ему носовой платок, тихо сказала:

— Я люблю тебя... Очень!

— Такого, какой я есть? - горько усмехнувшись, спросил Олег, и почувствовал, как разъедающий душу ядовитый ручеек ревнивой злобы вдруг иссяк, пересох.

Но пока он взволнованно подыскивал ответные, самые нежные слова для нее, кто-то будто опять влил в него порцию прежних подозрений, и его уста холодно произнесли:

— А как же твой Иисус Христос? Кого ты любишь больше: Его или меня?

Ее улыбка была похожа на распустившийся подснежник. Раньше он дарил жене ранней весной крохотные букетики этих сумевших пробиться сквозь снег

удивительных цветов.

— Я бы не могла так любить тебя - без Него...

Вот и всё, что она ответила.

Олег молчал, растерянно глядя на Нину и, почувствовав, что её муж сейчас стоит перед очень важным выбором, она сказала:

— Поверь, без Него мы способны любить только себя самих - даже любя других... А Его любовь в нас надежна и вечна. Лишь Он один может и хочет сохранить нас с тобой друг для друга.

— А ведь я ревновал тебя к Нему. По-черному, - с облегчением выдохнул Олег и, заметив, что жена хочет что-то сказать, торопливо

добавил:

— Нина, я тебе много врал... Вот и в последний раз: не терял я ключ от квартиры и в дверь вечером не звонил. Просто, искал против тебя новые обвинения. Да и сам себя старался убедить - какая, мол, ты плохая.

— Я знаю, родной, но ведь все уже позади, правда? - просто ответила она.

«Воскресение - день торжества,
Зеленеет нарядно листва,
Вспоминаем мы чудо чудес:
Иисус, наш Спаситель, воскрес!» - раздалось пение за стенкой.

— Детвора проснулась, - с беспокойством взглянув на мужа,

сказала Нина, - нужно быстренько кормиться- одеваться. Ведь сегодня Пасха, праздничное собрание: дети ждут, не дождутся.

— Да и мне надо успеть помыться-побриться, - озабоченно проговорил Олег, - в вашей церкви ведь небритых, наверное, не принимают?

— Всяких принимают, - тихо ответила Нина.

Они взглянули друг на друга и неожиданно крепко обнялись, как после долгой томительной разлуки.

— Поздравляю тебя, - шепнул он ей на ухо, - Христос воскрес!

— Воистину воскрес! - счастливо ответила Нина.

Бывшая Нюська

«Вы были некогда тьма, а теперь - свет в Господе: поступайте, как дети света»

Еф. 5:8

— Тетя Нюся, мы вашему Федьке помогли забор поправить, наливайте по сто грамм, как обещали...

С этими словами двое здоровенных сельских парней вместе с Нюсиным сыном ввалились в единственную комнатушку маленького покосившегося домика.

— Обещала? Я вам сейчас дам, ждите! - хрипло хохотнула,

поднявшись со скрипучего табурета невысокая, коротко подстриженная, похожая на хулиганистого подростка, женщина и, погасив в блюдце окурок, уже сердито прикрикнула:

— А ну, марш отсюда, нахалята, натоптали мне грязи! Лучше бы лужайку покосили, сколько уже прошу.

— Теть Нюсь, ведь так нечестно. Накапайте нам хоть вина. Что мы, зря что ли горбатились? - заныл один из Федькиных друзей.

Но тут в дом вошли, растолкав парней у порога, двое мужчин-соседей и обратились к хозяйке:

— Нюся, одолжи пилу, срочно нужно: наша куда-то

пропала.

Парни быстро выскочили из дома, поняв, что не получат спиртного, а могут еще и тумаки заработать от воинственной и не любящей шутить тети Нюси. А та, закурив очередную папиросу, стала разбираться с соседями, намереваясь выторговать за свою пилу несколько пачек курева.

В это время сын Федька опять влетел в дом, громко выкрикнув:

— Мам, выходи, там тебя какие-то люди зовут!

Встретившись глазами с ее ничего хорошего не обещающим взглядом, затараторил:

— Ну, ма, точно! Чес-слово! Какие-то два мужика, ненашенские,

культурные, хозяйку спрашивают.

Поняв, что Федька не разыгрывает её в качестве мести за неналитое спиртное, как она вначале подумала, Нюська, велев соседям подождать, пошла к выходу.

У калитки действительно ожидали двое мужчин, которые, увидев ее, приветливо поздоровались и спросили:

— Вы хозяйка дома?

— Ну, я! - с вызовом ответила Нюська, сделав очередную глубокую затяжку. Недовольно прищурив глаза, она выжидающе смотрела на незнакомцев, не ожидая ничего хорошего.

— Мы - верующие,

христиане, - начал объяснять один из мужчин, - приехали в ваше село на две недели, чтобы благовествовать об Иисусе Христе. Просим разрешить поставить палатку рядом с Вашим домом. Нам нужно будет и аппаратуру подключить к электросети, мы Вам все объясним... У Вас лужайка возле дома очень подходящая: просторная и ровная.

— Да ведь на ней трава по шею, выкосить некому, вырастила сына - лентяя, - по привычке громко заговорила Нюська, мучительно раздумывая: разрешить или нет? И что это вообще за люди?

— Мы сами всё быстро скосим, у нас рабочей силы много, -

улыбнулся второй мужчина.

— Ну, вы, это... ждите. А я тут с соседями посоветуюсь: одна я, почти без мужа, меня ведь и обмануть нетрудно, - и, не ожидая их ответа, исчезла в домике.

Назад вернулась очень быстро и с энтузиазмом воскликнула:

— Разрешаю! Ставьте свою палатку.

— Что, соседи посоветовали согласиться? - дружелюбно поинтересовался один из мужчин.

— Как же! - насмешливо отозвалась Нюська, одобрительно поглядывая на своих аккуратно одетых вежливых собеседников. - Они посоветовали наоборот: «Не разрешай ни за какие коврижки».

— Так почему же вы все-таки разрешили нам? - удивленно спросил тот же мужчина.

— А я всегда всё супротив делаю, - с гордостью ответила она. - Вот если бы они были за вас, я ни за что не разрешила бы вам поставить палатку.

Поблагодарив её, мужчины попросили косу и ушли.

А Нюська вернулась в дом, где её ждали соседи. Выдав им напрокат пилу за две пачки сигарет, она начала варить борщ, а когда через некоторое время вышла во двор, ахнула: недалеко от ее домика возвышалась огромная брезентовая палатка. Над входом в нее виден был большой плакат с надписью:

«Христос - Спаситель мира». Трава вокруг палатки была аккуратно выкошена.

...Христианские собрания проходили ежедневно после вечерней дойки коров. Для сельчан это время было удобным, и многие собирались послушать Слово Божие.

Нюська тоже не пропускала ни одного собрания. Она приходила первой, садилась впереди, а когда народ собирался, она по-хозяйски оглядывалась вокруг: все- таки именно возле ее дома выбрали место для палатки. Теперь она этим уже гордилась и была очень рада, что не отказала благовестникам.

Первые дни Нюська посещала

собрания просто из любопытства. Но, слушая проповеди, стихи, христианские песни, стала осознавать себя грешницей. Вообще-то жизнь у нее была несладкая. Муж-пьяница часто уходил из дома, где-то бродяжничал, денег не давал, да и по дому от него - никакой помощи. А теперь и сын Федька начал заглядывать в рюмку. Нюське самой приходилось дом содержать и на работе в свинарнике надрываться. Вот поневоле и стала похожа на мужика: а кто же еще будет этот воз тащить? Слава Богу, силушка у нее еще была: муж и сын даже побаивались Нюську, запросто и отколотить могла их. А от ее крепких

словечек они порой аж подпрыгивали, с опаской укоряя:

— Ну ты, маманя, вообще уже!

Но Нюська любила их, непутевых, только сердце огрубело от жизни такой, да и не привыкла она, эту любовь выказывать, прятала поглубже, а на своих мужиков покрикивала:

— А ну-ка, лентяи, поворачивайтесь быстрее!

В общем, в их маленькой семье она была главной. Поэтому ни муж, ни сын и не думали открыто насмехаться над ее посещениями богослужений в палатке, хотя между собой тихонько обсуждали:

— Чего она туда взялась

бегать? Не сдвинулась бы умом-то.

А у Нюськи и вправду что-то стало меняться внутри, что-то затрепетало, заволновалось. Слушая проповеди, она поняла одно: есть другая жизнь, лучшая, чем та, которой живет она. Эту, другую жизнь, может дать Христос, Который есть Бог. За эту лучшую для людей жизнь Он умер на кресте как Человек. Вот этого-то она и не могла понять: Он и Бог, Он и Человек. Как же так? А спросить стеснялась, хоть проповедники и призывали задавать вопросы.

Когда про грехи объясняли, Нюська сразу поняла, что курение - тоже грех, но сначала внутренне возмутилась: «Что здесь плохого?

Кому я вред делаю? Почему Богу это не нравится?»

Эти вопросы она все-таки решилась задать одному из тех мужчин, которые к ней за разрешением приходили. Тот не удивился. Объяснил, что вред она, прежде всего, себе наносит, своему здоровью, которое ей Бог даровал. Но грех, объяснил он, это не только курение, а все то, что не по воле Божьей. Поэтому сам человек справиться с грехами не может: ему нужно покаяться и поверить во Христа как в своего Спасителя, тогда Бог входит в сердце Духом Святым и дает новую жизнь.

Нюська не все поняла, она еще больше разволновалась, ей

хотелось, чтобы все это и с ней произошло, но недоверчиво думала: «Неужели Бог и на меня может обратить внимание?» Кроме того, она так и не разобралась в том, что такое покаяние, а опять спрашивать уже не решалась.

Наступил предпоследний день благовестия. Нюська с самого утра места себе не находила. «Неужели всё так и закончится: они уедут, а я с грехами останусь?» - в ужасе думала она и решилась: «Сегодня вечером на собрании встану и скажу: «Я покаяться хочу», - а они уж тогда мне и объяснят, как это сделать...» Вдохновленная этой мыслью, она отправилась на работу в свинарник.

...Предпоследнее собрание в палатке шло уже полчаса. Верующие тревожно смотрели на переднюю лавку, где обычно сидела Нюська, но сегодня её почему- то не было. «Нужно будет после собрания зайти к ней, может быть заболела...» - такая мысль пришла всем благовестникам.

Но тут в палатку стремительно вбежал Нюськин сын Федька. Он промчался мимо сидящих на лавках односельчан и, склонившись к одному из сидящих за столом проповедников, жарко шепнул:

— Скорее идите к нам, мать срочно зовет.

Брат встал и поспешно пошел за ним.

Нюська сидела на стуле и напряженно смотрела куда- то вперед. Увидев вошедшего верующего, заплакала.

— Что случилось? - встревоженно спросил он.

— Не знаю, - вытирая рукавом слезы, ответила она, - передо мной эта стена, и я даже не могу встать.

— Какая стена? - удивился проповедник.

— Придя с работы, я переоделась и хотела идти в палатку на собрание, но тут вдруг передо мной выросла эта высокая стена, которую я никак не могу обойти. Хорошо, что пришел Федька: и я сразу послала его за

Вами, ведь мне очень нужно успеть на собрание.

Проповедник понял, что это действуют злые силы. Преклонив колени, он горячо помолился, попросив Господа освободить для Нюси путь к Богу.

— Я уже могу идти, - радостно сообщила она после молитвы, - в стене есть проход.

Они поторопились к палатке, но недалеко от нее Нюська опять остановилась как вкопанная и беспомощно посмотрела на своего спутника:

— Опять непроходимая стена.

Прикрыв глаза, верующий опять помолился, прося освобождения во

имя Иисуса Христа. После этого женщина уверенно зашагала к входу. Но сегодня она не могла спокойно сидеть на месте: то вставала, то садилась. Понимая, что в её сердце идет отчаянная борьба, все верующие внутренне молились в течение всего собрания.

В самом конце Нюся выбежала вперед и, упав на колени, разрыдалась. Затем едва слышно произнесла:

— Господи, прости меня, - совсем забыв о том, что собиралась выяснять, как нужно каяться.

Все верующие очень радовались победе Господа, освободившего эту измученную грехами душу.

В последний день благовестия в

палатке проходило радостное шумное общение. Сельская детвора с удовольствием пела разученные ими христианские песни. Верующие оживленно беседовали с сельчанами, которые задавали им разные вопросы.

Но Нюси опять не было. Один из проповедников, который вчера помог ей прийти на собрание, с тревогой подумал: «Что же могло случиться сегодня? Ведь она уже примирилась с Богом».

В эту минуту к нему подошла одна из верующих и по-христиански поприветствовала его, пожав руку. Он рассеянно ответил и вдруг удивленно подумал: «Откуда взялась эта сестра? Такой с ними не

было...»

— Как Вас зовут? - настороженно спросил он.

— Сестра Анна! - улыбаясь, ответила она, и тут он все понял. Перед ним стояла бывшая Нюська, но в совершенно новом облике: скромно, но нарядно одетая, в юбке, на голове - светлая косынка, которая ей очень подходила.

— Это - Вы? - только и нашелся спросить проповедник, не отрывая от нее изумленного взгляда.

— Это - я, - радостно подтвердила она. - Вчера вернулась домой, посмотрелась в зеркало и ужаснулась: да как же я могла быть такой столько лет? Чистый мужик! А

ведь Бог меня женщиной создал... К тому же теперь я - христианка. Вот я и попросила Господа: «Спаситель, одень меня так, чтобы я Тебе нравилась». Он мне и одежду подобрать помог, и по имени меня назвал: «Анна!» Я аж удивилась: верно, ведь я так и в паспорте записана. Так что Нюська с её грехами в прошлом осталась.

Возвращаясь на автобусе домой, верующие всю дорогу благодарили Господа за эту обновленную душу, которую когда-то разделяла с Богом стена непрощенного греха. Всем сердцем они молились о том, чтобы Господь теперь воздвиг в этом селе другие стены - стенысвятого Божьего дома, первым живым

камушком которого стала сестра Анна.

Выгодное место

«Надеющиеся на Меня не постыдятся» Ис. 49:23

Елена вернулась домой уже поздним вечером и, выложив из сумки буханку хлеба и молоко, с удовольствием опустилась в кресло, чтобы немного отдохнуть перед вечерней молитвой.

Ужинать ей расхотелось из-за сильной усталости: сегодня она целый день ходила по городу в поисках работы.

Всего еще год назад она трудилась инженером в проектном

институте, но попала под сокращение. Отложенная «на черный день» небольшая сумма денег давно была израсходована, но Елена была верующей, и Бог чудно помогал ей в это трудное время.

Родители ее уже умерли, а своей семьи не было, но она уже несколько лет принадлежала к живой Церкви

Божьей, и Господь посылал ей самое необходимое через братьев и сестер по вере, которые знали о ее трудных обстоятельствах.

В эти годы экономика в стране переживала переходный период, и было нелегко устроиться на любую, даже самую низкооплачиваемую работу. Нередко в качестве

зарплаты людям выдавали вместо денег ненужные им промтовары, которые они потом пытались продать или обменять на продукты. Но Елена не сомневалась в том, что Господь не оставит ее.

Закрыв глаза, она сидела в кресле, вспоминая, сколько магазинов и разных учреждений ей безуспешно пришлось обойти сегодня...

Затем, преклонив колени, Елена помолилась, поблагодарив Господа за прошедший день и попросив у Него благословение на предстоящую ночь: «Благодарю, что во всех испытаниях Ты со мной и верю, что все Твои намерения - мне во благо,» - закончила она свою

молитву, и почти сразу же раздался звонок в дверь. «Кто бы это мог быть так поздно?» - недоумевая, подумала Елена. Подойдя к двери, она заглянула в «глазок» и, увидев свою соседку Клару Ивановну, сразу же открыла дверь.

— Леночка, ты извини, что я так поздно! - сразу же стала извиняться та. Елена уже не раз свидетельствовала ей о Христе, и соседка всегда охотно слушала ее. - Я уже несколько раз к тебе приходила, но тебя ведь не застанешь, - продолжала она, оправдываясь.

— Да, я вернулась совсем недавно: весь день ходила в поисках работы, - объяснила Елена.

— Так я же по этому самому поводу и пришла, - радостно воскликнула Клара Ивановна. - Мне сын еще вчера вечером позвонил и попросил: найди, мол, молодую скромную женщину, желательно настоящую верующую, для хорошей работы... Это его друг какой- то высокопоставленный попросил. А я сразу же о тебе подумала: знаю ведь, что ты без работы.

— А что нужно делать? - оживилась Елена.

— Да вроде бы что-то убирать там, но немного и не каждый день. В общем, он сказал, что работа нетрудная, но высокооплачиваемая, нужна честная женщина.

— Вот спасибо, благодарю Господа и Вас: сейчас на любую работу устроиться почти невозможно, а по моей специальности - и говорить нечего.

— Ты, милая, завтра утречком сразу же и сходи туда, пока место свободное. Вот и адрес сын продиктовал мне... - с этими словами Клара Ивановна протянула ей листок бумаги с записанным адресом.

— Еще раз большое Вам спасибо! - с радостной надеждой сказала Елена.

— Да ты не торопись благодарить-.то, - засмеялась соседка, вставая, - сначала устройся, а уж потом... Но я уверена,

что тебя обязательно примут.

— Как Бог даст, - ответила молодая женщина, провожая Клару Ивановну к двери, - пусть все будет только по Его воле.

Утром она отправилась по данному ей адресу и уже через полчаса звонила в дверь большого красивого двухэтажного дома, на котором не было никакой вывески. «Видимо, это частный дом одного из «новых русских», - решила Елена, - возможно, он ищет себе домработницу».

Дверь ей открыл высокий молодой блондин и, спросив как ее зовут, тут же провел на второй этаж и, распахнув перед ней какую-то дверь, исчез.

Елена нерешительно переступила порог и поняла, что оказалась, по-видимому, в кабинете большого начальника: новая изысканная мебель, изящные модные светильники, запах дорогих духов говорили о богатстве хозяина особняка. Возможно, это он собственной персоной сидит сейчас за письменным столом перед компьютером. Увидев вошедшую молодую женщину, он повернулся к ней и внимательно вглядываясь в ее лицо, предложил присесть в кресло.

— У меня очень мало времени, но всех работников я нанимаю сам, - начал он приветливым тоном, - вижу, что Вы действительно верующая: не

накрашены, скромно, но опрятно одеты и... в общем по всему видно, что Вы нас устраиваете. На вопросы у меня нет времени, можете считать себя принятой. Завтра же и приступайте.

— А в чем будет заключаться моя работа? - озадаченно спросила Елена.

— Разве вам не объяснили? - удивился хозяин кабинета, - всё на мне, всё на мне!.. Вам нужно будет убирать только один небольшой зал: там не должно быть никакой пыли - вот и все. Рабочий режим: сутки на работе, трое - дома. Кстати, подберите мне на эту работу еще трех молодых женщин из вашей церкви, таких как

Вы. А сейчас, извините, Ваше время истекло: я очень занят.

— Спасибо, до свидания, - Елена встала, чтобы уйти, но хозяин, неожиданно расхохотавшись, остановил ее:

— Подождите, еще минутку! Теперь я окончательно убедился в том, что Вы верующая.

— Что это значит? - не поняла Елена.

— Да Вы даже размером зарплаты не поинтересовались, собираясь приступать к работе. Значит, я в Вас не ошибся: завтра же приходите на работу, - весь сиял он, - думаю, нелишне будет узнать, что зарплата Вам будет выплачиваться в долларах.

Он назвал сумму и с победной улыбкой выжидающе посмотрел на нее. Елена видела доллары только нарисованными на вывеске валютного банка, мимо которого раньше ходила на работу. Названная сумма зарплаты была так велика, что она встревоженно спросила:

— А почему так много?

Ее собеседник опять громко рассмеялся и ответил:

— Благодарю, Вы мне сегодня подняли настроение! Впервые слышу такой вопрос, ведь обычно всем всегда мало. А теперь отвечу Вам: в нашем заведении много наличных денег, много соблазна для нечестных людей.

Поэтому я стараюсь сам подбирать работников и плачу им много, чтобы они... не прельстились на деньги наших дорогих клиентов.

— А какое здесь заведение? - насторожилась Елена.

— Как, разве Вам и это неизвестно? - искренне удивился хозяин кабинета и охотно объяснил:

— Вы будете работать в круглосуточном казино...

«Вот оно что!» - поняла Елена и немного растерявшись подумала: «А можно ли мне, христианке, здесь работать?»

— Ну как, Вы согласны на такую зарплату? - весело подытожил собеседник.

— Я должна подумать...

Помолиться, - решительно ответила она.

— Хорошо, молитесь, - благосклонно разрешил хозяин казино, - завтра утром жду Вас с ответом.

На следующее утро тот же блондин, встретив Елену, как уже хорошую знакомую, с улыбкой подведя ее к знакомой двери, опять сразу же исчез.

Хозяин кабинета, одетый уже в другой модный костюм оживленно беседовал по телефону и, увидев вошедшую Елену, жестом предложил ей присесть в кресло. Скоро закончив свою беседу, он приветливо обратился к ней:

— Поздравляю Вас с

первым рабочим днем! Надеюсь, Вы не передумали?

— Я пришла, чтобы отказаться от работы, - спокойно сказала молодая женщина.

— Отказаться? Вы в своем уме? Извините за эти слова, но я не привык, чтобы мне отказывали. Может быть, Вас не устраивает размер зарплаты? Я еще прибавлю...

— Дело не в зарплате, - начала было Елена.

— А в чем же тогда? - нервно перебил он, начиная понимать, что она действительно отказывается от предложенной работы.

— Я же говорила Вам, что

буду молиться. Так вот, мой Господь не желает, чтобы я работала в казино, - объяснила посетительница.

— Ваш Господь? Что Вы имеете в виду? Вы что - можете разговаривать с Богом? - недоумевая спросил он.

— Молитва - это разговор, общение с Богом, и Он создал нас, людей, именно для этого. Иисус Христос - мой Спаситель и Господь, все вопросы я решаю с Ним, потому что последние пять лет Он управляет моей жизнью, - ответила Елена.

Выражение его лица вдруг резко изменилось: растерянность и недоумение сменились жестким холодным взглядом, и он резким

тоном сказал:

— Я не понимаю Вас и не желаю понимать! Я ищу на это место верующих, но не сумасшедших. Отказаться от высокой долларовой зарплаты ради какого-то Иисуса!.. Почему же Он не позаботился о достойной для Вас работе? - ехидно закончил он.

— У Господа Свои мысли и Свои планы, и всему свое время, - ответила Елена, спокойно глядя на своего собеседника.

Он резко отвернулся и, почти взвизгнул:

— Все! Вы свободны! - Входная дверь открылась, и на пороге появился знакомый блондин, - Проводи ее, а ко мне -

никого! Ясно? - угрожающе крикнул хозяин кабинета.

...Через короткое время Елена нашла работу. Но не уборщицы, а инженера как раз по своей специальности, что в сложившейся обстановке казалось совершенно невозможным. Но разве есть что-нибудь трудное для Господа?

Шагни во свет

«...Господь устроит тебя от скорби твоей...»

Ис. 14:3

В Израиле живёт очень близкий и очень дорогой мне человек. С Диной (имя изменено) мы родились и жили когда-то в одном большом

городе. Дружили очень близко 12 лет. Сначала я переехала на Украину. Продолжали переписываться, перезваниваться, ездить друг к другу в гости. Через некоторое время Дина переехала в Израиль.

На нашей родине у неё была обеспеченная жизнь, обилие материальных благ, высокое положение в обществе, престижная должность, толпы поклонников и... даже поклонниц. Яркой внешностью, цепким, острым, необычным для женщины, умом она привлекала к себе очень многих и «купалась» в бесконечных восхищённых комплиментах. После переезда в Израиль всё вдруг резко

изменилось. Один за другим умерли все её близкие родственники. Она осталась совершенно одна, даже без собственного жилья.

Долгое время жила на пособие, хотя имеет высокую учёную степень: не удалось устроиться на работу. Да и всё теперь ей как-то не удаётся... Но она по-прежнему пока верит в себя больше, чем в Бога и видит причины неудачного поворота своей жизни в других. Например, в оставивших её друзьях, которые гораздо благополучнее живут в том же Израиле.

Мы с Диной продолжаем постоянно и довольно часто писать друг другу письма. Правда, была небольшая пауза в 1994 году, когда

она узнала о моём обращении к Богу. У неё как будто дыхание перехватило: так её это поразило, что сначала замолчала, а потом пыталась уговорить меня оставить «эту фанатичную секту», одуматься и верить «как все», то есть, к примеру, как верит она, изредка посещая храм и не обременяя себя даже чтением Библии. Но затем наша переписка возобновилась, и моя дорогая Диночка даже начала, наконец, писать «Бог» с большой буквы!

Иногда она «колет» и «щиплет» меня в письмах своими язвительными замечаниями, но я очень люблю её, с радостью замечаю в её высказываниях

неплохой результат Божьего труда и ликую от того, что «процесс пошёл».

Правда, в последнем письме, очень грустном, Дина пишет, что очень страдает от всевозможных бед, что зашла в тупик. Добавляет, что надеется на Бога, на то, что Он может спасать, но не видит этого в своей жизни. «Я люблю Его больше, чем Он меня!» - делает она ошибочное заключение. И в конце письма горько подмечает: «Жизнь моя почти закончена, и что же?! Ты помнишь, какая я была? А теперь меня уже ничто не радует... Такова история моей маленькой, но всё-таки души!»

И снова я пишу ей письмо, волнуясь и молясь, и спешу

отправить скорее, потому что знаю: ждёт эта истомившаяся душа большого счастья во Христе...

«Дорогая моя Диночка, мир сердцу твоему! Получила, наконец, твоё письмо, благодарю!

Ты знаешь, ведь путь человека к Богу непростой: через тернии - к звёздам. Мы все рождаемся с адамовой испорченной природой, и все мы - гордецы.

Чем скорее это увидим, тем лучше для нас. Путь освобождения приготовлен Богом через Христа. Он сделал для этого абсолютно всё, и от нас ожидает только одного: полной капитуляции и признания пред Ним своей никчемности, несостоятельности. Но этого, как

огня, боится наше высокомерное «я», оно падает в обморок от одной только мысли о самоуничижении.

Одна женщина недавно сказала мне заносчиво: «Я не хочу стать фанатиком веры: верю в Бога в меру, верю так, как понимаю, и считаю, что этого достаточно». Так мыслят очень многие (включая и меня в прошлом безбожии), не осознавая, что являются по сути фанатиками - в превозношении самих себя, а потому и не желают уступить Богу ни пяди.

Но самая высокая степень гордости и самомнения - это когда человек заявляет, что в нём гордости совсем нет.

И всё-таки Господь непостижимо

любит нас такими, какие мы есть и желает приблизить к Себе, но чтобы не отнять что-то у нас, а дать, не наказать, а пожалеть, не осудить, но простить.

Мы приходим к Нему часто через огромные страдания. Моя родная, тебе очень тяжело, и я плачу вместе с тобой. Но я не могу быть сейчас рядом и помочь так, как может только Он!

Человек рождён на страдания, чтобы, как искры, устремляться ввысь. Это из Библии, из книги Иова, прочитай её. Мы все когда-то знали о Боге только слухом уха, и самодовольные в своей самоправедности не понимали, почему душа наша так горько плачет

по ночам в подушку...

Ты перечисляешь, как многого лишилась, а Иов - почти в один миг остался без своего огромного имущества, всех десятерых детей и здоровья.

Поражённый страшной, неизлечимой болезнью и сарказмом близких друзей, отторженный от общества, в полном одиночестве, он всё-таки сердцем пробивался к Господу. И пробился! Но чтобы увидеть свою несостоятельность, отречься от себя и соединиться с Ним, ему надо было «съесть» и «выпить» много горьких Божьих откровений о самом себе.

Моя любимая Дина, ты пишешь, что ты Его больше любишь, чем Он

тебя. Но этого не может сказать ни один человек. Божья любовь непостижима, неизмерима по глубине и, главное, доказана смертью за нас Иисуса. А наша любовь к Нему, даже если она во Христе, как тусклый огарок коптящей свечи перед полнотой солнечного сияния. Ведь любовь измеряется не нашими преходящими чувствами, а только жертвой. Он это сделал. А мы? Пусть эта история, как ты пишешь, «твоей маленькой, но всё-таки души» закончится обретением большого счастья в Нём.

Пусть Господь Своим Духом обнимет тебя и утешит так, как не могу сделать ни я и никто из людей. Пусть Он поможет увидеть Его

огромную безусловную любовь к тебе и принять её - полностью, безоговорочно и немедленно. Об этом молюсь, очень жду твоих писем, посылаю свои стихи. Целую тебя, родная!

Света.»

Случайностей на свете не бывает.

Не видя Бога сквозь сомнений тьму,

Ты замерла над пропастью у края,

Не зная, как довериться Ему...

Черным-черно сейчас перед глазами:

Друзья тебя оставили в беде,

И злые силы будто бы связали,
И ты не видишь выхода нигде...

«Конец всему! - подсказывают мысли, -
Скорее рви страданий горьких нить!
«Но вдруг, коснувшись взглядом горней выси,
Тебе опять так хочется любить...

Случайностей на свете не бывает.
Когда проводит Бог через беду,
Душа твоя как вьюга завывает:
Поверь, она тоскует по Христу!

Ты так близка от Божьего потока -

Склонись к нему, живой воды испей:
Душа твоя востребовала Бога -
Не откажи в необходимом ей.

К тебе идёт Он в этой буре жизни,
Чтоб вытащить из пропасти потерь,
Всё-всё простить в Любви непостижимой
И указать спасительную Дверь.

Несётся жизнь, снежинкой быстро тает...
Но верю, что ко благу горечь бед:
Случайностей на свете не бывает -
И ты из тьмы скорбей шагнёшь

во Свет!

Праздник обновления

«...и была зима»

Ин. 10:22

Снова осень. И, как всегда, не верится: неужели лето уже промчалось? Такое большое, такое солнечное, такое долгожданное... Хоть у меня из-за затянувшегося ремонта квартиры оно оказалось очень хлопотливым, а все-таки - жаль. Очень жаль. И потому в последние летние денечки жара не раздражала, да ведь она была уже и не такой жгучей, как в июле.

Вспоминая прошлогодние унылые затяжные дожди осенью,

мысленно прошу: «Господи, пошли еще немного погожих дней...»

Тепло-то Он, если захочет, может и продлит, а вот осень точно не отменит. По той простой причине, что Сам постановил: «Впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся» Быт. 8:22. А потому и осень, сначала горделиво загоревшись красно-желтым костром листвы на деревьях, вдруг потухнет. А потом голые почерневшие ветки контрастно украсят белые пушистые хлопья снега. И зима властно вступит в свои холодные права. А все живое, замерев, будет с нетерпением ожидать следующей за этим

прекраснейшей поры года. И, если Господь еще продлит земное время, то обязательно опять состоится весна! Вдыхая еле уловимый терпкий аромат распускающихся тополиных почек, мы будем с восторгом созерцать это ежегодное чудо оживления природы. А потом снова примчится веселое, нарядное, шумное лето...

Удивительно то, что этот непрекращающийся «праздник обновления» начинается почему-то зимой: «Настал же тогда в Иерусалиме праздник обновления, и была зима» Ин. 10:22.

Да, поистине, мысли Господа - не наши мысли. Уж мы бы непременно поместили этот чудный праздник в

лето или весну. Но Он сказал: «...была зима...»

...Когда-то была зима, мрак, холод и в моем отчужденном от Бога сердце. Растопить этот лед равнодушия смогла только любовь Иисуса. И когда тьму души озарил теплый свет Божьих слов, вся внутренность моя заволновалась, застонала, впервые осознав свою духовную нищету. И когда, как росток из сухой земли, из сердца проклюнулся очень маленький и слабый росточек живой веры, и я почти неслышно, запекшимися от волнения губами, впервые обратилась к Небу: «Господи, прости!», вот тогда-то для меня и наступил праздник обновления. И

прямо среди очень долгой зимы всей моей прошлой греховной жизни вдруг расцвела Весна духовного возрождения и воссияло Лето Божьей благодати. Этот Праздник уже никогда не кончится.

Кстати, в тексте 22-го стиха из 11 главы Евангелия от Иоанна написано, что зима была. Была, но не осталась! Потому что, когда для души наступает праздник обновления, то уже нет места холоду, тьме, смерти. Нет места зиме греха.

Я давно не ожидаю как прежде, традиционных календарных краткодневных праздников. На моем календаре ежедневно - подаренный мне голгофской жертвою Иисуса -

праздник обновления моей души Святым Духом, Который готовит меня к блаженной Вечности с Богом.

...На нашей земле снова осень. Но в сердцах тех, кто обновлен Христом для Неба, праздничное настроение не кончается.

Вот новый день склоняется к закату...

Мне нужно быть то здесь, то где-то там.

Стараюсь сделать всё, что делать надо,

Но сердце так и рвется к Небесам.

Всем этим будням спешно-суетливым

Мой праздник обновленья не отнять.
Я прах земной, я сделана из глины.
Но в глиняном сосуде - благодать.

И нет тоски, хотя уж близок Вечер,
И не потушит тьма во мне тот Свет,
Который предвещает с Богом вечность,
Где вечный праздник, где печалей нет!

Дети Авраама

«Здесь нет различия между Иудеем и Еллином...»

Рим. 10:12

Нам сейчас трудно представить, что праотец еврейского народа родился в языческой среде. До 70 лет он жил в идолопоклонническом Уре Халдейском, но затем по Божьему призыву покинул этот город и, хоть не сразу, но пришел в Землю Обетованную. Впервые Авраам назван евреем только в 14 главе книги Бытие: «И пришел один из уцелевших, и известил Авраама Еврея, жившего тогда у дубравы Мамре...» Быт. 14:13.

«Евреи» - в переводе значит «пришельцы», «пришедшие из другой страны». И, действительно, язычники с удивлением наблюдали за этим необычным народом, который в отличие от них поклонялся неведомому им, язычникам, Богу. Евреи были настолько непохожи на других, что даже и между народами не числились (Чис. 23:9).

Да уж, кого Бог приближает к Себе - люди особенные. Но, как говорится, положение обязывает. Обязывает к особенному, святому образу жизни. Потому что уникальность Божьих людей - не в их собственных заслугах и природных способностях, а только -

в расположении к ним Творца всего видимого и невидимого. Но когда избранные Им начинают пренебрегать небесными ценностями и разрешают себе прикипеть сердцем к идолам, от истинного «еврейства» остается только название...

А Бог ищет и находит новых «пришельцев и странников» и неуклонно продолжает исполнять Свой вечный замысел. Он создает Церковь, которая состоит из тех, кто не только духовно вышли из своей земли и своего родства (сравните: Быт. 12:1 и Лк. 14:26), но еще и отрешились от всего, что имеют (Лк. 14:33), да и к тому же вообще умерли для себя и своей

эгоистической жизни (Рим. 6:3,4). Те, кто достойно представляет Бога на земле, всегда под Его особым покровительством.

Но что удивительно, одна из высших оценок, которую Господь дает новозаветным христианам: они - «дети Авраама по вере» (Гал. 3:7).

Вот так еврей Авраам стал отцом «всех верующих в необрезании» (Рим. 4:11), отцом всех тех «странников и пришельцев», которые, являя верность Богу, отображают Его всей своей жизнью, освещая и осоляя этот темный и испорченный грехом мир.

Так и хочется в восхищении воскликнуть: «О, бездна богатства и

премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его» Рим. 11:33.

И правда, какой необновленный духовным возрождением человеческий ум способен понять и вместить обращенные к нам, христианам из язычников, удивительной глубины Божьи слова: «Если же вы Христовы, то вы семя Авраамово и по обетованию наследники» Гал. 3:29? Поистине, только непостижимая любовь Господня в величайшей премудрости своей смогла составить этот чудесный план: сохранить и восстановить отступивший Израиль, а в промежутке составить Себе новый

народ, приобретая Церковь.

Но и это еще не все. Бог никогда не забывал и не переставал любить Своего первенца Израиля. Господь не отверг отступивший от Него народ (Рим. 11:1,2). И Он не только вернет Себе Израиль, но и совершит нечто изумительное: сделает из евреев и бывших язычников одно, «...упразднив вражду Плотию Своею ...дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека...» Еф. 2:15. Я счастлива, что и я - дочь Авраама по вере, что Бог Евреев стал и моим Богом, и что очень скоро Господь Иисус соединит всех Своих детей в одну вечную небесную семью, «...где нет Еллина, ни Иудея, ни

обрезания, ни необрезания... но все и во всем Христос» Кол. 3:11.

Нет больше различья –
Еврей иль язычник –
Коль Бога величии,
Меж нами нет стычек.

Вражду уничтожил
Христос на Голгофе,
И ныне Сын Божий
Спасает любовью.

Захвачен Он целью:
Создать город новый -
Израиль и Церковь
Сольются в одно в Нем.

Нам - даром спасенье,

Но Кровь Иисуса -
Цена для прощенья
Греховного груза.

Народы, скорее
Христу поклонитесь:
Ведь Бог всех евреев
Для мира - Спаситель!

Нашла!

«Мы неизвестны, но нас узнают...»

2 Кор. 6:9

Эта история произошла в прошлом, когда в нашем бывшем СНГ резко ухудшилось экономическое положение, и даже хлеб купить было нелегко.

Как-то один верующий, увидев, что в магазин привезли хлеб, занял место в успевшей образоваться очереди, и когда уже приближался к прилавку, вдруг услышал рядом с собой крик:

— А вот ты здесь не стоял, ну-ка, выходи!

Брат оглянулся и увидел перед собой средних лет женщину, которая вызывающе повторила, глядя на него: - Выходи, выходи из очереди! Ты пришел только сейчас и хочешь всех нас обмануть, - она цепко ухватила его за рукав пальто и потянула к себе.

Внутренне помолившись, он решил не доказывать свою правоту. Не проронив ни слова, брат

спокойно вышел из очереди и под насмешливые реплики этой женщины прошел назад и заново встал в очередь. К счастью, хлеба ему хватило, и он, сделав покупку, вернулся домой. Дома он помолился за женщину, которая по неизвестной причине посмеялась над ним, и поблагодарил Господа за то, что Он помог ему поступить правильно, избежав ссоры.

В эту минуту в дверь позвонили. На пороге стояла его обидчица. Брат в недоумении смотрел на нее, а она взволнованно пояснила:

— Я следила за Вами, когда Вы вышли из магазина: вот так и узнала Ваш адрес.

Брат пригласил её войти и

поинтересовался:

— Расскажите, что Вам нужно?

— Да Вы не беспокойтесь, - смущенно улыбнулась неожиданная гостья, - и, прежде всего, простите меня за мое поведение в хлебном магазине. Всё это было не бесцельно.

После этого женщина поведала брату, что уверовала в Бога, но никак не могла найти настоящих верующих.

— Сейчас о Боге многие проповедуют, и каждый к себе зовет, - охотно делилась она своими переживаниями, - а я неопытная, боюсь заблудиться. Попросила у Бога: пошли мне истинного

христианина. Соседи показали мне Вас. Но я подумала - не буду спешить, сначала проверю его: на словах-то все христиане. Вы уж меня простите, конечно. Другого выхода не было: как иначе я могла узнать, правильная ли у Вас вера.

Брат удивленно слушал, а она продолжала:

— Когда Вы промолчали в ответ на мое придуманное обвинение, я поняла, что Вы - действительно верующий. А когда Вы совсем не рассердились, спокойно вышли из своей законной очереди и встали в «хвост», я окончательно убедилась в том, что нашла то, что искала. А теперь, дайте мне, пожалуйста, адрес вашей

церкви.

Что насытит душу?

«Все ищут своего, а не того, что угодно Иисусу Христу»

Фил. 2:21

Воскресное раннее утро. Собираюсь на христианское собрание в Молитвенный дом.

Обычно в этот день в нашем городке на улицах пустынно. Одни, видимо, отсыпаются, другие - напротив, поднимаются рано и отправляются за город на отдых.

Слышу, как взвизгнув тормозами, к дому подъехала какая-то машина.

Выглядываю в окно и вижу, что

это такси, из которого с трудом выбирается крупный мужчина с красным, припухшим лицом - очевидно, это следы бурно проведенной ночи.

Он торопливо заходит в круглосуточный мини-маркет, расположенный на первом этаже нашего четырехэтажного дома, и почти сразу же выходит оттуда с бутылками пива в руках. Затем садится в поджидающее его такси, и оно резко срывается с места.

Почти напротив нашего дома - «постоянно действующая» огромная куча мусора, прямо на дороге, куда почему-то сбрасывают свои отходы близлежащие магазины. Здесь все время оживленно: уличные собаки,

бомжи и даже вполне прилично одетые люди роются в поисках чего-то для себя полезного.

Сегодняшним утром этим занимается пока какая-то женщина. Из большого мешка она что-то достает и отбрасывает в сторону.

Наконец, она останавливает свое внимание на помятой куртке. Внимательно рассмотрев ее, женщина перекидывает находку через плечо и уходит.

В этом мире каждый что-то ищет, на чем-то сосредоточивает свое внимание.

Кто-то ищет хорошего врача, кто-то - модный антиквариат.

Люди усердно и настойчиво ищут работу, спутницу или спутника

жизни; ищут, куда бы переселиться, чтобы повысить свой уровень жизни.

Многие ищут, как убить время...

И только единицы, если взять масштабы вселенной, ищут Господа, стремятся познать истину.

Конечно, от земных забот нам никуда не деться. Но печальный конец ждет тех, кем они овладевают полностью, отвлекая от Бога, от мыслей о вечности.

Ведь даже успешное осуществление всех земных планов и желаний не удовлетворит, не насытит бессмертную человеческую душу. «Только в Боге успокаивается душа моя; от Него спасение мое» Пс. 61:2.

Если вам так и не удастся найти

то или иное, что вы ищите для кратковременной жизни в теле - это не так страшно. Но вот если вы за всё время своего земного странствования не найдете Бога и не соединитесь с Ним через рождение свыше, - это будет трагедией для вас на всю вечность.

Один брат во Христе недавно обратился в проповеди к своим неверующим слушателям с такими словами:

— Здесь, на земле, еще можно как-то обойтись без Христа, хотя это не жизнь, а жалкое существование; но вечность без Христа - это нескончаемая катастрофа.

Возможно, кто-то возразит,

заявив, что он не обязан искать Бога и поэтому не будет этого делать.

Что же, у каждого есть возможность выбора.

Только прежде чем прийти к такому решению, внимательно прочитайте следующие слова из Библии:

«А всякий, кто не станет искать Господа, Бога Израилева, должен умереть, малый ли он или большой, мужчина ли, или женщина» 2 Пар. 15:13.

Кто ищет быть независимым от Бога, попадает в зависимость от дьявола, хотя как будто и не ищет этого.

Поэтому «ищите Господа, когда можно найти Его, призывайте Его,

когда Он близко» Ис. 55:6.

И, наконец, возможно, кто-то спросит: «Да как же искать Его? Как я могу найти Бога?»

Ответ очень простой и доступный пониманию всякого человека в следующем стихе:

«Да оставит нечестивый путь свой и беззаконник - помыслы свои, и да обратится к Господу, и Он помилует его» Ис. 55:7.

Бог очень желает открыть Себя каждому человеку, дело - за нами. «Ищущий находит!»

Пока найти Христа возможно,
Ищите Господа скорей.
И если душу совесть гложет,
Не оставляйте жить грех в ней.

Оставьте поиски другие:
Второстепенное - потом.
От самого себя бегите,
Упав в молитве пред Христом.

Бог благ ко всем, кто Его ищет,
Он приближается к таким,
И для души нет слаще пищи,
Чем стать для Господа Своим.

Взгляд Христа

«Если мы неверны, Он пребывает верен, ибо Себя отречься не может»

2 Тим. 2:13

По улице идет молодая женщина, которая держит за руку

маленькую девочку, с трудом передвигающую свои ножки. По виду это мать с дочкой. Неожиданно малышка вырывает свою руку из материнской руки и сразу же, потеряв опору, падает, да еще и в грязную лужу. Женщина что-то сердито говорит ей и пытается поднять, но девочка сильно сопротивляется, отталкивая ее от себя. Глядя на рассерженное лицо матери, она отчаянно ревет, но предпочитает оставаться в грязной луже.

В конце концов, женщина применяет силу и, хорошенько отшлепав дочку, уносит ее на руках, все еще плачущую и отчаянно сопротивляющуюся...

Из любви к своему ребенку, мать не оставила ее лежать в грязи, хотя и применила наказание. Наш Небесный Отец любит Своих детей не меньше, а гораздо больше земных родителей. Когда мы все в первом Адаме ушли от Него, то сразу же упали в грязь грехов. Но Бог не оставил нас в нашем ужасном падении и через Иисуса Христа простил человечеству все беззакония.

Сейчас Он протягивает руку каждому упавшему и предлагает встать на путь, ведущий в прекрасную вечность. Но часто люди, как та капризная девочка, сопротивляются и упрямо желают оставаться в отвратительной луже

греха.

Возможно, малышку оттолкнуло сердитое лицо матери. Но во взгляде Небесного Отца, направленном на нас, упавших - только Любовь. Она неизменна и безусловна, поэтому непостижима для нас, людей с греховной природой: ведь сами по себе мы можем любить только за что-то и только - на какое-то время.

Открой Библию и посмотри на Христа через Его живое Слово или же обратись к Нему в искренней сердечной молитве. В Его взгляде, обращенном на тебя, ты обязательно увидишь Любовь.

А дальше? Дальше всё зависит от тебя.

Отрекшийся от Христа ученик Петр, встретившись с Ним взглядом, горько заплакал, глубоко осудив самого себя. И был полностью оправдан Богом. У другого ученика, Иуды, тоже была возможность увидеть эту любовь Христа, когда Он дал ему еще одну возможность раскаяться в своем предательстве, мягко спросив: «Друг, для чего ты пришел?» Возможно, Иуда не посмотрел в глаза Иисуса, и в этом была его ошибка. Не в силах больше нести свой грех, он удавился.

Посмотри на Христа. Он смотрит на тебя с любовью. Ты увидел это? Почему же тогда ты все еще продолжаешь сидеть в грязной луже

греха, не желая ухватиться за Его протянутую руку?

Когда-то мы все отреклись от Христа
И думали: в этом свобода.
Когда-то наш дух против Бога восстал,
Когда-то Он нами был продан.

Что нас отрезвило? Один Его взгляд:
Прощающий, добрый и нежный.
Чем был обезврежен греха горький яд?
Открытьем: Бог любит, как прежде!

И плакали мы как отрекшийся

Петр,
Себя осуждая безмерно,
Когда осенило: Бог Сына вознес
На крест и отдал в руки смерти.

Мы все распинали Иисуса Христа,
Мы все ненавидели Бога,
Но Он за грехи наши жертвою стал,
Виновных прощая с любовью.

Пусть даже над бездной повис ты сейчас:
Взгляни на Христа - Он удержит,
Прижмет ко груди и изгонит печаль,
И скажет: «Люблю, как и прежде!»